

РОССИЙСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ ДРУЖБЫ НАРОДОВ

Вестник Российского университета дружбы народов.

Серия: ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

2019 Том 23 № 4

doi: 10.22363/2313-2337-2019-23-4

<http://journals.rudn.ru/law>

Научный журнал

Издается с 1997 г.

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи,

информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-61212 от 30.03.2015 г.

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Российский университет дружбы народов»

Главный редактор
О.А. Ястребов,
доктор юридических наук, профессор;
техническое и организационное
обеспечение, взаимодействие
и контакты, РУДН, г. Москва,
Российская Федерация.

E-mail: yastrebov-oa@rudn.ru

Заместитель главного редактора
Н.А. Власенко,
доктор юридических наук,
профессор; научная политика,
качество публикуемых материалов,
формирование выпусков, РУДН,
г. Москва, Российская Федерация.

E-mail: vlasenko-na@rudn.ru

Ответственный секретарь
П.Н. Андреева,
переписка с авторами,
делопроизводство журнала, ведение
электронных каталогов, организация
рецензирования материалов, РУДН,
г. Москва, Российская Федерация.

E-mail: andreeva-pn@rudn.ru

Редактор
И.А. Гроник,
кандидат юридических наук;
подготовка номера к изданию,
оформление номера, техническое
редактирование материала, РУДН,
г. Москва, Российская Федерация.

E-mail: gronik-i@rudn.ru

Члены редакционной коллегии

Абшидзе Аслан Хусейнович, доктор юридических наук, профессор, Российский университет дружбы народов, г. Москва, Российская Федерация.

Байдельдинов Даулет Лаикович, доктор юридических наук, профессор, Казахский национальный университет имени аль-Фараби, г. Алматы, Республика Казахстан.

Варламова Наталья Владимировна, кандидат юридических наук, доцент, Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва, Российская Федерация.

Васильева Татьяна Андреевна, доктор юридических наук, доцент, Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва, Российская Федерация.

Джансараева Рима Еренатовна, доктор юридических наук, профессор, Казахский национальный университет имени аль-Фараби, г. Алматы, Республика Казахстан.

Еремян Виталий Владимирович, доктор юридических наук, профессор, Российский университет дружбы народов, г. Москва, Российская Федерация.

Клишас Андрей Александрович, доктор юридических наук, профессор, Российский университет дружбы народов, г. Москва, Российская Федерация.

Либенберг Сандра, доктор права, профессор, Стелленбосский университет, г. Стелленбос, Южно-Африканская Республика.

Немытина Марина Викторовна, доктор юридических наук, профессор, Российский университет дружбы народов, г. Москва, Российская Федерация.

Паназиотопулос Димитриос, доктор права, профессор, Афинский университет, г. Афины, Греция.

Почекаев Роман Юлианович, кандидат юридических наук, доцент, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» в Санкт-Петербурге, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация.

Пьетробон Александра, доктор юридических наук, профессор, Падуанский университет, г. Падуя, Италия.

Робинсон Николас А., доктор юридических наук, профессор, Университет Пейс, штат Нью-Йорк, Соединенные Штаты Америки.

Тимошина Елена Владимировна, доктор юридических наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация.

EDITORIAL BOARD

**Вестник Российского университета дружбы народов.
Серия: ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ**

ISSN 2313-2337 (Print) ISSN 2408-9001 (Online)

Периодичность: 4 выпуска в год

Языки публикаций: русский, английский.

Журнал индексируется в *Russian Science Citation Index (RSCI)* на платформе *Web of Science*, в *РИИЦ*, *eLIBRARY.RU*, *Google Scholar*, *Ulrich's Periodicals Directory*, *World Cat*, *Cyberleninka*, *DOAJ*, *EBSCOhost*, *перечень ВАК*.

Цель журнала и направленность публикаций

Журнал публикует статьи по фундаментальным и прикладным проблемам юридической науки, рецензии на монографии и обзоры научных мероприятий.

Цель журнала — публиковать результаты оригинальных научных исследований по широкому кругу вопросов современного развития государства и права, истории законодательства и государственных институтов, филофонии и социологии права.

В журнале публикуются результаты научных исследований по широкому спектру правовых проблем, в том числе по тематике, соответствующем специальностям ВАК юридические науки: 12.00.01, 12.00.02, 12.00.03, 12.00.04, 12.00.06, 12.00.08, 12.00.09, 12.00.10, 12.00.11, 12.00.12, 12.00.13, 12.00.14, 12.00.15. Материалы основаны на современной методологии юридической науки, содержат доктринальные подходы, отражают новейшие тенденции в законодательстве и правоприменительной практике России и зарубежных стран, международном правовом регулировании.

Политика журнала базируется на соблюдении норм научной этики.

Основным критерием отбора материалов для опубликования является их научный уровень, все статьи проходят внешнее рецензирование (двойное слепое).

Материалы для опубликования представляются через онлайн-систему: <http://journals.rudn.ru/law/about/submissions#onlineSubmissions>.

Требования к публикуемым материалам, правила оформления статей, архив и дополнительная информация размещены на сайте: <http://journals.rudn.ru/law>.

Литературный редактор: К.В. Зенкин

Компьютерная верстка: Е.В. Попова

Адрес редакции:

115419, Москва, Россия, ул. Орджоникидзе, д. 3

Тел.: +7 (495) 955-07-16;

e-mail: publishing@rudn.ru

Почтовый адрес редакции:

117198, Москва, Россия, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

Тел.: +7 (495) 434-22-12; e-mail: lawj@rudn.ru

Подписано в печать 29.11.2019. Выход в свет 09.12.2019. Формат 70×100/16.

Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Times New Roman».

Усл. печ. л. 12,26. Тираж 500 экз. Заказ № 1856. Цена свободная.

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Российский университет дружбы народов» (РУДН) 117198, г. Москва, Россия, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

Отпечатано в типографии ИПК РУДН

115419, Москва, Россия, ул. Орджоникидзе, д. 3, тел. +7 (495) 952-04-41; publishing@rudn.ru

© Российский университет дружбы народов, 2019

RUDN University

RUDN JOURNAL OF LAW

2019 VOLUME 23 No. 4

DOI: 10.22363/2313-2337-2019-23-4
<http://journals.rudn.ru/law>

Founded in 1997

Founder: PEOPLES' FRIENDSHIP UNIVERSITY OF RUSSIA

EDITOR-IN-CHIEF

Oleg A. Yastrebov,
Doctor of Legal Sciences,
Professor; technical
and organizational support,
interaction and contacts,
RUDN University, Russia.

E-mail: yastrebov-oa@rudn.ru

DEPUTY EDITOR-IN-CHIEF

Nikolay A. Vlasenko,
Doctor of Legal Sciences,
Professor; scientific policy, quality
of published materials, formation
of issues, RUDN University, Russia.

E-mail: vlasenko-na@rudn.ru

EXECUTIVE SECRETARY

Polina N. Andreeva,
correspondence with the authors,
journal records management,
maintaining electronic catalogs,
organization of reviewing materials,
RUDN University, Russia.

E-mail: andreeva-pn@rudn.ru

EDITOR

Irina A. Gronik,
Candidate of Legal Sciences,
preparation of the Journal's layout
for publication, design of the Journal's
layout, technical editing of the mate-
rial, RUDN University, Russia.

E-mail: gronik-i@rudn.ru

EDITORIAL BOARD

- Aslan Kh. Abashidze*, Doctor of Legal Sciences, Professor, RUDN University, Moscow, Russia.
Daulet L. Baideldinov, Doctor of Legal Sciences, Professor, Al-Farabi Kazakh National University, Almaty, Republic of Kazakhstan.
Natalia V. Varlamova, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Institute of State and Law Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.
Tatiana A. Vasilyeva, Doctor of Legal Sciences, Associate Professor, Institute of State and Law Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.
Rima Y. Dzhansarayeva, Doctor of Legal Science, Professor, Al-Farabi Kazakh National University, Almaty, Republic of Kazakhstan.
Vitaly V. Yeremyan, Doctor of Legal Sciences, Professor, RUDN University, Moscow, Russia.
Andrey A. Klishas, Doctor of Legal Sciences, Professor, RUDN University, Moscow, Russia.
Sandra Liebenberg, LL.D. (Witwatersrand), Professor, Stellenbosch University, Stellenbosch, South Africa.
Marina V. Nemytina, Doctor of Legal Sciences, Professor, RUDN University, Moscow, Russia.
Dimitrios Panagiotopoulos, Doctor of Law, Professor, University of Athens, Athens, Greece.
Roman Yu. Pochekaev, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, National Research University Higher School of Economics in Saint Petersburg, Saint Petersburg, Russia.
Alessandra Pietrobbon, PhD in Law, Full Professor, University of Padova, Padova, Italy.
Nicholas A. Robinson, S.J.D., Professor, Pace University, NY, USA.
Elena V. Timoshina, Doctor of Legal Sciences, Associate Professor, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia.

RUDN JOURNAL OF LAW
Published by the RUDN University, Moscow, Russia

ISSN 2313-2337 (Print) ISSN 2408-9001 (Online)

Frequency: Quarterly (4 times per year)

Publication languages: Russian, English

The Journal is indexed: *in Russian Science Citation Index (RSCI) on the Web of Science's platform, eLIBRARY.RU, Google Scholar, Ulrich's Periodicals Directory, World Cat, Cyberleninka, DOAJ, EBSCOhost, VAK (Higher attestation Commission under the Ministry of science and education of Russia)*

Purpose and scope of the journal

RUDN Journal of Law publishes articles on the fundamental and practical issues of legal science, book and conference reviews.

The purpose of the journal is to publish the results of original scientific researches on a wide range of issues of modern development of the state and law, the history of legislation and state institutions, philosophy and sociology of law

The journal publishes the results of research on a wide spectrum of legal issues.

The papers published are based on contemporary methodology of the legal science, contain doctrinal approaches, reflect new tendencies in legislation and law enforcement practice of the Russia and foreign countries, international legal regulation.

The policy of the journal is built upon the observance of norms of scientific ethic.

The key criteria for the selection of materials is their scientific level.

The submission of the manuscripts is operated through an online system: <http://journals.rudn.ru/law/about/submissions#onlineSubmissions>.

The submission requirements, instructions regarding manuscripts, archive and additional information are available on the website of the journal: <http://journals.rudn.ru/law>.

Review editor *K.V. Zenkin*

Computer design *E.V. Popova*

Address of the Editorial Board:

3 Ordzhonikidze str., 115419, Moscow, Russia
Ph. +7 (495) 952-04-41; e-mail: publishing@rudn.ru

Postal Address of the Editorial Board:

6 Miklukho-Maklaya str., 117198, Moscow, Russia
Ph. +7 (495) 434-22-12; e-mail: lawj@pfur.ru

Printing run 500 copies. Open price

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University)
6 Miklukho-Maklaya str., 117198, Moscow, Russia

Printed at RUDN Publishing House:

3 Ordzhonikidze str., 115419, Moscow, Russia,
Ph. +7 (495) 952-04-41; e-mail: publishing@rudn.ru

СОДЕРЖАНИЕ

Ястребов О.А. Поздравление с 60-летием Юридического института	487
--	-----

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Рафалюк Е.Е. Интеграция как объект исследования юридических наук	490
Абрамов Н.С. Международно-правовой статус плавучих нефтегазовых установок	510
Proshunin M.M. Public securities and derivatives law as branch of the financial law (Публичное фондовое и деривативное право как институт финансового права)	533

ПРАВО И ГЕНОМНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Alimov E.V. Genomic research legal regulation system: experience of Russia and the USA (Система правового регулирования геномных исследований: опыт России и США)	546
Новикова Р.Г. Ислам и генетика: вопросы религии, этики и права	565

ПРОЦЕССУАЛЬНОЕ ПРАВО

Русакова Е.П. Правовые основы гражданского судопроизводства Социалистической Республики Вьетнам	586
--	-----

ИСТОРИКО-ПРАВОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Почекаев Р.Ю. Правовые реалии Монголии XVIII — 1-й пол. XIX в. глазами российских путешественников (опыт юрико-антропологического анализа)	602
--	-----

РЕЦЕНЗИИ. НАУЧНЫЕ ФОРУМЫ

Сырых В.М. Рецензия на библиографический словарь «Доктора юридических наук, профессора — преподаватели и выпускники Иркутского государственного университета». ФГБОУ ВО «ИГУ», Юрид. ин-т / Под ред. В.Н. Казарина. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2018. 252 с.	622
Кожокаръ И.П. Рецензия на монографию «Начала теории законодательных дефектов: монография / А. Ю. Викулин». М.: Норма, 2019. 344 с.	627
Монгуш А.М. Участие Юридического института РУДН в XXI Международном научно-практическом форуме «ЮРТЕХНЕТИКА»	634

**К 60-ЛЕТИЮ ЮРИДИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА РУДН
НАУЧНЫЕ ШКОЛЫ И НАПРАВЛЕНИЯ ИССЛЕДОВАНИЙ**

Еремян В.В. Школа сравнительного конституционного и муниципального права (Часть I)	640
---	-----

СОДЕРЖАНИЕ

ЮРИДИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ В ЛИЦАХ

Павлова Н.Г. Страница истории Института (60 ступеней к будущему)	653
Муромцев Г.И. Воспоминания об Александре Филипповиче Шебанове	659
Федоров М.В. Жидков Олег Андреевич — человек, ученый, педагог	665

CONTENTS

Oleg A. Yastrebov. Congratulations on the 60 th anniversary of the Law Institute	487
---	-----

STATE AND LAW IN CONTEMPORARY WORLD

Elena E. Rafalyuk. Integration as an object of research of legal sciences	490
Nikita S. Abramov. International legal status of the offshore mobile oil and gas installations	510
Maxim M. Proshunin. Public securities and derivatives law as branch of the financial law	533

LAW AND GENOMIC RESEARCH

Emil V. Alimov. Genomic research legal regulation system: experience of Russia and the USA	546
Ramilya G. Novikova. Islam and genetics: religious, ethical and legal issues	565

PROCEDURAL LAW

Ekaterina P. Rusakova. The legal framework of civil proceedings of the Socialist Republic of Vietnam.....	586
--	-----

HISTORICAL AND LEGAL STUDIES

Roman Yu. Pochekaev. Legal realities of Mongolia in 18 th — first half of 19 th c. as seen by russian travelers (attempt of analysis from legal anthropology point of view)	602
--	-----

REVIEWS. DISCUSSION FORUMS

Vladimir M. Strykh. Review of the bio-bibliographic dictionary “Doctors of Law, Professors — Teachers and Graduates of Irkutsk State University”. “ISU”, Law. in-t / Ed. V.N. Kazarina. Irkutsk: ISU Publishing House, 2018. 252 p.	622
Igor P. Kozhokar. Review of the monograph “Beginnings of the theory of legislative defects: monograph / A. Yu. Vikulin”. Moscow: Norma, 2019. 344 p.	627
Aelita M. Mongush. The participation of RUDN University Law Institute in the XXI International scientific and practical forum “Legal Technics”	634

CONTENTS

**ON THE 60TH ANNIVERSARY
OF THE RUDN UNIVERSITY LAW INSTITUTE
SCIENTIFIC SCHOOLS AND RESEARCH AREAS**

Vitaliy V. Eremyan. Comparative constitutional and municipal law school (Part I) .. 640

FACULTY OF LAW (INSTITUTE) IN PERSONS

Natalya G. Pavlova. The page of the Institute's history (60 steps to the future) 653

Gennady I. Muromtsev. Memories of Alexander Filippovich Shebanov 659

Michael V. Fedorov. Zhidkov Oleg Andreevich - man, scientist, teacher 665

ПОЗДРАВЛЕНИЕ С 60-ЛЕТИЕМ ЮРИДИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА

О.А. Ястребов

доктор юридических наук, профессор,
Директор юридического института Российского университета дружбы народов
117198, Москва, Россия, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

*Уважаемые Читатели журнала!
Коллеги! Студенты и аспиранты!*

Начало следующего года, 2020-го, ознаменовано большим событием — Российский университет дружбы народов и его Юридический институт будут праздновать свое 60-летие!

Наш Университет был образован в 1960 году советским Правительством. Советский Союз всегда горячо поддерживал национально-освободительное движение в странах Азии, Африки и Латинской Америке. Молодые государства крайне нуждались в квалифицированных кадрах, в том числе и в сфере юриспруденции. Университет в самое короткое время стал эффективной кузницей кадров для развивающихся государств и стран, освободившихся от колониальной зависимости.

С годами факультет экономики и права вырос и развивался, и в 1966 году стал самостоятельным структурным подразделением Университета, а в 2014 г. — Юридическим институтом. Если в начале 60-х годов первых выпускников было не так много, то в настоящее время — это сотни студентов, магистров, аспирантов и докторантов. Укрепились научные школы, защищены десятки кандидатских и докторских диссертаций. Вышли в свет сотни книг и научных статей. Учебники и учебные пособия стали методологической и образовательной основой не только для учащихся Юридического института, но и для студентов других юридических вузов и факультетов.

Наши студенты и аспиранты не только активны в учебе и научной деятельности, но и проявляют себя в общественной жизни: победы на спортивных соревнованиях, интеллектуальных единоборствах и др.

Сегодня мы с благодарностью вспоминаем основателей юридического факультета в РУДН:

- Олега Андреевича Жидкова, д.ю.н., профессора;
- Александра Филипповича Шебанова, д.ю.н., профессора;
- Николая Владимировича Черноголовкина, д.ю.н., профессора;
- Нину Антоновну Куфакову, к.ю.н., профессора, и многих других.

Вечная память тем, кого уже нет с нами, и пожелания здоровья тем, кто трудится в юридическом институте или находится на заслуженном отдыхе.

Уважаемые студенты и аспиранты, дорогой коллектив преподавателей и сотрудников, с ЮБИЛЕЕМ вас! Здоровья, творческих успехов и личного благополучия!

CONGRATULATIONS ON THE 60th ANNIVERSARY OF THE LAW INSTITUTE

Oleg A. Yastrebov

Doctor of Legal Sciences, Professor
Director of the Institute of Law Peoples' Friendship University of Russia
6, Miklukho-Maklaya str., 117198, Moscow, Russia

***Dear Readers of the journal of law!
Colleagues! Students and graduate students!***

The beginning of next year, 2020, is marked by a big event — the Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University) and RUDN Law Institute will celebrate their 60th anniversary!

Our university was founded in 1960 by the Soviet Government. The Soviet Union has always supported the national liberation movement in Asia, Africa and Latin America. Young states urgently needed qualified personnel, including in the field of jurisprudence. The university became an effective forge of cadres for the developing states freed from colonial dependence.

Over the years, the faculty of economics and law has developed. In 1966 it became an independent structural unit of the University, and in 2014 — the Law Institute. If in the early 60s there were not so many graduates, now there are hundreds of students, masters, graduate students and doctoral students. Scientific schools were strengthened, dozens of candidate and doctoral dissertations were defended. Hundreds of books and scientific articles have been published. Textbooks and study guides have become a methodological and educational basis not only for students of the Law Institute, but also for students of other law schools and faculties.

Our students and graduate students are not only diligent in study and scientific activity, but also show themselves in public life: victories in sports competitions, intellectual competitions, etc.

Today, we remember with gratitude the founders of the Faculty of Law in the Peoples' Friendship University:

- Oleg Andreevich Zhidkov, Doctor of Law, Professor;
- Alexander Filippovich Shebanov, Doctor of Law, Professor;
- Nikolai Vladimirovich Chernogolovkin, Doctor of Law, Professor;
- Nina Antonovna Kufakova, Ph.D., Professor, and many others.

Eternal memory to those who are no longer with us, and health wishes to those who work at the Law Institute or are in a deserved retirement!

Dear students and graduate students, dear team of teachers and staff, Happy Anniversary. Health, success and personal well-being!

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

STATE AND LAW IN CONTEMPORARY WORLD

DOI: 10.22363/2313-2337-2019-23-4-490-509

Research Article

INTEGRATION AS AN OBJECT OF RESEARCH OF LEGAL SCIENCES

Elena E. Rafalyuk¹

The Secretariat of the Court of the Eurasian Economic Union
5, Kirova str., 220006, Minsk, Republic of Belarus

The solution of both theoretical and practical problems related to the legal support of integration processes determines the relevance of the search for appropriate methodological approaches to the study of this problem. Reference to the problems of methodology of studying the legal nature and law of integration of interstate associations is important, as there is still no uniformity in the theoretical interpretation and methods of research of legal integration. The purpose of this article is to consider the possibilities of application of interdisciplinary, multidisciplinary, transdisciplinary (system) approaches to the study of certain problems related to the legal support of integration. The analysis of the chosen problems is based on the provisions of domestic and foreign scientific works devoted to the problems of the methodology of jurisprudence. As a result of the research, the author comes to the conclusion that in the conditions of the global world complex objects of reality, which also include integration, can not be cognizable within one scientific discipline, which is a significant argument in favor of referring to interdisciplinary, multidisciplinary and systemic methodology. The choice of the appropriate methodological approach to the study of integration depends on: the essence and characteristics of the object of study; the objectives of the study; the purpose of the study. No less important aspect in the study of integration is the appeal to the axiological aspects of integration processes, and therefore, the study of various aspects of regional economic integration, for example, cultural, sociological, psychological, aimed at the study of values and goals of integration, the state of society, the role of man in the integration process.

¹ © Rafalyuk E.E., 2019.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0>

Key words: Integration, methodology, legal sciences, interdisciplinarity, multidisciplinary approach, system approach, integration association, Eurasian Economic Union, legal system, regional integration courts

INTRODUCTION

«Plato said that it is necessary to look for the most suitable way to achieve knowledge, and when it comes to the highest knowledge, it is the longest way, because the shortest way would not fit such a high goal».

(Juan Berchmans Vallet de Goytisolo. Manual introductorio a las metodologías del derecho. Madrid. 2004. P. 17).

The solution of both theoretical and practical problems related to the legal support of integration processes, actualizes the issue of the application of a set of different scientific methods to study this problem. Integration as a social phenomenon is the object of knowledge of social sciences. Issues of legal regulation of integration are studied within the framework of sectoral legal sciences — theory of state and law, international public and private law, comparative law and others.

It should be noted that the issues of methodology of law take a significant place in the scientific works of the following national legal scholars: N.A. Vlasenko, D.A. Kerimov, A.V. Malko, V.P. Malakhov, M.N. Marchenko, N.I. Matuzov, M.V. Nemytina, V.N. Siniukov, V.M. Strykh, Y.A. Tikhomirov, T.Ya. Khabrieva, K.V. Shundikov, and others.

Methodological problems of legal research are touched upon on the pages of *RUDN Vestnik (Legal Science Series)*.

K.A. Bekyashev, G.M. Velyaminov, A.S. Ispolinov, A.Y. Kapustin, S.Y. Kashkin, E.G. Moiseev, T.N. Neshataeva., V.L. Tolstykh, M.L. Entin and others studied theoretical and methodological aspects of integration process in their works.

The review of several foreign scientific works showed the presence of scientific publications in the field of general theoretical problems of the methodology of law, the use of interdisciplinary and systematic approaches in legal research.

At the same time, it can be noted that there is no uniformity of approaches in the field of methodology of studying the legal support of integration processes, the law of interstate integration associations and its legal nature that determines the relevance of considering integration as an object of research of legal sciences.

First, it seems necessary to refer to the definition of the term “methodology”. The author of the article shares the approach according to which the methodology of legal science is not just a set of research methods, but “an integral phenomenon that combines a number of components: worldview and fundamental general theoretical concepts, general philosophical laws and categories, general and particular scientific methods” (Kerimov, 2003:83).

As Karl Larenz observed, “the methodology of each science is primarily a reflection of that science on its own approaches, ways of thinking, and means of cognition. Reflection does not take place separately from the application of knowledge; it accompanies or follows it immediately and is in the closest union with science. This also applies to the methodology of law” (Larenz, 1994:236).

The modern stage of scientific knowledge, characterized by “the creation of a kind of field of intersection, active interaction and interpenetration of different theoretical concepts and methods of knowledge that seem to stay far away from each other” (Kerimov, 2003:57), can contribute to the comprehensive study of integration also in the context of the legal sciences.

INTERDISCIPLINARY, MULTIDISCIPLINARY AND SYSTEMATIC APPROACHES TO THE STUDY OF INTEGRATION

The modern picture of scientific knowledge is not limited to the application of a disciplinary approach alone. The prevailing approach, as noted above, is one based on the interaction and interpenetration of different fields of knowledge. Thus, *the interdisciplinary approach* in order to solve a particular disciplinary problem allows the transfer of research methods from one scientific discipline to another on the basis of the similarity of the studied subject areas. *A multi-disciplinary (cross-disciplinary) approach* is based on considering an object as complex, different disciplinary approaches and methods are used to study it in order to further compare the results of disciplinary studies and form common conclusions. *Transdisciplinary (systematic) approach* involves the research of the studied objects as systems that have special properties, patterns of development, connections with other systems.

It seems that all the above-mentioned scientific approaches are applicable for learning the integration.

Carlos Jiménez Piernas wrote the following about the application of interdisciplinary and transdisciplinary approaches in the science of public international law “... the resource of the interdisciplinary method allows us to explain the scope and importance of international legal institutions; the complexity of the international system requires referring to other disciplines ...” (Jiménez Piernas, 1995:35). Referring to H. Trippel the scientist noted that “public law should not be limited to formal logical analysis” and recognized “the need to use the resource of other sciences such as sociology and history (in our case, as the author notes, it is international relations and political science) to complement the formal logical analysis of institutions, thus avoiding a strictly unilateral approach” (Jiménez Piernas, 1995:35). Carlos Jiménez Piernas in his monograph also pointed out that the use of an interdisciplinary approach can lead to methodological syncretism, which can be avoided by “surpassing the simple version of interdisciplinarity” (Jiménez Piernas, 1995:38). So, speaking about the conclusions of T.B. Bottomore, the scientist quotes the following statement concerning the characteristics of interdisciplinary and transdisciplinary approaches:

“If interdisciplinarity involves cooperation between two or more disciplines, each of which provides its conceptual scheme, a way of identifying problems and their methods of research, transdisciplinarity means that [...] cooperation between the various disciplines takes place [...] within a single paradigm” (Bottomore, 1983:38).

Interdisciplinary method in the study of integration can be used, for example, in the study of the legal nature of integration associations, when in the framework of international legal research theoretical provisions and methods not only of public international law, but also European law, comparative law, theory of state and law are applied.

E. R. Kutyeva, while studying Eurasianism as a cultural phenomenon, justifies the use of a system-synergetic approach to the analysis of the object under study (Kutyeva, 2005:4). The author emphasizes the importance of synergetics for solving modern scientific problems as a paradigm that "can cover many problems of a non-equilibrium globalizing world" (Kutyeva, 2005:11–12).

The revolution in communication that took place in XX century has led to the fact that multidisciplinary has become a means of cognition of reality (Rodriguez Lozano, Zaragoza Huerta, 2012:293).

Multi-disciplinary (cross-disciplinary approach) in the study of integration is based on the fact that integration is regarded as the object of learning philosophy, economics, law, cultural studies and other fields of knowledge, each of which makes its particular contribution to the study of this object.

The author proposes a single three-stage scheme of analysis of the integration Association, according to which the first stage is a preliminary, descriptive analysis of the integration association by composition, general economic indicators of the participating countries, the contractual framework and organizational structure. The second stage explores the processes of integration of markets for goods and services, capital and labor. The third stage is a comprehensive analysis of the prospects and effectiveness of currency integration within the association.

Studying integration from the economic point of view² K. G. Grigoryan notes that “an integral methodological approach to the study of regional economic integration processes is required. However, at the present time the qualitative analysis of integration associations supported by relevant statistical material of a descriptive nature is mostly predominant in both academically and in the research literature” (Grigorjan, 2012:4). The author offers a single three-stage scheme of analysis of the integration association, according to which the first stage is a preliminary, descriptive analysis of the integration association by composition, general economic indicators of the participating countries, the contractual framework and organizational structure. On the second stage the processes of integration of markets for goods and services, capital and

² In the foreign doctrine on the methodology of law special emphasis is laid on economic analysis of law as a form of his substantial study. See: (Ibáñez Jiménez, 2011:23).

labor are studied. The third stage is a comprehensive analysis of the prospects and effectiveness of currency integration within the association (Grigorjan, 2012:18).

Studying the law of integration association as a system

European Union law is recognized as an autonomous legal system. The doctrine of European Union law is systematized into an independent legal discipline — the European Union law. This picture is not typical for all types of integration associations and forms of integration agreements. For example, the Southern common market MERCOSUR is not a supranational integration union type, so the MERCOSUR law, though forming a special legal order, is not an autonomous legal system based on principles of supremacy, direct and immediate use, such as the European Union law. The Andean community law, another Latin American integration association, also has its own peculiarities. Andean law has features of supranationality, but its designation as “community law” indicates the difference from the “union law”, “supranational law” which contains features of an autonomous legal system.

Conducting a comparative legal analysis with the European Union in the research of other integration associations is a necessary and important component of the study. Meanwhile, it is necessary to take into account that each integration association is unique in its constituent documents, functions, composition of participants, depth of development of economic integration. Therefore, the legal analysis of modern integration associations and their legal systems may be applied not only to the comparative legal method³ and system methodology that assumes broad analogies (Malahov, 2018:36–41) but also interdisciplinary analysis in order to consider their features in focus of several sectoral legal sciences.

Significance for theory and practice

The use of a set of scientific methods and approaches to the study of integration in law, according to the author, is of great theoretical importance, as it allows to expand the horizons of disciplinary methodological tools, as well as to enrich the provisions of the sectoral legal sciences. For example, the introduction into scientific circulation of the category “legal system of integration association” could complement the classification of legal systems adopted in the general theory of law and comparative law. Meanwhile, we draw attention to the lack of elaboration of the category “legal system of integration association”.

In practice, when overcoming and solving legal conflicts when there are questions about the action of the norms of integration law in time and space, interaction and correlation of sources of law, the extension of certain regulations to regulate social relations in the field of integration, it is possible to use a set of theoretical provisions and methods of sectoral legal disciplines.

³ Silvia Díez Sastre emphasized the role of comparative law that includes a combination of methodological approaches, as a valuable method in the context of Europeanization and internationalization of law, and noted its importance for understanding the structure and purpose of European law (Díez Sastre, 2018:184).

Thus, *the question of the legal nature, types, institutional structure of integration associations* can be studied on the basis of an interdisciplinary approach.

According to paragraph 2 of article 1 of the Treaty on the Eurasian Economic Union dated May 29, 2014, the Eurasian Economic Union (EAEU) is an international organization of regional economic integration with international legal personality. The Andean community in accordance with article 48 of the codified version of the Agreement on Andean subregional integration (Cartagena agreement) is a subregional organization with international legal personality. Article 2 of the Treaty of Asunción dated 1991 about the establishment of the common market stipulates that MERCOSUR is based on the reciprocity of rights and obligations between states parties. Article 2 of the Additional Protocol to the Treaty of Asunción (Ouro Preto Protocol) dated 1994 refers to MERCOSUR bodies that are authorized to take decisions which are interstate in their nature. Thus, all these integration associations are international organizations, which implies the application of general theoretical provisions and principles of law of international organizations as a branch of public international law to them. On the other hand, these subjects are interstate entities, therefore, for a more in-depth study of their legal nature in the context of international legal analysis, the provisions of the general theory of state and law can be applied. Whereas the consideration of these associations as *sui generis* entities with special unique features allows to use the provisions of the European Union law in the framework of comparative legal analysis.

The type of cooperation that underlies the international organization for regional economic integration is important for solving practical issues, including those related to the activities of the organization itself. For example, in the Advisory opinion of the Court of the EAEU dated December 20, 2018 it is noted that “From a systematic interpretation of article 5, paragraph 2 of article 8 of the Agreement, paragraphs 24 and 43 of the Regulations on the Eurasian Economic Commission (Appendix No. 1 to the Agreement) and Chapter IV of the Statute of the Court it follows that the member states of the Union gave the Commission and the Court exclusive powers in the areas specified by the Treaty and international treaties within the Union”⁴. This provision allows us to say that the EAEU as an international organization has supranational features that is expressed in the supranational legal regulation of public relations, transferred to the general level of regulation in the Union, as well as in the principles of acts of the Union bodies.

The solution of legal conflicts involves knowledge of the sources of law of integration associations, their principles of operation, legal techniques, general provisions of the theory of interaction of legal systems. Speaking about the law of the EAEU as a whole, we should note that the EAEU Court in its decisions and Advisory opinions formulated legal positions on immediate and direct action, the rule of law of the Eura-

⁴ Par. 3 cl. 2 of the Finding of the Court of the Advisory Opinion of the EAEU Court dated December 20, 2018, available at: <http://courteurasian.org/page-25501> (Accessed 16 September 2019).

sian Economic Union⁵. This “formula” not only characterizes the law of the EAEU as an emerging independent legal system, but also helps to determine the place of the law of the EAEU in the system of international law, the development of aspects of its interaction with the system of international law and other regional legal systems.

As previously noted, a topical issue for integration associations is the problem of the action of sources of international law in the system of law of integration associations. Thus, the EAEU Court recognized the Harmonized system (HS) of description and coding of goods of the World Customs Organization, which is an Annex to the International Convention on the harmonized system of description and coding of goods dated June 14, 1983, as part of the legal system of the EAEU. This is important in solving customs disputes, as it allows to assess the compliance of the decisions of the Eurasian Economic Commission on the classification of goods for compliance not only with the treaty of alliance, the customs code of the EAEU, but also with the international treaty (Convention on the harmonized system). Thus, the decision of the judicial bench dated April 4, 2016 in the case of the application of JSC “General Freight” concluded that the Convention on the Harmonized system, along with the law of the Union is to be applied for the regulation of customs and tariff relations within the EAEU⁶. In the decision of the Appeals chamber of the Court dated 21 June 2016 in the case on the application of General Freight JSC it is stated that “a direct reference in the law of the Union to the HS indicates that the Harmonized system is mandatory”⁷. In the decision of the judicial bench dated December 21, 2018 in the case of the application of Sanofi-Aventis Vostok JSC it is noted that “due to the fact that all member states of the Union participate in the Convention on the HS which is the international basis of the CN FEA of the EAEU, the judicial bench also applies the HS and notes thereto, adopted by the Committee on the HS”⁸.

This example illustrates only one of the cases of interaction between international law and the law of integration association. The rules of such interaction are often developed in practice as well by courts of integration associations.

The study of *the dispute resolution system, organizational and procedural aspects of the regional integration courts* is the subject of interdisciplinary and multidisciplinary scientific analysis of both the legal sciences of substantive law and procedural law.

⁵ Advisory opinion of the EAEU Court dated 4 April 4, 2017, available at: <http://courteurasian.org/page-25501>, Advisory opinion of the EAEU Court dated July 10, 2018, available at: <http://courteurasian.org/page-25501>; Advisory opinion of the EAEU Court dated December 7, 2018, available at: <http://courteurasian.org/page-25501> (Accessed 10 September 2019).

⁶ Par. 5 p. 11 of the Decision of the judicial bench of the EAEU Court dated April 4, 2016, available at: <http://courteurasian.org/page-25501> (Accessed 11 September 2019).

⁷ Par. 8 — 9 cl. 5.1.1., p. 15 of the Decision of the Appeals Chamber of the EAEU Court dated June 21, 2016, available at: <http://courteurasian.org/page-24161> (Accessed 10 September 2019).

⁸ Par. 5 cl. 5.2, p. 8 of the Decision of the Appeals Chamber of the EAEU Court dated December 21, 2018, available at: <http://courteurasian.org/page-25501> (Accessed 16 September 2019).

According to one of the doctrinal approaches, which has become quite widespread, “integration courts”, “courts of integration associations” are allocated to a special group of courts in the system of international justice. The most significant feature that unites all integration courts is the purpose of their creation — ensuring uniform interpretation and application of the law of integration association, as well as their functions (judicial compliance assessment, interpretation of law, settlement of disputes). Special subject composition, as public and private persons are eligible entities to apply to the court, different from classical international courts and forms of justice (availability of arbitration (MERCOSUR), the use of non-judicial mechanisms (MERCOSUR), the compulsory pre-trial procedure for settlement of disputes (EAEU, the Andean community), the availability of appeal (EAEU)) also emphasize the uniqueness of the judiciary, which makes the use of complex scientific methods in the study of issues, related to the administration of justice in regional integration courts.

CONCLUSION

Conclusions and proposals on the development of the methodology of the integration study

Manuel Calvo García writes: “The use of law for the purposes of social integration surmounts the traditional functions of the latter” (Calvo García, 1994:263). “The use of law as a means [...] defines a new type of law as 'regulatory law'. Regulatory law is associated with a certain concept of order and techniques of social control that allows some researchers to characterize it as a type of law that dominates post-industrial states” (Calvo García, 1994:263-264). On the ground this position, it can be assumed that the legal support of integration forms a new “type of law”.

Conducted within the framework of this article, an overview of certain issues of study methodology of integration showed that the application of interdisciplinary, multidisciplinary and systematic research approaches helps to overcome “disciplinary isolation” of the study of the problem and develop a more diverse view on the object under research. On the other hand, the application of the above-mentioned approaches may affect the specialization of the problem within one scientific discipline, “distancing” from in-depth study within the branch of legal science. As noted by Carlos Jiménez Piernas, “an interdisciplinary approach should not become a methodological panacea; the benefits of this approach are manifested when the problems posed cannot be solved with the concepts and techniques of research within a single discipline” (Jiménez Piernas, 1995:38).

Taking into account this important aspect, it should be noted that in a global world, complex objects of reality, which also include integration, cannot be cognizable within a single scientific discipline, which is a significant argument in favor of a reasonable appeal to interdisciplinary, multidisciplinary and systematic analysis.

For example, the question of the interaction of international law sources, regional integration association law sources and national law lies “at the junction” of

several sectoral legal sciences, therefore, its solution can be found within the framework of interdisciplinary approach through the development of common, harmonized provisions on the basis of theoretical approaches and methods of international law, national law, general theory of law.

When it comes to multidisciplinary, it may be noted that in practice conflict resolution in the area of antidumping⁹, technical regulations¹⁰, competition¹¹ and other complex areas of knowledge, requires not only the use of legal analysis but also taking into account the economic theory provisions, as well as technical and natural sciences.

At the same time, when we deal with objects having properties of a system, for example, EU law, EAEU law, systematic approach that allows to consider the properties and features of the functioning of the system can be useful to a researcher.

In general, when choosing an appropriate methodological approach to the study of integration the following aspects should be taken into account: 1) the nature and characteristics of the object under study; 2) the objectives of a particular study; 3) the purpose of the study.

It is also possible to note that "attention to the value-worldview problems has decreased dramatically at the present time" (Kimelev, 2011:5-6), which also applies to the study of integration. According to Karl Larenz's apt remark, "the methodology describes not only how to act in fact, but also raises questions about values ..." (Larenz, 1994:237). Therefore, no less important is the study of various aspects of regional economic integration, including cultural, sociological, psychological, aimed at the study of values and goals of integration, the state of society, the role of a person in the integration process.

REFERENCES / БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Bottomore, T.B. (1983) *Introducción en Interdisciplinariedad y Ciencias Humanas*, trad. de J.G. Péres Martín. Madrid, Tecnos UNESCO. (in Spanish).
- Calvo García, M. (1994) *Los fundamentos del método jurídico: una revisión crítica*. Madrid. Editorial: Tecnos. (in Spanish).
- Díez Sastre, S. (2018) *La formación de conceptos en el derecho public. Un estudio de metodología académica: definición, funciones y criterios de formación de los conceptos jurídicos*. Madrid. Editorial: Marcial Pons, Ediciones Jurídicas y Sociales. (in Spanish).

⁹ Decision of the judicial bench of the EAEU Court dated APRIL 27, 2019, available at: <http://courteurasian.org/page-24731> (Accessed 16 September 2019).

¹⁰ Decision of the judicial bench of the EAEU Court dated December 21, 2018, available at: <http://courteurasian.org/page-25501>; Decision of the judicial bench of the EAEU Court dated June 18, 2019 // <http://courteurasian.org/page-26361> (Accessed 16 September 2019).

¹¹ Advisory opinion of the EAEU Court dated April 4, 2017, available at: <http://courteurasian.org/page-24731>; Advisory opinion of the EAEU Court dated December 17, 2018, available at: <http://courteurasian.org/page-25501>; Advisory opinion of the EAEU Court dated June 18, 2019, available at: <http://courteurasian.org/page-26361> (Accessed 16 September 2019).

- Falcón y Tella, Mª J. (2014) La justicia como mérito. Monografías Jurídicas. Ediciones Jurídicas y Sociales. Madrid. Editorial: Marcial Pons. (in Spanish).
- Grigorjan, K.G. (2012) Integrated approach to the assessment of the state and prospects of development of regional integration associations (on the example of the Association of South-east Asian countries). Avtoref. dis. ... kand. ekon. nauk [Abstract of PhD in economics]. Moscow: FGBOU VPO «Gosudarstvennyi universitet upravleniya» Publ. (in Russian).
Григорян К.Г. Комплексный подход к оценке состояния и перспектив развития региональных интеграционных объединений (на примере Ассоциации стран Юго-Восточной Азии): автореф. дис. ... канд. экон. наук. М.: ФГБОУ ВПО «Государственный университет управления». 2012. 22 с.
- Ibáñez Jiménez, J.W. (2011) Análisis económico del Derecho: método, investigación y práctica jurídica. Barcelona, Bosch: JMB. (in Spanish).
- Jiménez Piernas, C. (1995) El método del derecho internacional público: una aproximación sistémica y transdisciplinar. Editor: Universidad Carlos III de Madrid. Instituto de Estudios Internacionales y Europeos Francisco de Vitoria. Madrid, Tecnos. (in Spanish).
- Kerimov, D.A. (2003) Metodologiya prava. Predmet, funktsii, problemy filosofii prava [Methodology of law. Subject, functions, problems of philosophy of law]. Moscow: Modern humanitarian University Publ. (in Russian).
Керимов Д.А. Методология права. Предмет, функции, проблемы философии права. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Современный гуманитарный университет, 2003. 521 с.
- Kimelev, Ju.A. (2011) Metodologiya sotsial'nykh nauk: (Sovremennye diskussii): Analiticheskii obzor [The Methodology of social Sciences (Contemporary debate): an Analytical review]. RAN. INION. Centr gumanit. scientific.-inform. research. depart. philosophy; ed. by Khlebnikov, G.V. Moscow: INION RAN Publ. (in Russian).
Кимелев Ю.А. Методология социальных наук: (Современные дискуссии): Аналитический обзор / РАН. ИНИОН. Центр гуманитар. науч.-информ. исслед. отд. философии; Отв. ред. Хлебников Г.В. М.: ИНИОН РАН, 2011. 94 с.
- Kutyeva, Je.R. (2005) Evraziistvo kak yavlenie kul'tury XX veka. Istoriografiya i metodologiya issledovaniya [Eurasianism as a phenomenon of culture of the XX century. Historiography and research methodology] Avtoref. dis. ... kand. kul'turologii [Abstract of PhD in cultural studies]. Saint-Petersburg. Publishing house "LEMA" Publ. (in Russian).
Кутыева Э.Р. Евразийство как явление культуры XX века. Историография и методология исследования. Автореф. дис. ... канд. культурологии. СПб.: Издательство «ЛЕМА», 2005. 28 с.
- Larenz, K. (1994) Metodología de la ciencia del derecho. Barcelona, Ariel Derecho. Editorial: Editorial Ariel. (in Spanish).
- Malahov, V.P. (2018) Metodologicheskie i mirovozzrencheskie problemy sovremennoi yuridicheskoi teorii: monografija [Methodological and ideological problems of modern legal theory: monograph]. Malahov V.P., Jeriashvili N.D. (eds.). Moscow: JUNITI-DANA: Legislation and law Publ. (in Russian).
Малахов В.П. Методологические и мировоззренческие проблемы современной юридической теории: монография / В.П. Малахов, Н.Д. Эриашвили. — 2-е изд. — М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2018. 431 с.
- Rodriguez Lozano, L.G., Zaragoza Huerta, J. (2012) La investigación del derecho y la ética. In: Metodología para investigaciones del alto impacto en las ciencias sociales. Madrid, Universidad Autónoma de Nueva León, Universidad Rey Juan Carlos. (in Spanish).
- Vallet de Goytisolo, J. (2004) Manuales de metodología jurídica. Madrid. Editorial: Fundación Cultural del Notariado. (in Spanish).

About author:

Elena E. Rafalyuk — Candidate of Legal Sciences, Counsel of the expert-analytical Department of the Secretariat of the Court of the Eurasian Economic Union

ORCID ID: 0000-0002-1563-8926

e-mail: rafaliuk_e@mail.ru

For citation:

Rafalyuk, E.E. (2019) Integration as an object of research of legal sciences. *RUDN Journal of Law*. 23 (4), pp. 490–509. DOI: 10.22363/2313-2337-2019-23-4-490-509.

Article received September 18, 2019

Article accepted October 15, 2019.

Научная статья

ИНТЕГРАЦИЯ КАК ОБЪЕКТ ИССЛЕДОВАНИЯ ЮРИДИЧЕСКИХ НАУК

Е.Е. Рафалюк

Секретариат Суда Евразийского экономического союза
220006, Минск, Республика Беларусь, ул. Кирова, д. 5

Решение как теоретических, так и практических задач, связанных с правовым обеспечением интеграционных процессов, обуславливает актуальность поиска соответствующих методологических подходов для исследования указанной проблематики. Обращение к проблемам методологии изучения юридической природы и права интеграционных межгосударственных объединений имеет важное значение, так как до сих пор отсутствует единообразие в теоретической трактовке и методах исследования правового обеспечения интеграции. Целью данной статьи является рассмотрение возможностей применения междисциплинарного, полидисциплинарного, трансдисциплинарного (системного) подходов к изучению отдельных проблем, связанных с правовым обеспечением интеграции. В основу анализа избранной проблематики автором положены положения отечественных и зарубежных научных работ, посвященных проблемам методологии юриспруденции. В результате проведенного исследования автор статьи приходит к выводу о том, что в условиях глобального мира сложные объекты действительности, к которым относятся также интеграция, не могут быть познаваемы в рамках одной научной дисциплины, что является значимым аргументом в пользу обращения к междисциплинарной, полидисциплинарной и системной методологии. При выборе соответствующего методологического подхода к исследованию интеграции следует учитывать: существо и характеристику изучаемого объекта; задачи конкретного исследования; цель исследования. Не менее важным аспектом в изучении интеграции является обращение к аксиологическим аспектам интеграционных процессов, а следовательно, изучение различных аспектов региональной экономической интеграции, например, культурологического, социологического, психологического, направленных на исследование ценностей и целей интеграции, состояния общества, роли человека в интеграционном процессе.

Ключевые слова: интеграция, методология, юридические науки, междисциплинарность, полидисциплинарный подход, системный подход, интеграционное объединение, Евразийский экономический союз, правовая система, региональные интеграционные суды

ВВЕДЕНИЕ

«Платон говорил, что необходимо искать наиболее подходящий способ достижения знания, а когда речь идет о самом высоком знании, это самый длинный путь, поскольку самый короткий путь был бы неподходящим для такой высокой цели».

(Juan Berchmans Vallet de Goytisolo. Manual introductorio a las metodologías del derecho. Madrid. 2004. P. 17).

Решение как теоретических, так и практических задач, связанных с правовым обеспечением интеграционных процессов, актуализирует вопрос о применении комплекса различных научных методов к исследованию указанной проблематики. Интеграция как социальное явление является объектом познания общественных наук. Вопросы правового регулирования интеграции изучаются в рамках отраслевых юридических наук — теории государства и права, международного публичного и частного права, сравнительного правоведения и других.

Следует отметить, что вопросы методологии права занимают значимое место в научных трудах отечественных ученых-юристов: Власенко Н.А., Керимова Д.А., Малько А.В., Малахова В.П., Марченко М.Н., Матузова Н.И., Неметиной М.В., Синюкова В.Н., Сырых В.М., Тихомирова Ю.А., Хабриевой Т.Я., Шундикова К.В., и др.

Проблемы методологии юридических исследований освещаются на страницах Вестника РУДН (Серия Юридические науки).

Теоретико-методологические аспекты интеграционных процессов исследуют в своих работах Бекяшев К.А., Вельяминов Г.М., Исполинов А.С., Капустин А.Я., Кашкин С.Ю., Моисеев Е.Г., Нешатаева Т.Н., Толстых В.Л., Энтин М.Л., и др.

Обзор отдельных зарубежных научных работ показал наличие научных публикаций в области общетеоретических проблем методологии юриспруденции, применения междисциплинарного и системного подходов в правовых исследованиях.

Вместе с тем можно отметить, что в области методологии изучения правового обеспечения интеграционных процессов, права межгосударственных интеграционных объединений и его юридической природы отсутствует единообразие подходов, что обуславливает актуальность рассмотрения интеграции как объекта исследования юридических наук.

Вначале представляется необходимым обратиться к определению термина «методология». Автор статьи разделяет подход, согласно которому методология юридической науки представляет собой не просто набор методов исследования, но «интегральное явление, объединяющее в себе ряд компонентов:

мировоззрение и фундаментальные общетеоретические концепции, всеобщие философские законы и категории, обще- и частнонаучные методы» (Kerimov, 2003:83).

Как заметил Карл Ларенз (Karl Larenz), «методология каждой науки — это прежде всего рефлексия этой науки относительно ее собственных подходов, способов мышления и средств познания. Рефлексия не происходит отдельно от применения знания, она его сопровождает или следует за ним незамедлительно и находится в самом тесном союзе с наукой. Это относится также к методологии юриспруденции» (Larenz, 1994:236).

Современный этап научного познания, характеризующийся «созданием своеобразного поля пересечения, активного взаимодействия и взаимопроникновения различных, казалось бы далеко друг от друга стоящих наук, теоретических концепций и методов познания» (Kerimov, 2003:57), может способствовать всестороннему изучению интеграции, в том числе в рамках правовых наук.

Междисциплинарный, полидисциплинарный и системный подходы к исследованию интеграции. Современная картина научного познания не сводится к применению одного лишь дисциплинарного подхода. Преобладает, как уже было отмечено выше, подход, основанный на взаимодействии и взаимопроникновении различных областей знания. Так, *междисциплинарный подход* в целях решения конкретной дисциплинарной проблемы допускает перенос методов исследования из одной научной дисциплины в другую на основе обнаружения сходства исследуемых предметных областей. *Полидисциплинарный (мультидисциплинарный)* подход основан на том, что какой-либо объект рассматривается в качестве сложного, для изучения которого применяются различные дисциплинарные подходы и методы с целью последующего сопоставления результатов дисциплинарных исследований и формирования общих выводов. *Трансдисциплинарный (системный)* подход предполагает изучение исследуемых объектов как систем, обладающих особыми свойствами, закономерностями развития, связями с иными системами.

Представляется, что к познанию интеграции применимы все перечисленные выше научные подходы.

О применении междисциплинарного и трансдисциплинарного подходов в науке международного публичного права Карлос Хименез Пиернас (Carlos Jiménez Piernas) писал, что «...ресурс междисциплинарного метода позволяет объяснять масштабы и значение международных правовых институтов; сложность международной системы требует обращения к другим дисциплинам...» (Jiménez Piernas, 1995:35). Со ссылкой на утверждение Х. Триппеля ученый отметил, что «не следует ограничивать публичное право формальным логическим анализом» и признал «необходимость использования ресурса других наук, таких как социология и история (в нашем случае, как отмечает автор, это международные отношения и политическая наука), чтобы дополнить формальный логический анализ институтов, избегая таким образом строго одностороннего

подхода» (Jiménez Piernas, 1995:35). Карлос Хименес Пиернас в своей монографии также указал на то, что применение междисциплинарного подхода может привести к методологическому синкретизму, которого можно избежать, «превзойдя простой вариант междисциплинарности» (Jiménez Piernas, 1995:38). Так, обращаясь к выводам Т.В. Bottomore, ученый цитирует следующее высказывание относительно особенностей междисциплинарного и трансдисциплинарного подходов: «Если междисциплинарность подразумевает [...] сотрудничество между двумя или более дисциплинами, каждая из которых предоставляет свои концептуальные схемы, свой способ выявления проблем и свои методы исследования, то трансдисциплинарность означает, что [...] сотрудничество между различными дисциплинами имеет место [...] в рамках одной парадигмы» (Bottomore, 1983:38).

Междисциплинарный метод в исследовании интеграции может быть использован, например, при изучении правовой природы интеграционных объединений, когда в рамках проведения международно-правового исследования применяются теоретические положения и методы не только международного публичного права, но и европейского права, сравнительного правоведения, теории государства и права.

Э.Р. Кутыева, изучая евразийство как явление культуры, обосновывает применение системно-синергетического подхода к анализу исследуемого объекта (Kutyeva, 2005:4). Автор подчеркивает значение синергетики для решения современных научных задач как парадигмы, «способной охватить многие проблемы неравновесного глобализирующегося мира» (Kutyeva, 2005:11-12). Произошедшая в XX веке революция коммуникаций привела к тому, что мультидисциплинарность стала средством познания реальности (Rodríguez Lozano, Zaragoza Huerta, 2012:293).

Полидисциплинарность (мультидисциплинарность) в исследовании интеграции основана на том, что интеграция рассматривается как объект познания философии, экономики, права, культурологии и других областей знания, каждая из которых вносит свой особый вклад в изучение данного объекта.

Исследуя интеграцию с позиции экономики¹², К.Г. Григорян отмечает, что «требуется целостный методологический подход к исследованию процессов региональной экономической интеграции. Вместе с тем на сегодняшний день как в учебной, так и в научно-исследовательской литературе преобладает преимущественно качественный анализ интеграционных объединений, подкрепляемый соответствующим статистическим материалом дескриптивного характера» (Grigorjan, 2012:4). Автор предлагает единую трехэтапную схему анализа интеграционного объединения, согласно которой первый этап заключается в предварительном, описательном анализе интеграционного объединения по составу, об-

¹² В зарубежной доктрине по методологии права экономическому анализу права как одной из форм его содержательного изучения придается особое значение (См.: Ibáñez Jiménez, 2011:23).

щим экономическим показателям стран-участниц, договорной базе и организационной структуре. На втором этапе исследуются процессы интеграции рынков товаров и услуг, капитала и рабочей силы. Третий этап состоит в комплексном анализе перспектив и эффективности валютной интеграции в рамках объединения (Grigorjan, 2012:18).

Исследование права интеграционного объединения как системы

В качестве автономной правовой системы признано право Европейского Союза. Доктрина права Европейского Союза систематизирована в самостоятельную юридическую дисциплину — Право Европейского Союза. Подобная картина свойственна не для всех видов интеграционных объединений и форм интеграционных соглашений. Так, например, Южноамериканский общий рынок Меркосур не является интеграционным объединением наднационального типа, поэтому право Меркосур, хотя и образует особый правовой порядок, не является автономной правовой системой, действующей на основе принципов верховенства, прямого и непосредственного применения, подобно праву Европейского Союза. Право Андского сообщества, иного латиноамериканского интеграционного объединения, также имеет свои особенности. Андскому праву свойственны черты наднациональности, однако его обозначение как «права Сообщества», «коммунитарного права» указывает на отличие от «права Союза», «наднационального права», содержащих признаки автономной правовой системы.

Проведение сравнительно-правового анализа с Европейским Союзом при изучении иных интеграционных объединений является необходимым и важным компонентом исследования. Между тем необходимо учитывать, что каждое интеграционное объединение уникально по своим учредительным документам, функциям, составу участников, глубине развития экономической интеграции. Поэтому для юридического анализа современных интеграционных объединений и их правовых систем может быть применен не только сравнительно-правовой метод¹³ и системная методология, допускающая широкое привлечение аналогий (Malahov, 2018:36-41), но и междисциплинарный анализ, позволяющий рассмотреть их особенности в фокусе нескольких отраслевых юридических наук.

Значение для теории и практики

Применение комплекса научных методов и подходов к исследованию интеграции в праве, по мнению автора, имеет важное теоретическое значение, так как позволяет расширить горизонты дисциплинарного методологического инструментария, а также обогатить положения отраслевых юридических наук.

¹³ Сильвия Диез Састре (Silvia Díez Sastre) подчеркнула роль сравнительного права, включающего комбинацию методологических подходов, как ценного метода в контексте европеизации и интернационализации права, а также отметила его важность для понимания структуры и цели Европейского права (Díez Sastre, 2018:184).

Так, например, введение в научный оборот категории «правовая система интеграционного объединения» могло бы дополнить классификацию правовых систем, принятую в общей теории права и сравнительном правоведении. Между тем обратим внимание на недостаточную разработанность к настоящему времени категории «правовая система интеграционного объединения».

На практике при преодолении и решении юридических коллизий, в том случае, когда возникают вопросы о действии нормы интеграционного права во времени и в пространстве, взаимодействии и соотношении источников права, распространении тех или иных нормативных положений на регулирование общественных отношений в сфере интеграции, представляется возможным применение комплекса теоретических положений и методов отраслевых юридических дисциплин.

Так, *вопрос о правовой природе, видах, институциональном устройстве интеграционных объединений* может быть исследован на основе применения междисциплинарного подхода.

Евразийский экономический союз (ЕАЭС) согласно пункту 2 статьи 1 Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года является международной организацией региональной экономической интеграции, обладающей международной правосубъектностью. Андское сообщество в соответствии со статьей 48 кодифицированной версии Соглашения о субрегиональной андской интеграции (Картехенского соглашения) является субрегиональной организацией, обладающей международной правосубъектностью. В статье 2 Асунсьонского договора об учреждении общего рынка 1991 года закрепляется, что Меркосур основывается на взаимности прав и обязанностей между государствами-участниками. В статье 2 Дополнительного протокола к Асунсьонскому договору (Протоколе Оуро Прето) 1994 года называются органы Меркосур, уполномоченные принимать решения, являющиеся межгосударственными по своей природе. Таким образом, все названные интеграционные объединения являются международными организациями, что предполагает применение к ним общетеоретических положений и принципов права международных организаций как отрасли международного публичного права. С другой стороны, данные субъекты представляют собой межгосударственные образования, следовательно, для более углубленного изучения их правовой природы в контексте международно-правового анализа могут быть применены положения общей теории государства и права, тогда как рассмотрение данных объединений как образований *sui generis*, имеющих особые уникальные черты, позволяет использовать в рамках сравнительно-правового анализа положения права Европейского Союза.

Тип сотрудничества, заложенный в основу международной организации региональной экономической интеграции, имеет важное значение для решения практических вопросов, связанных в том числе с деятельностью самой организации. Так, например, в Консультативном заключении Суда ЕАЭС от 20 декабря 2018 года отмечается, что «Из систематического толкования статьи 5, пункта 2

статьи 8 Договора, пунктов 24 и 43 Положения о Евразийской экономической комиссии (приложение № 1 к Договору) и главы IV Статута Суда следует, что государства-члены Союза передали Комиссии и Суду исключительные полномочия в сферах деятельности, определенных Договором и международными договорами в рамках Союза»¹⁴. Это положение позволяет говорить о том, что ЕАЭС как международная организация обладает наднациональными чертами, что выражается в наднациональном правовом регулировании общественных отношений, переданных на общий уровень регулирования в Союзе, а также в принципах действия актов органов Союза.

Решение юридических коллизий предполагает знание источников права интеграционных объединений, их принципов действия, юридической техники, общих положений теории взаимодействия правовых систем. Говоря о праве ЕАЭС в целом, отметим, что Суд ЕАЭС в своих решениях и консультативных заключениях сформулировал правовые позиции относительно непосредственного и прямого действия, верховенства права Евразийского экономического союза¹⁵. Эта «формула» не только характеризует право ЕАЭС в качестве формирующейся самостоятельной правовой системы, но и способствует определению места права ЕАЭС в системе международного права, разработке аспектов его взаимодействия с системой международного права и другими региональными правовыми системами.

Как было отмечено выше, актуальным вопросом для интеграционных объединений является проблема действия источников международного права в системе права интеграционного объединения. Так, Суд ЕАЭС признал Гармонизированную систему (ГС) описания и кодирования товаров Всемирной таможенной организации, являющейся приложением к Международной конвенции о гармонизированной системе описания и кодирования товаров от 14 июня 1983 года, частью правовой системы ЕАЭС. Это имеет важное значение при решении таможенных споров, так как позволяет оценивать соответствие принимаемых Евразийской экономической комиссией решений о классификации товаров на предмет соответствия не только Договору о Союзе, Таможенному кодексу ЕАЭС, но и международному договору (Конвенции о гармонизированной системе). Так, в Решении Коллегии Суда от 4 апреля 2016 года по делу по заявлению ЗАО «Дженерал Фрейт» сделан вывод о том, что Конвенция о Гармонизированной системе наряду с правом Союза подлежит применению для регулирования таможенно-тарифных отношений в рамках ЕАЭС¹⁶. В Решении Апелляционной пала-

¹⁴ Абз. 3 п. 2 Выводов Суда Консультативного заключения Суда ЕАЭС от 20 декабря 2018 года, available at: <http://courteurasian.org/page-25501> (Accessed 15 September 2019).

¹⁵ Консультативное заключение Суда ЕАЭС от 4 апреля 2017 года, available at: <http://courteurasian.org/page-25501>, Консультативное заключение Суда ЕАЭС от 10 июля 2018 года, available at: <http://courteurasian.org/page-25501>; Консультативное заключение Суда ЕАЭС от 7 декабря 2018 года, available at: <http://courteurasian.org/page-25501> (Accessed 16 September 2019).

¹⁶ Абз. 5 стр. 11 Решения Коллегии Суда ЕАЭС от 4 апреля 2016 года, available at: <http://courteurasian.org/page-25501> (Accessed 15 September 2019).

ты Суда от 21 июня 2016 года по делу по заявлению ЗАО «Дженерал Фрейт» указывается, что «прямая отсылка в праве Союза к ГС свидетельствует, что Гармонизированная система обязательна к применению»¹⁷. В Решении Коллегии Суда от 21 декабря 2018 года по делу по заявлению ЗАО «Санofi-Авентис Восток» отмечается, что «в связи с тем, что все государства-члены Союза участвуют в Конвенции о ГС, являющейся международной основой ТН ВЭД ЕАЭС, Коллегия Суда применяет также ГС и Пояснения к ней, принятые Комитетом по ГС»¹⁸.

Данный пример иллюстрирует только один из случаев взаимодействия международного права и права интеграционного объединения. Правила такого взаимодействия нередко вырабатываются на практике, в том числе судами интеграционных объединений.

Исследование *системы разрешения споров, организационных и процессуальных аспектов деятельности региональных интеграционных судов* является предметом междисциплинарного и полидисциплинарного научного анализа, как юридических наук материального права, так и процессуального права.

Согласно одному из доктринальных подходов, получившему достаточно широкое распространение, «интеграционные суды», «суды интеграционных объединений» выделяются в особую группу судов в системе международного правосудия. Наиболее значимой чертой, объединяющей все интеграционные суды, является цель их создания — обеспечение единообразного толкования и применения права интеграционного объединения, а также осуществляемые ими функции (судебный нормоконтроль, толкование права, разрешение споров). Особый субъектный состав, так как правомочными субъектами на обращение в суд являются публичные и частные лица, отличный от классических международных судов, а также формы осуществления правосудия (наличие арбитража (Меркосур), использование внесудебных механизмов (Меркосур), обязательный досудебный порядок урегулирования споров (ЕАЭС, Андское сообщество), наличие апелляционной инстанции (ЕАЭС)) также подчеркивают уникальность данных судебных органов, что обуславливает использование комплекса научных методов при исследовании вопросов, связанных с осуществлением правосудия в региональных интеграционных судах.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Выводы и предложения, касающиеся разработки методологии исследования интеграции

«Использование права с целями социальной интеграции, — пишет Мануэль Кальво Грасия (Manuel Calvo García), — преодолевает традиционные

¹⁷ Абз. 8 — 9 п. 5.1.1., стр. 15 Решения Апелляционной палаты Суда ЕАЭС от 21 июня 2016 года, available at: <http://courteurasian.org/page-24161> (Accessed 15 September 2019).

¹⁸ Абз. 5 п. 5.2, стр. 8 Решения Коллегии Суда ЕАЭС от 21 декабря 2018 года, available at: <http://courteurasian.org/page-25501> (Accessed 15 September 2019).

функции последнего» (Calvo García, 1994:263). «Использование права как средства [...] определяет новый тип права как «регулятивное право». Регулятивное право связано с определенной концепцией порядка и техниками социального контроля, что позволяет некоторым исследователям характеризовать его как тип права, доминирующий в постиндустриальных государствах» (Calvo García, 1994:263-264). Опираясь на данную позицию, можно предположить, что правовое обеспечение интеграции формирует новый «тип права».

Проведенный в рамках настоящей статьи обзорный анализ отдельных вопросов методологии изучения интеграции показал, что применение междисциплинарного, полидисциплинарного и системного научных подходов способствует преодолению «дисциплинарной замкнутости» изучения проблемы и выработке более разностороннего взгляда на исследуемый объект. С другой стороны, применение вышеуказанных подходов может влиять на специализацию проблемы в рамках одной научной дисциплины, «отдаляя» от глубокого изучения в рамках отраслевой юридической науки. Как отметил Карлос Хименес Пиernas (Carlos Jiménez Piernas), «междисциплинарный подход не должен превратиться в методологическую панацею; преимущества применения данного подхода проявляются тогда, когда поставленные проблемы не могут быть решены с помощью концепций и техники исследования в рамках одной дисциплины» (Jiménez Piernas, 1995:38).

Принимая во внимание данный важный аспект, нельзя не отметить того, что в условиях глобального мира сложные объекты действительности, к которым относится также интеграция, не могут быть познаваемы в рамках одной научной дисциплины, что является значимым аргументом в пользу разумного обращения к междисциплинарному, полидисциплинарному и системному анализу.

Например, вопрос о взаимодействии источников международного права, источников права регионального интеграционного объединения и национального права лежит «на стыке» нескольких отраслевых юридических наук, следовательно, и его решение может быть найдено в рамках междисциплинарного подхода посредством выработки общих, гармонизированных положений на основе теоретических подходов и методов международного права, национального права, общей теории права.

Если говорить о полидисциплинарности, то можно отметить, что на практике решение конфликтов в области антидемпинга¹⁹, технического регулирования²⁰, конкуренции²¹, других комплексных областей знания требует при-

¹⁹ Решение Коллегии Суда ЕАЭС от 27 апреля 2017 года, available at: <http://courteurasian.org/page-24731> (Accessed 16 September 2019).

²⁰ Решение Коллегии Суда ЕАЭС от 21 декабря 2018 года, available at: <http://courteurasian.org/page-25501>; Решение Коллегии Суда ЕАЭС от 18 июня 2019 года, available at: <http://courteurasian.org/page-26361> (Accessed 16 September 2019).

²¹ Консультативное заключение Суда ЕАЭС от 4 апреля 2017 года, available at: <http://courteurasian.org/page-24731>; Консультативное заключение Суда ЕАЭС от 17 декабря 2018 года, available at: <http://courteurasian.org/page-25501>; Консультативное заключение Суда ЕАЭС от 18 июня 2019 года, available at: <http://courteurasian.org/page-26361> (Accessed 16 September 2019).

менения не только юридического анализа, но и учета положений экономической теории, а также технических, естественных наук.

В то же время, когда мы имеем дело с объектами, обладающими свойствами системы, например, с правом ЕС, правом ЕАЭС, исследователю может быть полезен системный подход, позволяющий наиболее полно рассмотреть свойства и особенности функционирования системы.

В целом, при выборе соответствующего методологического подхода к исследованию интеграции следует учитывать: 1) существо и характеристику изучаемого объекта; 2) задачи конкретного исследования; 3) цель исследования.

Представляется возможным отметить также, что «в настоящее время резко снизилось внимание к ценностно-мировоззренческой проблематике» (Kimelev, 2011:5–6), что также относится и к исследованию интеграции. По меткому замечанию Карла Ларенца (Karl Larenz), «методология описывает не только как действовать фактически, но также поднимает вопросы о ценностях...» (Larenz, 1994:237). Поэтому не менее важным является изучение различных аспектов региональной экономической интеграции, в том числе культурологического, социологического, психологического, направленных на исследование ценностей и целей интеграции, состояния общества, роли человека в интеграционном процессе.

Об авторе:

Рафалюк Елена Евгеньевна — кандидат юридических наук, советник экспертно-аналитического отдела Секретариата Суда Евразийского экономического союза

ORCID ID: 0000-0002-1563-8926

e-mail: rafaliuk_e@mail.ru

Для цитирования:

Рафалюк Е.Е. Интеграция как объект исследования юридических наук // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. 2019. Т. 23 № 4. С. 490–509. DOI: 10.22363/2313-2337-2019-23-4-490-509.

Дата поступления в редакцию: 18 сентября 2019 г.

Дата принятия к печати: 15 октября 2019 г.

DOI: 10.22363/2313-2337-2019-23-4-510-532

Научная статья

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЙ СТАТУС ПЛАВУЧИХ НЕФТЕГАЗОВЫХ УСТАНОВОК

Н.С. Абрамов¹

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
119991, Москва, Россия, ул. Ленинские горы, д. 1, стр. 13

Плавающие нефтегазовые установки — ключевые инфраструктурные объекты морской нефтегазовой промышленности. Благодаря своей мобильности такие установки могут использоваться многократно; сегодня они способны обеспечить полный цикл освоения шельфовых месторождений — разведку, добычу, хранение и отгрузку нефтепродуктов. Между тем столь широкий функционал плавающих установок затрудняет определение их международно-правового статуса.

По смыслу Конвенции ООН по морскому праву 1982 года международно-правовой статус плавающих нефтегазовых установок неясен. Неопределенность объясняется дуалистической природой этой категории морских объектов. С одной стороны, плавающие установки являются «установками» при проведении разведки или разработки ресурсов морского дна, а с другой, — подпадают под категорию «судов», осуществляя навигацию. Отнесение плавающих установок к той или иной категории имеет важное значение, поскольку обуславливает выбор юрисдикции, влияет на применимость принципов морского права и требований международных договоров.

Цель статьи — провести анализ положений международного права, которые определяют международно-правовой статус плавающих нефтегазовых установок, оценить их оптимальность для современной практики и обосновать предложения по их совершенствованию. Для достижения этих целей в статье прослеживается развитие положений о международно-правовом статусе плавающих нефтегазовых установок в контексте режимов Женевских конвенций по морскому праву 1958 года и Конвенции ООН по морскому праву 1982 года, а также сопоставляются подходы к определению статуса плавающих установок для целей и задач различных конвенций, применимых к тем или иным аспектам их эксплуатации.

В статье рассматриваются группы конвенций, по смыслу которых плавающие и стационарные установки отождествляются с судами; исключительно плавающие установки относятся к категории судов; плавающие и стационарные установки выделяются в специальную правовую категорию; плавающие установки относятся к категории «судов» при осуществлении навигации, а к категории «установок» в момент разведки и разработки месторождений (дуалистический подход).

Автор приходит к выводу о недопустимости дифференциации подходов к определению статуса плавающих нефтегазовых установок для различных целей и задач международно-правового

¹ © Абрамов Н.С., 2019.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0>

регулируемого. В качестве решения проблемы дифференциации обосновывается целесообразность унификации концепции дуалистического подхода, намечаются пути ее совершенствования, вносятся рекомендации по интеграции унифицированного дуалистического подхода в систему международно-правового регулирования.

Ключевые слова: международное морское право, международно-правовой статус, искусственные установки и сооружения, суда, плавучие нефтегазовые установки, разведка и разработка континентального шельфа

ВВЕДЕНИЕ

В 90-е годы с началом освоения глубоководных шельфовых месторождений нефти и газа возведение традиционных установок, закрепленных на морском дне посредством стальных и железобетонных оснований, оказалось технологически непригодным и экономически нецелесообразным. Именно это стало причиной появления плавучих установок, которые не только сделали возможной разведку и разработку глубоководных месторождений, но и, в отличие от стационарных платформ, сооружаемых для долговременной работы на одном месторождении, могли эксплуатироваться многократно, перемещаясь по морю самостоятельно или посредством буксировки.

Современный мировой флот плавучих нефтегазовых установок составляют морские объекты, различающиеся как по способам стабилизации на поверхности моря, так и по набору выполняемых функций. Для целей статьи определим, что категория «плавучие нефтегазовые установки» включает в себя следующие выделяемые в технической литературе морские объекты (Borodavkin, 2006:108–109; Perfilov, Gabova, Tomareva, Kanavec, 2017:6; Paik, Thayamballi, 2007:6, 74; Speight, 2015:91–93, 75, 384):

1. Самоподъемные плавучие платформы (англ. *Jackup Platform*);
2. Платформы на натяжных связях (англ. *Tension Legs Platforms*);
3. Полупогружные буровые установки (англ. *Semi-submersible*);
4. Платформы типа «SPAR» (англ. *Single Point Anchor Reservoir*);
5. Плавучие установки для добычи хранения и отгрузки нефти (англ. *Floating Production, Storage and Offloading Unit*);
6. Буровые суда (англ. *Drillships*).

С началом эксплуатации плавучих установок в пределах континентального шельфа и исключительной экономической зоны (далее — ИЭЗ) — пространствах со «смешанным» правовым режимом (Bekyashev, 2009:546) — оказалась очевидной проблема, связанная с определением их международно-правового статуса. Эта неопределенность обусловлена тем, что данная категория морских объектов совместила в себе характеристики традиционных искусственных установок и морских судов. В контексте режима Конвенции ООН по морскому праву 1982 года (далее — Конвенция 1982 года) это поставило вопрос о том, каким образом правовое положение плавучих нефтегазовых установок следует соотносить со международно-правовым статусом «судов» и «установок и сооружений».

Проблема правового положения плавучих установок имеет принципиальное значение для правового регулирования, применимого к различным аспектам их эксплуатации. Так, в силу международно-правового статуса, характеризующего сам факт подчинения морских объектов суверенитету и юрисдикции (Molodcov, 1987:47; Kolodkin, Guculyak, Bobrova, 2007:47), государства обладают правом устанавливать соответствующие законы и правила, а также принимать меры в целях обеспечения их выполнения. Кроме того, международно-правовой статус плавучих установок обуславливает применимость принципов морского права и требований международных договоров.

Проведем анализ положений международного права, определяющих статус плавучих установок, проследив развитие применимых норм в рамках Конвенции 1982 года (II–III), а также комплекса международных договоров, содержащих требования, применимые к тем или иным аспектам их эксплуатации (IV–VII).

РАЗВИТИЕ ПОЛОЖЕНИЙ О МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОМ СТАТУСЕ ПЛАВУЧИХ НЕФТЕГАЗОВЫХ УСТАНОВОК

Первые универсальные положения о правовом статусе морских установок получили закрепление в Женевских конвенциях по морскому праву 1958 года. Во всех них категория «установки и сооружения» используется наряду с такими категориями, как «острова» и «суда». По смыслу конвенций 1958 года отнесение морских объектов к той или иной категории подразумевало различные правовые последствия, что свидетельствует о появлении отдельной категории «установки и сооружения» и позволяет утверждать о возникновении самостоятельного международно-правового статуса для таких объектов. Женевская конвенция о континентальном шельфе 1958 года сыграла определяющую роль в становлении международно-правового статуса морских установок: на универсальном уровне был провозглашен ключевой элемент их правового статуса — неразрывная связь с режимом континентального шельфа², — что определило основание юрисдикции прибрежных государств с этой категорией морских объектов.

Необходимо отметить, что ни одна из Женевских конвенций 1958 года не содержала определения термина «установки и сооружения». Несмотря на это затруднений для применения их норм на практике не возникало, поскольку при составлении конвенций подразумевалось, что единственной целью эксплуатации морских установок является разведка и разработка недр морского дна, что явно отражено в формулировках Женевской конвенции о континентальном шельфе

² Конвенция о континентальном шельфе от 29 апреля 1958 года // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. 1970. Выпуск XXIII. С. 101–105. Ст. 5.

1958 года (Gavouneli, 1995:15). Таким образом, все существующие и возводимые на тот момент стационарные установки вне сомнений попадали под категорию «установки и сооружения».

Положения Женевской конвенции о континентальном шельфе 1958 года в части, касающейся статуса установок и сооружений, были приняты за основу при согласовании соответствующих норм Конвенции ООН по морскому праву 1982 года (далее — Конвенция 1982 года)³. Важное дополнение, внесенное Конвенцией 1982 года, обусловлено появлением нового вида пространств — исключительной экономической зоны (далее — ИЭЗ). В силу режима ИЭЗ прибрежное государство обладает суверенными правами на разведку и разработку неживых ресурсов морских недр⁴. Как и в случае с режимом континентального шельфа, указанным суверенным правам корреспондирует право осуществлять юрисдикцию «в отношении создания и использования установок и сооружений»⁵. Таким образом, прибрежные государства располагают двумя основаниями для юрисдикции в отношении нефтегазовых установок, расположенных в пределах ИЭЗ — самим режимом ИЭЗ и режимом континентального шельфа.

Итоговый текст Конвенции 1982 года не включил определения для термина «установки и сооружения». Более того, кроме этой формулировки в аналогичном значении в тексте используется целый набор смежных понятий, среди которых «установки»⁶, «установки и устройства»⁷, «платформы или другие искусственно сооруженные в море конструкции»⁸, а также «установки, сооружения и другие устройства»⁹. Попытки исправить неопределенность и непоследовательность терминологии предпринимались еще при согласовании текста Конвенции 1982 года. Так, редакционный комитет предлагал дополнить статью 1 конвенции термином «установки», под которым бы подразумевались все «искусственные острова и сооружения», и привести в соответствие с этим определением текст всего документа¹⁰. Аналогичное предложение прозвучало со стороны США при согласовании режима ИЭЗ: проект режима, вынесенный деле-

³ Конвенция Организации Объединенных Наций по морскому праву от 10 декабря 1982 года // Бюллетень международных договоров. 1998. № 1. С. 3–169. Ст. 60.

⁴ Конвенция Организации Объединенных Наций по морскому праву от 10 декабря 1982 года // Бюллетень международных договоров. 1998. № 1. С. 3–169. Ст. 56(1) (a).

⁵ Конвенция Организации Объединенных Наций по морскому праву от 10 декабря 1982 года // Бюллетень международных договоров. 1998. № 1. С. 3–169. Ст. 60(1), Ст. 80.

⁶ Конвенция Организации Объединенных Наций по морскому праву от 10 декабря 1982 года // Бюллетень международных договоров. 1998. №1. С. 3–169. Ст. 147.

⁷ Конвенция Организации Объединенных Наций по морскому праву от 10 декабря 1982 года // Бюллетень международных договоров. 1998. № 1. С. 3–169. Ст. 147(3)(c)(d).

⁸ Конвенция Организации Объединенных Наций по морскому праву от 10 декабря 1982 года // Бюллетень международных договоров. 1998. № 1. С. 3–169. Ст. 1(a)(i).

⁹ Конвенция Организации Объединенных Наций по морскому праву от 10 декабря 1982 года // Бюллетень международных договоров. 1998. № 1. С. 3–169. Ст. 209(2).

¹⁰ Report of the Chairman of the Drafting Committee (1 August 1980) Official Records of the Third United Nations Conference on the Law of the Sea, Volume XIV. UN Doc. A/CONF.62/L.57/Rev.1. P. 118–120.

гацией США на рассмотрение, включал определение термина «установки». По предложению делегации под «установками» следовало понимать «все морские сооружения, устройства и установки, которые *не являются подвижными* в обычном режиме функционирования» (Nordquist, Nandan, Rosenne, 1993:575). Тем не менее, ни редакционные поправки, ни предложенное делегацией США определение не получили одобрения участников Конференции.

В итоге Конвенция 1982 года повторила подход Женевской конвенции о континентальном шельфе 1958 года, подразумевавшей, что все нефтегазовые платформы подпадают под категорию «установок и сооружений». Такой подход объясняется тем, что на момент согласования Конвенции 1982 года основной объем морской добычи нефти и газа обеспечивался посредством стационарных платформ. Аспектам международно-правового статуса плавучих установок в тот период не уделялось должного внимания, так как они получили распространение только в 1990-е годы и в период составления Конвенции 1982 года применялись только в Мексиканском заливе (что объясняет предложенное США определение термина «установки») (Richards, 2011:401).

Сегодня многие зарубежные авторы справедливо называют отсутствие определения, указывающего круг морских объектов, составляющих категорию «установки и сооружения», существенным недостатком Конвенции 1982 года (Esmaili, 2001:50–51; Dux, 2011:156; Pereira, 2016:104; Rothwell, Stephens, 2016:288). Представляется, что этот именно этот пробел является одной из причин неопределенности, связанной со статусом плавучих нефтегазовых установок.

ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ ПОДХОДОВ К ОПРЕДЕЛЕНИЮ МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОГО СТАТУСА ПЛАВУЧИХ НЕФТЕГАЗОВЫХ УСТАНОВОК

В начале 1990-х годов практическую значимость вопроса о международно-правовом статусе плавучих установок подтвердила практика Международного суда ООН, когда этот аспект стал ключевым для разрешения спора Финляндии и Дании о проведении плавучей нефтегазовой платформы через пролив Большой Бельт.

В 1991 году Финляндия обратилась в Международный суд ООН в связи с объявленным Данией строительством моста, возведение которого означало бы невозможность прохода через пролив Большой Бельт судов с большой высотой надводной части. Это исключало проведение плавучих нефтегазовых установок и буровых судов, сооружаемых на финских верфях¹¹. В связи с этим Финляндия заявила о нарушении Данией своего права на свободный проход через пролив и запросила суд установить временные меры, направленные на приостановку

¹¹ Passage through the Great Belt (Finland v. Denmark). Provisional Measures, Order of 29 July 1991, ICJ Reports. 1991. P. 12. P. 13.

строительства. Основной аргумент истца состоял в том, что плавучие установки обладают статусом судов, и потому на них распространяется право свободного прохода вне зависимости их оснащённости средствами для самостоятельного передвижения по морю¹². Контраргумент ответчика исходил из того, что такие объекты не подпадают под признанную концепцию судна ввиду ограниченной возможности управления¹³. Впоследствии Международный суд ООН не получил возможности прояснить международно-правовой статус плавучих нефтегазовых установок — до начала слушаний по существу стороны заключили соглашение, на основании чего дело было закрыто.

Между тем материалы дела о проходе через Большой Бельт имеют важное значение. Анализ, представленный в меморандумах, свидетельствует о том, что причина неопределённости правового статуса плавучих типов платформ состоит не только в отсутствии определения термина «установки и сооружения», но и в отсутствии общепризнанных критериев «судна».

Ни конвенционные положения, ни обычное международное право не дают универсального определения данного термина. Ещё на этапе подготовки статей по морскому праву в 1950–1956 годах Комиссия по международному праву приняла решение не включать определение категории «судна» в итоговый текст проекта¹⁴. Впоследствии определение не было сформулировано ни в Женевских конвенциях 1958 года, ни в Конвенции 1982 года. Оба режима закрепили лишь международно-правовой статус этой категории объектов — по общему правилу, морское судно подчиняется юрисдикции государства флага¹⁵. В отсутствие определения на практике сложился подход, по которому определение «судна» либо вовсе не включается в текст международных и национальных актов, либо формулируется с учетом целей и задач конкретного нормативного акта.

В таких обстоятельствах практика государств пошла по пути установления соотношения статуса судов и плавучих установок, исходя из целей и задач каждой конкретной конвенции, содержащей требования отдельным аспектам их эксплуатации. Представляется, что именно эта практика послужила причиной дифференциации подходов к определению статуса плавучих нефтегазовых установок для разных целей и задач международно-правового регулирования. Можно выделить четыре сложившихся подхода:

1. Отождествление плавучих и стационарных установок с судами;
2. Включение плавучих нефтегазовых установок в категорию судов;

¹² Memorial of the Government of the Republic of Finland (20 December 1991). Para. 504-508, available at: <http://www.icj-cij.org/files/case-related/86/6885.pdf> (Accessed 24 July 2019).

¹³ Counter-Memorial of the Government of the Kingdom of Denmark (18 May 1992). Para. 797(2), available at: <http://www.icj-cij.org/files/case-related/86/6893.pdf> (Accessed 24 July 2019).

¹⁴ Summary Records of the Seventh Session. 284th Meeting. Article 6: Merchant ships on the high seas // 1955 Yearbook of the International Law Commission, Vol. I. P. 10.

¹⁵ Конвенция Организации Объединённых Наций по морскому праву от 10 декабря 1982 года. Ст. 92(1).

3. Выделение плавучих и стационарных установок в самостоятельную правовую категорию;
4. Отнесение плавучих нефтегазовых установок к категории судов при осуществлении навигации и к категории установок в момент разведки и разработки месторождений (дуалистический подход).

В последующих разделах статьи рассмотрим группы конвенций, которые следуют каждому из названных подходов (IV–VII).

ОТОЖДЕСТВЛЕНИЕ ПЛАВУЧИХ И СТАЦИОНАРНЫХ НЕФТЕГАЗОВЫХ УСТАНОВОК С МОРСКИМИ СУДАМИ

Определения, подразумевающие включение в содержание понятия «судна», «стационарных или плавучих платформ», содержатся в текстах *Международной конвенции по предотвращению загрязнения с судов от 1973 года, измененной и дополненной Протоколом от 1978 года* (далее — МАРПОЛ 73/78)¹⁶, а также в *Конвенции о контроле за вредными противообрастающими системами на судах 2001 года*¹⁷. С одной стороны, включение всех типов установок в категорию судов обосновывается целью конвенций — охраной морской среды. Как отмечал британский международник Д. О'Коннелл, столь широкое определение термина «судно» необходимо для «обеспечения эффективности конвенций о загрязнении морской среды» (O'Connell, 1984:749). По такому соображению нефтегазовые установки вне зависимости от особенностей конструкции, равно как и морские суда, представляют потенциальный источник загрязнения, что обосновывает их объединение в единую категорию. С другой стороны, подобное отождествление представляется дискуссионным, поскольку отнесение стационарных установок к категории судов неизбежно приводит к противоречию принципа юрисдикции государства флага и юрисдикции прибрежного государства.

Таким образом, подход, отождествляющий все нефтегазовые установки с судами, имеет ограниченный характер применения, поскольку используется для целей и задач правового регулирования, связанных только с охраной морской среды от отдельных видов загрязнений. Учитывая спорный характер подхода в части определения юрисдикции, его применение при составлении будущих международно-правовых актов представляется маловероятным.

¹⁶ Международная конвенция по предотвращению загрязнения с судов от 17 февраля 1973 года и Протокол от 2 октября 1978 года к Международной конвенции по предотвращению загрязнения с судов 1973 года. Ст. 2(4), available at: <http://publication.pravo.gov.ru/File/GetFile/0001201711280024?type=pdf>. (Accessed 24 July 2019).

¹⁷ Международной конвенции о контроле за вредными противообрастающими системами на судах от 5 октября 2001 года // Бюллетень международных договоров. 2013. №8. С. 62–84. Ст. 2(9).

ПЛАВУЧИЕ НЕФТЕГАЗОВЫЕ УСТАНОВКИ КАК МОРСКИЕ СУДА

Отнесение плавучих нефтегазовых установок к категории морских судов можно вывести путем толкования из целого ряда конвенций, заключенных еще в тот период, когда такие объекты не были широко распространены.

Так, *Конвенция о международных правилах предупреждения столкновений судов в море 1972 года* (далее — МППСС-72) под «судном» подразумевает все виды плавучих средств, которые могут использоваться для передвижения по воде¹⁸. МППСС-72 — первая конвенция в области предупреждения столкновений судов, в который было включено определение понятия «судна». Несмотря на это вопрос о включении плавучих установок в эту категорию остается предметом толкования (Kashubsky, 2016: 158). С одной стороны, по смыслу определения МППСС-72 установки такого типа можно рассматривать в качестве «плавучих средств», которые применяются для перемещения нефтепродуктов, бурового оборудования, а также людей — работников платформы. С другой точки зрения, высказанной Д. О'Коннелом, «судами» по смыслу МППСС-72 могут считаться лишь модели плавучих установок, которые в наибольшей степени соответствуют признакам морских судов (например, буровые суда) (O'Connell, 1984:890).

В 1977 году вопрос о применимости МППСС-72 к тем или иным моделям плавучих установок рассматривался в рамках Всемирной ассоциацией морского права¹⁹ при разработке проекта Конвенции о гражданской юрисдикции, выборе права и признании и исполнении судебных решений по делам о столкновении судов²⁰. При разработке проекта рассматривалось предложение о включении в категорию судов «морских буровых платформ», но в итоге ассоциацией было принято решение об удалении данной формулировки из проекта и оставлении вопроса «на усмотрение национальных судов» (Healy, Sweeney, 1991:378–380).

Конвенция о Международной организации морской спутниковой связи 1976 года распространяется на «суда любого типа, эксплуатируемые в морской среде или в водах, не являющихся частью морской среды», в том числе «и не постоянно закрепленные платформы»²¹. Следовательно, плавучие нефтегазовые

¹⁸ Convention on International Regulations for Preventing Collisions at Sea of 20 October 1972 // United Nations Treaty Series. 1977. Vol. 1050. P. 18–163. Rule 3(a).

¹⁹ Всемирная ассоциация морского права (Международный морской комитет (фр. *Comité Maritime International*) — международная неправительственная организация, учрежденная с целью унификации международного морского права. Участниками ассоциации являются национальные ассоциации международного морского права.

²⁰ В 1977 году проект был представлен на рассмотрение Межправительственной морской консультативной организации (далее — ИМКО), однако так и не был рассмотрен Правовым комитетом организации ни в рамках ИМКО, ни ИМО.

²¹ Конвенция о Международной организации морской спутниковой связи (ИНМАРСАТ) от 3 сентября 1976 года // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. 1981. Выпуск XXXV. С 305–334. Ст. 1(f).

установки в незакрепленном положении будут считаться судами для целей международно-правового регулирования в области организации морской спутниковой связи.

Конвенция ООН об условиях регистрации судов 1986 года, не вступившая в силу до настоящего времени, распространяет положения в отношении «любого самоходного морского судна, используемого в международной морской торговле для перевозки грузов, пассажиров или того и другого»²². Таким образом, для квалификации в качестве «судна» морской объект должен отвечать нескольким функциональным характеристикам. И, если критерию самоходного передвижения соответствуют некоторые модели плавучих установок, то условие «использования в международной торговле» очевидно исключает возможность отнесения таких установок к категории «судов» для целей регистрации.

Учитывая, что Конвенция ООН об условиях регистрации судов 1986 года не вступила в силу, а Конвенция 1982 года оставляет за всеми участниками право определять свои условия регистрации²³, в практике государств сформировалось правило, допускающее регистрацию плавучих установок под национальным флагом. В законодательстве многих государств для целей регистрации плавучие установки квалифицируются как «суда» и записываются в судовых реестрах наряду с традиционными морскими судами. Подобная практика допускается, в частности, в Великобритании²⁴, Норвегии²⁵ и Российской Федерации²⁶. Такая возможность предоставляется государствами «удобного флага», в судовых реестрах которых сегодня зарегистрирована значительная часть мирового флота плавучих нефтегазовых установок (Gavrilina, 2018:43).

Конвенция о гражданской ответственности за ущерб от загрязнения нефтью 1969 года в редакции протокола 1992 года и Конвенция о создании Международного фонда для компенсации ущерба от загрязнения нефтью 1992 года (далее — Конвенция о Фонде компенсации 1992 года) определяют термин «судно» как «любое морское судно и морское плавучее средство любого типа, построенное или приспособленное для перевозки нефти наливом в качестве груза при условии, что судно, способное перевозить нефть и другие грузы, рассматриваются в качестве судна тогда, когда оно фактически *перевозит нефть наливом в качестве груза*, а также в режиме любого рейса, следующего за такой

²² United Nations Convention on Conditions for Registration of Ships of 7 February 1986. International Legal Materials. 1986. Vol. 26. P. 1229-1250. Art. 2.

²³ Конвенция Организации Объединенных Наций по морскому праву от 10 декабря 1982 года. Ст. 91(1).

²⁴ The Offshore Installations (Registration) Regulations (1 June 1972), available at: https://www.legislation.gov.uk/ukxi/1972/702/pdfs/ukxi_19720702_en.pdf (Accessed 24 June 2019).

²⁵ Regulations № 592 on the Registration of ships in the Norwegian International Ship Register (NIS) (30 July 1992) Sec. 3, available at: <https://www.sdir.no/contentassets/60fbf0a0cdfd4629ac8aea1447a618ee/30-july-1992-no.-592-registration-of-ships-in-the-norwegian-international-ship-register-nis.pdf?t=1524989288749> (Accessed 24 June 2019).

²⁶ Кодекс торгового мореплавания Российской Федерации от 30.04.1999 №81-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1999. № 18. ст. 2207. Ст. 33(7) (2).

перевозкой, если не доказано, что на борту не имелось остатков от такой перевозки нефти наливом»²⁷. Изначально данное определение составлялось с расчетом на нефтеналивные танкеры. Однако появившиеся позднее плавучие установки для добычи, хранения и выгрузки (англ. *Floating Production, Storage and Offloading Unit (FPSO)*) также стали использоваться для транспортировки нефтепродуктов как груза, что вызвало вопрос о квалификации таких объектов в качестве «судов» по смыслу конвенций о компенсации ущерба от загрязнения нефтью.

Актуальность данной проблемы проявилась в 2000 году в связи со спором, связанным с плавучей установкой для хранения нефти *Slops*²⁸. Причиной спора послужил инцидент с разливом нефти, произошедший в результате пожара на плавучей установке, закрепленной ко дну в пределах территориального моря Греции. Собственник *Slops* оказался неспособен выплатить необходимую сумму двум компаниям, с которыми были заключены договоры о проведении работ по ликвидации разлива нефти. Компании обратились в Международный фонд для компенсации ущерба от загрязнения нефтью (далее — Фонд) с требованиями о выплатах. Фонд отказал в выплате, указав на то, что *Slops* использовалась в качестве стационарной установки и потому не могла быть квалифицирована в качестве «судна» по смыслу Конвенции о Фонде компенсации 1992 года. Этот отказ был оспорен в национальных судах Греции. В 2006 году Верховный суд Греции вынес решение в пользу заявителей, указав на то, что установка *Slops* может рассматриваться в качестве «судна» по смыслу Конвенции о Фонде компенсации 1992 года, ввиду того что она изначально создавалась как танкер и сохраняла возможность исполнять основную функцию судна по смыслу конвенции — «перевозить нефть наливом в качестве груза» (Perłowska, 2010:157–164). Несмотря на несогласие с аргументацией Верховного суда, руководство Фонда приняло решение о выплате компенсации, подчеркнув, что выводы суда не имеют прецедентного характера, и вопрос о том, попадает ли та или иная установка под определение «судна», будет рассматриваться Фондом в каждом конкретном случае исходя из обстоятельств²⁹.

Ввиду того, что неясность положений Конвенции о Фонде компенсации 1992 года приводила к подобным спорам, в 2016 году Ассамблея Фонда приняла Руководство для определения термина «судна», согласно которому в пере-

²⁷ Protocol to Amend the International Convention on Civil Liability for Oil Pollution Damage of 27 November 1992. United Nations Treaty Series. 1997. Vol.1956. P. 285–297. Art. 2(1); International Convention on the Establishment of an International Fund for Compensation for Oil Pollution Damage of 27 November 1992. United Nations Treaty Series. 1996. Vol.1953. P. 373–388. Art. 1(2).

²⁸ Установка *Slops* представляла собой переоборудованный в нефтехранилище нефтеналивной танкер с деактивированным двигателем и демонтированными гребными винтами. С 1995 года установка находилась в неподвижном положении, осуществляя функцию плавучего нефтехранилища.

²⁹ Record of Decisions of the Eleventh Session of the Assembly (27 October 2006) IOPC Doc. 92FUND/A.11/35. Para. 32.12.

чень судов, безусловно подпадающих под действие конвенции, включены плавучие установки для добычи, хранения и выгрузки (FPSO), а также плавучие установки для бурения, добычи, хранения, и выгрузки (FDPSO), при условии, что эти установки оснащены техническими средствами для навигации, управляются командой моряков и используются для хранения или транспортировки нефти как груза³⁰. При этом действие конвенции не распространяется на такие установки в период осуществления ими операций по разведке и разработке недр, а также в ходе процессов переработки нефтепродуктов на борту³¹. Между тем положения этого руководства «не должны рассматриваться как авторитетное толкование применимых конвенций»³², что оставляет на усмотрение государств вопрос о включении в категорию «судна» тех или иных видов плавучих установок. Поскольку позиция государств в этом вопросе неоднозначна³³, не представляется возможным говорить об общепринятом подходе, устанавливающем какие виды плавучих установок допустимо квалифицировать в качестве судов по смыслу конвенций о компенсации ущерба от загрязнения нефтью.

Для целей и задач ряда конвенций устанавливается предельно широкое определение термина «судно», под которое вне сомнений подпадают все виды плавучих установок. К таковым можно отнести *Конвенцию по предотвращению загрязнения моря сбросами отходов и других материалов 1972 года*, требования которой применимы к судам «любого типа»³⁴, а также *Конвенцию о гражданской ответственности за ущерб от загрязнения бункерным топливом 2001 года*, нормы которой распространяются на «любое морское судно и морское плавучее средство любого типа»³⁵.

Более поздние международные договоры непосредственно указывают на конкретные виды плавучих нефтегазовых установок в определении термина «судно». К числу таковых можно отнести *Международную конвенцию о кон-*

³⁰ Guidance for Member States. Consideration of the Definition of “Ship” (24 March 2016) IOPC Doc. APR16/4/1. Annex I. Para. 3.1(5).

³¹ Guidance for Member States. Consideration of the Definition of “Ship” (24 March 2016) IOPC Doc. APR16/4/1. Annex I. Para 4.1(3).

³² Guidance for Member States. Consideration of the Definition of “Ship” (24 March 2016) IOPC Doc. APR16/4/1. Annex I. Preface.

³³ Оппонентами включения плавучих установок в категорию «судов» для целей Конвенция о Фонде компенсации 1992 года выступают крупнейшие государства-инвесторы Фонда, страны-экспортеры нефти, в числе которых Япония и Корея. По заявлению Японии, «распространение возможности компенсации на случаи причинения ущерба от нефтяных разливов, произошедших в результате разработки или хранения нефти, наложит несправедливое бремя на получателей нефти (нефтяную отрасль). Это бремя должны нести другие отрасли». Definition of ‘Ship’ Submitted by Japan (27 September 2013) IOPC Doc. OCT13/4/3/3. P.1.

³⁴ Конвенция по предотвращению загрязнения моря сбросами отходов и других материалов от 29 декабря 1972 года // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. — 1978. — Выпуск XXXII. — С. 540–548. Ст. 1(6).

³⁵ Международная конвенция о гражданской ответственности за ущерб от загрязнения бункерным топливом от 23 марта 2001 года // Бюллетень международных договоров. 2009. № 11. С. 10–21. Ст. 1(1).

троле судовых балластных вод и осадков и управлении ими 2004 года, среди прочего подразумевающую под судном «плавучие платформы, плавучие установки для хранения, а также плавучие установки для производства, хранения и выгрузки»³⁶. Аналогичная формулировка содержится в *Гонконгской конвенции о безопасной и экологически рациональной утилизации судов 2009 года*³⁷.

Представленный обзор позволяет заключить, что подход, по которому плавучие установки квалифицируются в качестве судов, применяется для целей и задач международно-правового регулирования в таких сферах, как организация безопасной навигации, охрана морской среды, установление ответственности за ее загрязнение. Таким образом, концепция подхода ограничивает область его применения кругом аспектов, возникающих в момент навигации плавающих установок, и не затрагивает вопрос об их правовом статусе при осуществлении разведки и разработки шельфовых месторождений. С позиции международно-правового регулирования, такой подход представляется неэффективным ввиду отсутствия универсального определения судна, а также несовпадающих позиций государств по вопросу о квалификации различных видов плавающих установок в качестве судна для целей той или иной конвенции.

НЕФТЕГАЗОВЫЕ УСТАНОВКИ КАК САМОСТОЯТЕЛЬНАЯ ПРАВОВАЯ КАТЕГОРИЯ

В качестве одного из путей разрешения проблемы международно-правового статуса плавающих нефтегазовых установок в доктрине международного права обосновывалось создание самостоятельной правовой категории, которая бы охватывала все морские установки (стационарные и плавучие), используемые для разведки и разработки углеводородных ресурсов шельфа. Данный подход предлагался, в частности, австралийским автором Х. Эсмаейли, выступавшим за создание самостоятельной категории — «нефтяные буровые установки» (англ. *Oil Rigs*) (Esmacili, 2001:52). Такой подход логичен с теоретической точки зрения, однако его воплощение на практике не представляется возможным.

Единственная вступившая в силу конвенция, по смыслу которой все виды нефтегазовых установок рассматриваются в рамках самостоятельной категории — *Международная конвенция по обеспечению готовности на случай загрязнения нефтью, борьбе с ним и сотрудничеству 1990 года*, которая распространяет свои требования на «любые стационарные или плавучие морские установки или сооружения, занятые в разведке, добыче или производстве газа

³⁶ Международная конвенция о контроле судовых балластных вод и осадков и управлении ими от 13 февраля 2003 года // Бюллетень международных договоров. 2017. № 12. С. 16–47. Ст. 1(12).

³⁷ Hong Kong International Convention for the Safe and Environmentally Sound Recycling of Ships of 19 May 2009. IMO Doc. SR/CONF/45. Annex. Art. 2(7).

или нефти либо погрузке или разгрузке нефти»³⁸. Аналогичный подход предусматривался в *Конвенции о гражданской ответственности за ущерб от загрязнения нефтью в результате разведки ресурсов морского дна 1977 года*³⁹, которая, однако, не вступила в силу из-за нежелания государств ратифицировать договор.

Современную позицию государств по вопросу о международно-правовом статусе нефтегазовых платформ отражает опыт Всемирной ассоциации морского права по составлению проекта Конвенции о морских установках. Данный проект предполагал установление единого всеобъемлющего режима эксплуатации для всех видов морских нефтегазовых установок и предусматривал бы особый международно-правовой статус для этой категории объектов (White, 1999:23–26). Всемирная ассоциация морского права представляла различные проекты конвенции на рассмотрение Международной морской организации (далее — ИМО) в 1977 и 2001 годах, однако в обоих случаях правовой комитет ИМО не посчитал приоритетным рассмотрение этого вопроса. Несмотря на это в 2004 году Канадской ассоциацией морского права на основе ранее осуществленной работы был подготовлен новый проект Конвенции о морских установках, искусственных островах и иных сооружениях, используемых при разведке и разработке нефти и морских минеральных ресурсов⁴⁰. В ходе его обсуждения в рамках Всемирной ассоциации морского права рядом делегаций были высказаны сомнения в необходимости подобного договора, после чего развитие проекта окончательно прекратилось.

Таким образом, большинство государств не заинтересованы в создании самостоятельного международно-правового режима для морских нефтегазовых установок, что делает практически неосуществимым согласование специального международного договора или пересмотр положений Конвенции 1982 года.

ДУАЛИСТИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ОПРЕДЕЛЕНИЮ СТАТУСА ПЛАВУЧИХ НЕФТЕГАЗОВЫХ УСТАНОВОК

Концепция дуалистического подхода в наибольшей степени учитывает «двухстатусное» положение плавучих нефтегазовых установок. Согласно этому подходу плавучие установки относятся к категории судов в период, когда осуществляют передвижение по морю, а к категории установок — в период развед-

³⁸ Международная Конвенция по обеспечению готовности на случай загрязнения нефтью, борьбе с ним и сотрудничеству от 30 ноября 1990 года // Бюллетень международных договоров. 2010. № 10. С. 3–13. Ст. 2(3).

³⁹ Convention on Civil Liability for Oil Pollution Damage Resulting from Exploration for and Exploitation of Seabed Mineral Resources of 1 May 1977. International Legal Materials. 1977. Vol.16. P. 1450–1455. Art. 1(2)(a).

⁴⁰ CMLA Draft Convention on Offshore Units, Artificial Islands and Related Structures Used in the Exploration for and Exploitation of Petroleum and Seabed Mineral Resources. CMI News Letter. 2004. №1. P. 3–16.

ки и разработки морских недр. Для разграничения двух статусов объекта — статуса «судна» и «установки» — используется *функциональный критерий*, а именно вид осуществляемой деятельности. Такая концепция предполагает, что международно-правовой статус плавучей установки может изменяться, из чего следует смена распространяющейся в ее отношении юрисдикции — юрисдикция прибрежного государства уступает место юрисдикции государства флага при начале работ на континентальном шельфе, и наоборот.

Представляется, что одним из первых исследователей, сформулировавших концепцию дуалистического подхода, является отечественный международник М.И. Лазарев, заключивший, что когда «подвижная платформа закрепляется неподвижно на дне на период работы, ее правовой статус изменяется» (Lazarev, 1972:11). Таким образом, был подчеркнут ключевой элемент дуалистического подхода — изменение международно-правового статуса плавучей установки в зависимости от исполняемой функции. В зарубежной доктрине 80-х и 90-х годов высказывалась критика концепции подхода. Идея «двухстатусного» правового положения плавучих установок виделась некоторым авторам противоречивой. Так, греческий профессор Н. Пападакис возражал, что нефтегазовая платформа может считаться либо «установкой», либо «судном» и «в правовом смысле не может быть и тем и другим» (Papadakis, 1977:277).

В современных исследованиях все чаще высказываются мнения в защиту дуалистического подхода (Richards, 2011:407–409; Kashubsky 2016:162). Так, по мнению британского профессора В. Лоу, данный подход укладывается в режим Конвенции 1982 года: «в момент, когда [плавучие установки] закреплены на континентальном шельфе государства и осуществляют бурение, на них распространяются ст. 56, 60 и 80 Конвенции по морскому праву 1982 года. Платформы рассматриваются не как «суда», а как «установки и сооружения». Следовательно, юрисдикция государства флага (или государства регистрации), применимая к судам в силу статьи 82 Конвенции по морскому праву 1982 года, уступает место исключительной юрисдикции прибрежного государства над установками и сооружениями, какие бы то последствия такая смена юрисдикции не повлекла» (Lowe, 2013:294).

При составлении международно-правовых актов дуалистический подход оформляется путем подразумеваемого или буквального указания на исключение из категории судов плавучих установок в период разведки и разработки морского дна. Проследим формирование дуалистического подхода, рассмотрев комплекс международно-правовых актов, следующих этой концепции.

Нормы *Конвенции о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности морского судоходства 1988 года* распространяется на «любое судно, не закрепленное постоянно на морском дне, включая суда с динами-

ческим принципом поддержания»⁴¹. При этом положения применимы по отношению к судну, если оно «совершает плавание или его маршрут включает плавание...»⁴². Следовательно, плавучие нефтегазовые установки подпадают под категорию «судна», находясь в режиме навигации, и исключаются из этой категории при осуществлении своих основных функций, становясь «установками», постоянно закрепленными на морском дне.

Для обеспечения целей и задач конвенции в отношении «установок» был принят *Протокол о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности стационарных платформ, расположенных на континентальном шельфе 1988 года*. Согласно определению Протокола понятие «стационарная платформа» обозначает «искусственный остров, установку или сооружение, постоянно закрепленные на морском дне для разведки или разработки ресурсов или для других экономических целей»⁴³. Представляется, что плавучие типы установок, функционирующие в закрепленном положении, также подпадают под это определение.

Международная конвенция о спасании 1989 года определяет «судно» как «любое судно или плавучее средство либо любое сооружение, способное осуществлять плавание»⁴⁴. При этом конвенция особо предусматривает, что ее положения не применяются к «стационарным или плавучим платформам или морским подвижным буровым установкам, когда такие платформы или установки осуществляют в местах их расположения разведку, разработку или добычу минеральных ресурсов морского дна»⁴⁵. Следовательно, для целей и задач конвенции плавучие установки обладают статусом «судна», находясь в режиме навигации, и утрачивают этот статус, осуществляя работы, связанные с освоением шельфовых месторождений.

Подчеркнем, что положение об исключении нефтегазовых установок из сферы действия Конвенции о спасании 1989 года строится на функциональном критерии. Именно природа деятельности по разведке и разработке морского дна оказалось несовместимой с концепцией спасания на море и, как следствие, сделала функционирующие нефтегазовые установки ненадлежащими объектами для проведения спасательных операций. На это указывают подготовительные материалы Конвенции о спасании 1989 года. Идея об исключении из сферы

⁴¹ Конвенция о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности морского судоходства от 10 марта 1988 года // Бюллетень международных договоров. 2002. № 1. С. 3–11. Ст. 1.

⁴² Конвенция о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности морского судоходства от 10 марта 1988 года // Бюллетень международных договоров. 2002. № 1. С. 3–11. Ст. 4(2).

⁴³ Протокол о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности стационарных платформ, расположенных на континентальном шельфе от 10 марта 1988 года // Бюллетень международных договоров. 2002. № 1. С. 12–15. Ст. 1(3).

⁴⁴ Международная конвенция о спасании от 28 апреля 1989 года // Бюллетень международных договоров. 2001. № 4. С. 3–12. Ст. 1(a).

⁴⁵ Международная конвенция о спасании от 28 апреля 1989 года // Бюллетень международных договоров. 2001. № 4. С. 3–12. Ст. 3.

действия договора установок, используемых для освоения ресурсов морского дна, была выдвинута самими представителями нефтегазовой промышленности. Предложение Международного форума нефтяной промышленности по разведке и добыче обосновывалось тем, что проведение спасательных мероприятий на нефтегазовых установках требует специальных знаний и навыков; по заявлению представителей отрасли действия неквалифицированных лиц, вовлеченных в спасательные операции на платформах, могут усугубить последствия аварий (Bishop, 2016:484-485; Berlingieri, 2015:77).

Таким образом, формулировки Конвенции о спасании 1989 года — первый наиболее показательный пример использования дуалистического подхода, когда непосредственно указывается на исключение из сферы действия конвенции плавучих установок по функциональному признаку, а именно осуществлению разведки и разработки ресурсов морского дна.

По аналогичной модели построены положения *Найробийской конвенции об удалении затонувших судов 2007 года*, применимой к «морскому судну любого типа, в том числе [...] плавучие средства и плавучие платформы, за исключением случаев, когда такие платформы осуществляют в местах их расположения разведку, разработку или добычу минеральных ресурсов морского дна»⁴⁶. Для целей конвенции это означает, что плавучие нефтегазовые установки допустимо относить к категории «затонувших судов» лишь вследствие «морской аварии», произошедшей в момент ее передвижения по морю⁴⁷.

Дуалистический подход прослеживается в некоторых резолюциях ИМО. Таким примером может послужить *Резолюция ИМО о зонах безопасности и безопасности мореплавания вокруг прибрежных сооружений и установок 1989 года*, предусматривающая, что «морские подвижные буровые установки, используемые для буровых работ в целях разведки природных ресурсов, рассматриваются как суда, когда они находятся на ходу и не заняты буровыми работами, однако считаются установками или сооружениями, когда заняты буровыми работами»⁴⁸.

Аналогичный подход установился и в системе права Европейского Союза. *Директива 2013/30/ЕС о безопасности морских нефтегазовых операций и об изменении Директивы 2004/35/ЕС* включает в содержание понятия «установки»,

⁴⁶ Nairobi International Convention on the Removal of Wrecks of 18 May 2007. International Legal Materials. 2007. Vol. 46. P. 697–708. Art. 1(2).

⁴⁷ Примером может послужить авария на самоподъемной плавучей буровой платформе «Кольская», затонувшей в ходе буксировки в Охотском море 18 декабря 2011 года. См. Заключение №АГ 01/12 Федеральной службы по надзору в сфере транспорта по расследованию очень серьезной аварии с самоподъемной плавучей буровой установкой «Кольская», произошедшей в Охотском море 18 декабря 2011 года. (27 февраля 2012) С. 7–17, available at: http://kolskaya.com/KOLSKAYA_Russian/Fakty_i_dokumenty_files/Заключение%20Ространснадзора.pdf (Accessed 24 June 2019).

⁴⁸ Safety Zones and Safety of Navigation around Offshore Installations and Structures (19 October 1989) IMO Resolution A.671(16).

помимо стационарных платформ, «морские передвижные буровые установки, только когда они размещены в морских пространствах для осуществления бурения, добычи или других видов деятельности, относимых к морским нефтегазовым операциям»⁴⁹.

В контексте анализа дуалистического подхода нельзя не упомянуть об актах Международной организации труда (далее — МОТ). Определение статуса «моряков» для целей и задач международно-правового регулирования труда в морском судоходстве неразрывно связано с понятием «судна», так как ключевым критерием статуса моряков является работа «на борту судна». В период, когда было заключено большинство конвенций МОТ, касающихся регулирования труда моряков, работники нефтегазовых установок составляли незначительную долю трудящихся в море, и специфика их работы зачастую не принималась во внимание при разработке требований (Esmaeili, 2001:33).

Ранние конвенции МОТ, как правило, содержали широкое определение термина «судно». В период активного развития морской нефтегазовой добычи разрабатываемые МОТ положения в вопросе о статусе плавучих установок следовали дуалистическому подходу. Один из первых договоров подобного рода — Конвенция МОТ № 147 О минимальных нормах на торговых судах 1976 года, которая не применялась к «таким судам, как нефтяные установки и буровые платформы, когда они не используются в судоходстве»⁵⁰. К 90-м годам данный подход нашел закрепление в целом ряде конвенций и рекомендаций МОТ⁵¹.

Однако при обсуждении *Конвенции о труде в морском судоходстве 2006 года*, объединившей все положения рекомендаций и конвенций МОТ о труде в морском судоходстве, государства-участники приняли решение не использовать дуалистический подход для целей и задач сводной конвенции⁵². Принятый текст конвенции содержит широкое определение «судна», которое никак не отражает соотношения этой категории с плавучими типами установок⁵³. Таким образом, Конвенция о труде в морском судоходстве 2006 года

⁴⁹ Directive 2013/30/EU of the European Parliament and of the Council of 12 June 2013 on safety of offshore oil and gas operations and amending Directive 2004/35/EC // OJ L 178. 28.06.2013. Art. 2(19).

⁵⁰ Конвенция Международной организации труда №147 О минимальных нормах на торговых судах от 29 октября 1976 года // Бюллетень международных договоров. 1993. № 8. С. 3–8. Ст. 1(4)(c).

⁵¹ Recommendation concerning the Improvement of Standards in Merchant Ships of 29 October 1976 // ILO Recommendation № 155. Para. 1(4)(c); Social Security (Seafarers) Convention (Revised) of 09 October 1987 // ILO Convention № 165. Art. 1(c)(ii); Labour Inspection (Seafarers) Convention of 22 October 1996 // ILO Convention № 178. Art 1(4).

⁵² Позиции делегаций по вопросу об определении термина «судно» представлены в докладе конференции. Report of Committee №1. Preparatory Technical Maritime Conference (13–24 September 2004) ILO PTMC 04/3-1. Para. 46–68.

⁵³ Согласно Конвенции о труде в морском судоходстве 2006 года, «судно означает любое судно, кроме судов, которые плавают исключительно во внутренних водах, в пределах защищенных вод или в непосредственной к ним близости, либо в районах действия портовых правил». Конвенция 2006 года о труде в морском судоходстве от 23 февраля 2006 года // Бюллетень международных договоров. 2014. № 5. С. 3–182. Ст. 2(1)(i).

оставляет решение о включении таких объектов в категорию судов на усмотрение ее участников. С момента вступления конвенции в силу в 2013 году большинство государств, судовые реестры которых открыты для регистрации плавучих платформ, заявили о том, что не рассматривают такие объекты как «суда» для целей конвенции, тем самым исключая применение к ним стандартов МОТ⁵⁴.

В этой связи необходимо признать, что практика государств в области международно-правовых стандартов труда в морском судоходстве отошла от дуалистического подхода при определении статуса плавучих установок и вовсе не рассматривает такие объекты в качестве «судов». В работах, посвященных этой тематике, сложившаяся ситуация справедливо критикуется, так как работа лиц, занятых в морской нефтегазовой отрасли, остается за пределами требований МОТ (Papanicolaou, 2018:51). Представляется, что определение статуса плавучих нефтегазовых установок — ключевой аспект для исследования проблем применимых международно-правовых стандартов труда.

Представленный обзор позволяет заключить, что дуалистический подход к определению статуса плавучих установок может применяться для целей и задач широкого спектра международно-правового регулирования, начиная от охраны морской среды и обеспечения безопасности судоходства, заканчивая спасением на море. Кроме того, можно проследить тенденцию к конкретизации дуалистического подхода. Если в ранних конвенциях «дуалистический» статус выводился посредством толкования термина «судно», то формулировки поздних международно-правовых актов непосредственно указывают на исключение из категории «судна» плавучих установок на момент осуществления разведки и разработки нефтегазовых месторождений.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Дифференциации подходов к определению статуса плавучих установок для целей и задач различных конвенций представляется значимым недостатком международно-правового регулирования. Практика свидетельствует о том, что отсутствие единого подхода к определению статуса — потенциальная причина

⁵⁴ О такой позиции заявило большинство государств, предоставляющих «удобные флаги», в числе которых Багамские острова, Панама, Сингапур и др. Bahamas Maritime Authority. Information Bulletin № 127. Maritime Labour Convention, 2006 (27 March 2013) Para. 2.2, available at: <https://www.bahamas-maritime.com/wp-content/uploads/2015/08/127-Maritime-Labour-Convention-2006-Rev4.pdf> (Accessed 24 July 2019); Maritime and Port Authority of Singapore. Shipping Circular to Shipowners № 14. Maritime Labour Convention 2006 — Application to MODU Code Certified Ships as Well as Persons on Board (6 August 2013) Para. 3, available at: <https://www.mpa.gov.sg/web/portal/home/port-of-singapore/circulars-and-notice/shipping-circulars/detail/sc13-14> (Accessed 24 July 2019); Panama Maritime Authority. Merchant Marine Circular MMC-251. Maritime Labour Convention, 2006 — Mobile Offshore Drilling Units and Mobile Offshore Units (1 August 2016) Para. 1, available at: <https://www.segumar.com/wp-content/uploads/2017/02/MMC-251-Feb-2017.pdf> (Accessed 24 July 2019).

для международных споров, поскольку в один и тот же момент регулирование тех или иных аспектов эксплуатации данных объектов может подпадать под юрисдикцию разных государств — государства флага и прибрежного государства. Совпадение юрисдикций затрудняет, в частности, установление международно-правовой ответственности за ущерб, возникающий в результате аварийного загрязнения, осложняет организацию мер, направленных на обеспечение их безопасной эксплуатации и т.д.

Для того чтобы разрешить проблему «совпадения» юрисдикций требуется установить единообразный подход к определению статуса плавучих установок для международно-правового регулирования во всех областях. Представляется, что оптимальный путь этой унификации — *единообразное применение концепции дуалистического подхода*. Этот вывод обосновывается двумя соображениями. Во-первых, дуалистический подход обладает универсальным характером, так как может применяться вне зависимости от целей и задач международно-правового регулирования. Во-вторых, унификация по модели дуалистического подхода является целесообразной, поскольку укладывается в режим Конвенции 1982 года. Внедрение этой модели в международно-правовое регулирование не потребует значимого изменения действующих актов. Признавая оптимальной концепцию подхода, необходимо указать на важность его совершенствования.

Представляется, что основной недостаток подхода состоит в отсутствии указания на конкретный момент изменения международно-правового статуса плавучей нефтегазовой установки. Иными словами, остается неясным, в какой именно момент плавучая установка переходит из категории «судов» в категорию «установок и сооружений» и, следовательно, когда юрисдикция государства-флага сменяется юрисдикцией прибрежного государства.

По меньшей мере два международных договора — Конвенция о спасании 1989 года и Конвенция об удалении затонувших судов 2007 года — определяют момент изменения статуса как «осуществление [...] разведки, разработки или добычи минеральных ресурсов морского дна». Такая формулировка является неочевидной, поскольку не указывает на *непосредственный момент* начала «разведки, разработки или добычи», что допускает различные толкования. Для исключения любых противоречий важно, чтобы этот момент был единообразно определен для всех международно-правовых актов вне зависимости от их целей и задач. Критерии, с которыми связывается переход плавучей платформы из категории «судов» в категорию «установок и сооружений», должны носить технический характер. Предположим, что, если в качестве такого критерия будет выбран «непосредственный контакт с морским дном», то следует определить, какие именно технологические операции должны быть произведены, чтобы считать контакт с морским дном завершенным (т.е. будет ли считаться моментом перехода плавучей платформы в правовую категорию «установок» закрепление на морском дне с помощью якорных систем либо начало буровых работ). Кроме того,

для различных моделей плавучих нефтегазовых установок, использующих различные способы стабилизации (например, для самоподъемных платформ и буровых судов) целесообразно предусмотреть специальные критерии.

Принимая во внимание специфический характер операций по освоению морских нефтегазовых месторождений, составление предлагаемых критериев требует привлечения целого ряда компетентных организаций. В их разработке должны принимать участие по меньшей мере ИМО, Всемирная ассоциация морского права, а также неправительственные организации в области морской нефтегазовой промышленности. Представляется, что такие критерии могут быть разработаны под эгидой ИМО и утверждены посредством ее резолюции. Отметим, что ИМО уже имеет опыт разработки международных требований в этой области — Кодекс постройки и оборудования плавучих буровых установок (англ. *MODU Code*)⁵⁵. Нормы кодекса периодически изменяются и дополняются, в связи с чем было бы целесообразно включить предложенные критерии в одну из его будущих редакций. После принятия таких критериев на универсальном уровне они могут использоваться при толковании существующих конвенций и приниматься во внимание при согласовании будущих международно-правовых требований, затрагивающих эксплуатацию морских нефтегазовых установок.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК / REFERENCES

- Bekyashev, K.A. (ed.) (2009) *Mezhdunarodnoe publichnoe pravo: uchebnik* [International Public Law: Textbook]. Moscow, Prospekt Publ. (in Russian).
Международное публичное право: учебник. Под ред. К.А. Бекяшева. М.: Проспект, 2009. 1008 с.
- Berlingieri, F. (2015) *International Maritime Conventions (Volume 2): Navigation, Securities, Limitation of Liability and Jurisdiction*. New York, Informa Law Publ.
- Bishop, A. (2016) *Law of Salvage*. In: Attard, D.J., Fitzmaurice, M., Ignacio, A., Martínez, N., Belja, E. (eds.) *The IMLI Manual on International Maritime Law: Volume II: Shipping Law*. Oxford, Oxford University Press Publ. 474-501.
- Borodavkin, P.P. (2006) *Morskije Neftegazovye Sooruzheniya. Chast' 1. Konstruirovanie*. [Offshore Oil and Gas Structures. Part 1. Designing]. Moscow: Nedra-Biznestsentr Publ. (in Russian).
Бородавкин П.П. Морские Нефтегазовые Сооружения. Учебник для вузов. Часть 1. Конструирование. М.: Недра-Бизнесцентр, 2006. 555 с.
- Chandrasekaran, S., Jain, A.K. (2017) *Ocean Structures: Construction, Materials, and Operations*. Boca Raton, CRC Press Publ.
- Dux, T. (2011) *Specially Protected Marine Areas in the Exclusive Economic Zone (EEZ): The Regime for the Protection of Specific Areas of the EEZ for Environmental Reasons Under International Law*. Berlin, LIT Verlag Münster Publ.

⁵⁵ Code for the Construction and Equipment of Mobile Offshore Drilling Units (2009 MODU Code) (2 December 2009) IMO Doc. A 26/Res.1023.

- Esmacili, H. (2001) *The Legal Regime of Offshore Oil Rigs in International Law*. Aldershot, Ashgate Dartmouth Publ.
- Gavouneli, M. (1995) *Pollution from Offshore Installations*. London, Graham & Trotman Publ.
- Gavrilina, E.A. (2018) *Yurisdiksiya pribreznogo gosudarstva v otnoshenii plavuchei burovoi ustanovki v zavisimosti ot mesta (raspolozheniya) proizvodstva burovyykh rabot v prostranstvakh Mirovogo okeana [Jurisdiction of the Coastal State in Relation to a Floating Drilling Rig Depending on the Site (Location) of Drilling Operations in the World Ocean]*. *Energy law forum*. (1), 43–51. (in Russian).
Гаврилина Е.А. Юрисдикция прибрежного государства в отношении плавучей буровой установки в зависимости от места (расположения) производства буровых работ в пространствах Мирового океана // Правовой энергетический форум. № 1. 2018. С. 43–51.
- Healy, N.J., Sweeney, J.C. (1991) *Basic Principles of the Law of Collision*. *Journal of Maritime Law and Commerce*. 22 (3), 359-404.
- Kashubsky, M. (2016) *Offshore Oil and Gas Installations Security: An International Perspective*, Boca Raton, CRC Press Publ.
- Kolodkin, A.L., Guculyak, V.N., Bobrova, Y.V. (eds.) (2007) *Mirovoi okean. Mezhdunarodno-pravovoi rezhim. Osnovnye problemy. [The World Ocean: International Legal Regime. The main problems]*. Moscow: Statut Publ. (in Russian).
Мировой океан. Международно-правовой режим. Основные проблемы. Под ред. А.Л. Колодкин, В.Н. Гуцуляк, Ю.В. Боброва. М.: Статут, 2007. 637 с.
- Lazarev, M.I. (1972) *Pravovoi rezhim morskikh burovyykh i inykh ustanovok [Legal Regime of Offshore Drilling Installations and other Structures]*. Moscow: Institut gosudarstva i prava USSR Academy of Sciences Publ. (in Russian).
Лазарев М.И. Правовой режим морских буровых и иных установок. М.: Институт государства и права АН СССР. 1972. 185 с.
- Lowe, V. (2013) *Ships*. In: Boschiero, N., Scovazzi, T., Pitea, C., Ragni C., (eds.) *International Courts and the Development of International Law: Essays in Honour of Tullio Treves*. Berlin: Springer Publ. 291-298.
- Molodcov, S.V. (1987) *Mezhdunarodnoe morskoe pravo [International Maritime Law]*. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya Publ. (in Russian).
Молодцов С.В. Международное морское право. М.: Международные отношения, 1987. 272 с.
- Nordquist, M.H., Nandan, S., Rosenne, S. (eds.) (1993) *United Nations Convention on the Law of the Sea 1982: A Commentary. Volume II*. Leiden: Martinus Nijhoff Publ.
- O'Connell, D.P. (1984) *The International Law of the Sea: Volume II*. Oxford: Clarendon Press Publ.
- Paik, J.K., Thayamballi, A.K. (2007) *Ship-Shaped Offshore Installations*. Cambridge: Cambridge University Press Publ.
- Papadakis, N. (1997) *The International Legal Regime of Artificial Islands*. Leyden: Sijthoff Publ.
- Papanicolopulu, I. (2018) *International Law and the Protection of People at Sea*, Oxford: Oxford University Press Publ.
- Park, P. (2013) *International Law for Energy and the Environment*. Boca Raton: CRC Press Publ.
- Peplowska, Z. (2010) *What is a Ship? The Policy of the International Fund for Compensation for Oil Pollution Damage: The Effect of the Greek Supreme Court Judgment in the Slops Case*. *Aegean Review of the Law of the Sea and Maritime Law*. Vol. 1. No 1. 157–164.
- Pereira, R. (2016) *Pollution from Seabed Activities*. In: Attard, D., Fitzmaurice, M., Martinez, N., Hamza, R. (eds.) *The IMLI Manual on International Maritime Law: Volume III: Marine*

- Environmental Law and International Maritime Security Law. Oxford: Oxford University Press Publ. 95–138.
- Perfilov, V.A., Gabova, V.V., Tomareva, I.A., Kanavec, U.V. (eds.) (2017) *Proektirovanie i stroitel'stvo morskikh neftegazovykh sooruzhenii: v 2-h ch. Chast' 1* [Offshore Oil and Gas Installations Design and Construction: in 2 Parts. Part 1]. Volgograd: VolgGTU Publ. (in Russian).
- Проектирование и строительство морских нефтегазовых сооружений: в 2-х ч. Часть 1. Под ред. В.А. Перфилова, В.В. Габова, И.А. Томарева, У.В. Канавец. Волгоград: ВолгГТУ, 2017. 224 с.
- Richards, K.R. (2011) Deepwater Mobile Oil Rigs in the Exclusive Economic Zone and the Uncertainty of Coastal State Jurisdiction. *Journal of International Business and Law*. Vol. 10. No 2. 387–411.
- Rothwell, D.R., Stephens, T. (2016) *The International Law of the Sea*. London: Bloomsbury Publ.
- White, M. (1999) Offshore Craft and Structures: A Proposed International Convention. *Australian Mining Petroleum Law Journal*. Vol. 18. No 1. 21–27.

Об авторе:

Абрамов Никита Сергеевич — аспирант кафедры международного права, юридический факультет, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
ORCID ID: 0000-0003-3919-3340
e-mail: AbramovNS@iCloud.com

Для цитирования:

Абрамов Н.С. Международно-правовой статус плавучих нефтегазовых установок // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. 2019. Т. 23 № 4. С. 510–532. DOI: 10.22363/2313-2337-2019-23-4-510-532.

Дата поступления в редакцию: 30 июля 2019 г.

Дата принятия к печати: 15 октября 2019 г.

Research Article

INTERNATIONAL LEGAL STATUS OF THE OFFSHORE MOBILE OIL AND GAS INSTALLATIONS

Nikita S. Abramov

Lomonosov Moscow State University
bldg. 13, 1, Leninskie Gory str., 119991, Moscow, Russia

Mobile offshore oil and gas installations are the essential infrastructural facilities for the oil and gas industry. The present-day offshore installations are able to explore, extract, store and offload hydrocarbons, thus ensuring the complete cycle of offshore fields development. Nonetheless, multifunctionality of mobile oil and gas installations makes it difficult to define their international legal status. Under the UNCLOS 1982, the mobile offshore oil and gas installations international status is uncertain. Due to dualistic nature, the mobile installations should be considered under the category of “instal-

lations” during the hydrocarbons exploration and exploitation operations and be classified as “ships” while navigating.

The article seeks to analyse a set of international law provisions, that define the mobile off-shore oil and gas installations international legal status. It is intended to assess whether the existing legal regulations meet the needs of a present-day offshore industry. To this end, the article addresses the relevant provisions of international maritime conventions, that define the status of mobile oil and gas installations in accordance with their object and purpose. The study finds that there are at least four distinct approaches towards the definition of the mobile installations international legal status.

The author concludes that the differentiated approaches towards the definition of the mobile installations international legal status for the object and purpose of the various maritime treaties is a substantial shortcoming of the applicable international legal framework. The study attempts to make the case for unification of a “dual approach”, that treats mobile offshore units as an “installations” or “ships” depending upon the function performed. Elaborating further on the unification proposal the author argues for the improvement of the “dual approach” through the specific process-related criteria, that establish the exact moment of the international legal status change.

Key words: international maritime law, international legal status, artificial installations and structures, ships, mobile oil and gas installations, exploration and exploitation of continental shelf

About author:

Nikita S. Abramov — postgraduate student of the International law department Lomonosov Moscow State University, Law faculty

ORCID ID: 0000-0003-3919-3340

e-mail: AbramovNS@iCloud.com

For citation:

Abramov, N.S. (2019) International legal status of the off-shore mobile oil and gas installations. *RUDN Journal of Law*. 23 (4), pp. 510–532. DOI: 10.22363/2313-2337-2019-23-4-510-532.

Article received July 30, 2019

Article accepted October 15, 2019

DOI: 10.22363/2313-2337-2019-23-4-533-545

Research Article

PUBLIC SECURITIES AND DERIVATIVES LAW AS BRANCH OF THE FINANCIAL LAW

Maxim M. Proshunin¹

Russian State University of Justice,
69, Novocheremushkinskaya str., 117418, Moscow, Russia

The article is devoted to financial law issues on securities and derivatives market regulations. The article deals with the financial law nature of the relations that are emerging in the securities and derivatives markets through a review of methods and techniques of securities and derivatives market regulation.

The author considers the public interest in the regulation of the securities and derivatives markets, as well as differences between different parts of securities and derivatives markets. The article contains the review of regulatory, compensatory and redistributive functions of the securities and derivatives markets.

The author states that control of the securities and derivatives market has to be considered as independent type of state financial control in the Russian Federation. In addition, the securities and derivatives law have to be considered as a branch of financial law.

The legal relations arising in course of issuance and circulation of state securities and entering into derivatives deals are separately reviewed and analyzed. It is proved that the basis for recognition of the securities and derivatives market as the financial law categories is similar to reasons proving the existence of public banking law, namely, stock market and derivatives as an integral parts of any financial market system, the presence of public interest in the regulation of relations in the securities and derivatives markets, the existence of a mandatory subject of legal relations, having a public authority (the Bank of Russia), the existence of subordination between the Bank of Russia and professional participants of the securities market where the Bank of Russia acts as a regulator and supervisory authority and wide scope of public law methods used for securities and derivatives market regulations.

Key words: securities, securities markets, financial law, the Bank of Russia, the initial public offering, the financial markets, derivatives

INTRODUCTION

The relations between the authorized bodies of the state, legal entities and individuals on the issue, circulation and redemption of securities, constitute securities market. Meanwhile the relations between the authorized bodies of the state, legal entities and individuals constitute the derivative market which is not less important than

¹ © Proshunin M.M., 2019.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0>

securities market. In terms of types of financial instruments, the derivative market is even more complex and may lead to negative consequences to the whole financial market and the national economy. The bright example is the world economic crisis of 2018. The derivatives may be a trigger of financial crises. Warren Buffett called them weapons of mass destruction (Kazantsev, 2009:156–161).

Both are integral and material parts of the modern financial market, which also includes money market (purchase and sale of non-cash currency), the foreign exchange market (foreign exchange purchase and sale).

It is necessary to distinguish the organized and unorganized securities markets, a significant difference between the organized market is that transactions and securities transactions carried out by professional participants of the securities market, acting on the basis of licenses issued by the Bank of Russia. Such distinguish makes sense for the derivative market because there are some specific regulations are linked with type of the market. For instance, individuals are entitled to enter into derivative transactions on the organised market only. Otherwise such derivative transaction is void. Hence the unorganised (OTC market) is a trading place for qualified investors and professional participants on securities market having the professional licenses for trading activity.

Previously, these licenses were issued now abolished Federal Service for Financial Markets. An example of an organized market may make securities trading on the stock exchange (for example, JSC “Moscow Exchange”), and OTC market — buying securities through entering into written agreements between legal entities and individuals. OTC market for derivatives transaction consists of Bank of Russia, professional participants on securities market and qualified investors. Such difference in composition of the participants is explained by more complexity of derivative market and intention of the Russian authorities to protect individuals.

However, access to organized securities and derivative markets individuals and non-professional market participants receive by way of entering brokerage contracts, contracts of asset (securities) management with professional participants on securities markets (brokers, asset management companies).

The permanent development of electronic and hardware on securities and derivatives market led to reduction of brokers’ involvement in client trading. The most part of professional participants on securities market activity is to ensure the technical access to the organized securities and derivatives market and carry out a number of public functions, such as monitoring transactions and operations for anti-money laundering and terrorist financing, the manipulation of prices of securities and other financial products, misuse of insider information. It worth noting that the securities market is considered as a place between the river and the cemetery by (Lewis, 1989:2–6).

Also it is necessary to allocate primary and secondary securities market. Thus, the primary securities market is transactions between the issuer and the acquirer of the primary mediating the initial issuance of securities. In the secondary market trading of securities there are securities sale and purchase transactions and other transactions be-

tween the primary purchaser of the securities and the rest of the securities market participants. The secondary securities market includes redemption of securities and buy-back of the securities by the issuer of the securities.

There is a distinguish between an initial public offering (initial public offering (IPO)) and secondary public offering (secondary public offering (SPO)). During the initial public offering of securities for the first time offered on the organized market of an indefinite number of persons, while at the secondary public offering earlier placed securities are also available to the public of the organized market of one or more of the owners of securities.

Meanwhile, the separation on primary and secondary market is not relevant to the derivative market.

However, the issue arises about the legal nature of regulations covering relations in the securities and derivatives market. At present, the Russian legal regulation of the securities and derivative markets is represented by a multi-colored palette of financial law and civil law.

The existence of different points of view on public law and private law elements in the securities and derivatives market regulation suggests the possibility of selection of institutions of public and private securities and derivatives law, where a public securities law is the institute of financial law, regulating relations arising in the sphere of state regulation and supervision conducted by the Bank of Russia in the securities and derivatives market.

In spite of the fact that it is possible to continue to argue concerning a substantial component of financial law regulation in the securities market, there is no doubt that as A.O. Pristupko (Pristupko, 2006:41-43) emphasizes, "the role in legislative ensuring of infrastructure of the securities market will be played by the financial law. This situation needs to be "legalized", i.e. officially recognize financial law as the basic area of legal support of the stock market".

As S. V. Zapolsky (Zapolsky, 2008:150-151) rightly notes, "the implementation of its norms and legal structures (financial law — approx. it is a question of the functioning of the securities market as part of the financial market and financial and legal means of regulating this market". In addition, S.V. Zapolsky (Zapolsky, 2010:352–353) considers the securities transactions as a part of emission law.

G. A. Tosunyan and A. Yu. Vikulin (Tosunyan, Vikulin, 2003:15–19) distinguish securities law as a structural element of the financial law system.

The public law component is pointed out By I. V. Getman-Pavlova (Getman-Pavlova, 2007:2–5), who defines international stock law as a complex polysystem legal institution; its normative structure is composed of public law norms (approx. highlighted by the author) with private law effect, contractual substantive and conflict of laws rules of private international law, *Lex mercatoria* prescriptions.

As E. A. Andreeva (Andreeva, 2014:11–15) points out, the rules on securities are contained in the sources of various branches of law. First of all, it is administrative, civil, financial and even criminal law.

E. Y. Kovalkova (Kovalkova, 2017:32) says that the legislation on the securities market is a large array of regulations, including the norms of various branches of law.

E. E. Emirsultanova (Emirsultanova, 2005:39) notes that financial and legal stock relations arise in connection with: the issue of securities (accumulation of funds); investment in securities (distribution and use of funds); regulation of the securities market and the implementation of stock control.

S. S. Tropkaya (Tropkaya, 2013:12) adheres to a similar position, noting that the concept of “public financial activity” also includes management activities of public authorities on state regulation and control of financial markets.

A.B. Gabov (Gabov, 2011:19) highlights state regulation of the securities market as a type of relations on the securities market.

K.S. Belsky (Tsendiliani, 2016:45) states that there is a legal institute of the securities market of the financial law.

As a resume, it can be stated that the general scientific approach is to recognize the securities market as a material part of the financial market, from the one side, and from the other side, financial law as one of the law branches covering securities market activity.

Supporting the abovementioned statements of the scientists it is important to highlight that their views are limited by only one type of financial instruments. It is securities. However, even Russian financial legislation (article 2 of Federal law № 39-FZ dated on 26 of April 1996 “On securities market”) sets out that the financial instruments consist of securities and derivatives².

Having the detailed legal definition (article 2 of Federal law № 39-FZ dated on 26 of April 1996 “On securities market” in the abovementioned federal law the latter can be defined as an agreement stating the obligation of the counterparties to pay money depending on volatility of financial and commodity prices or on events which occurrence in future is unknown (Krasnov, Alexandrov, 2010:159).

Therefore, it is reasonable to consider the securities and derivatives markets regulations based on following grounds.

Both are financial instruments from economic and legal perspectives. It should be stressed that some foreign scientists even determine the derivatives as a type of securities. For instance, B. Solnik (Solnik, 1996:435–436) determines the derivatives as “securities bearing a contractual relation to some underlying asset or rate”.

Both are covered by the same normative acts. In general, the composition of the participants of these markets are pretty the same.

Both have the same supervisory authority. The supervisory authorities for securities and derivatives transactions is Bank of Russia.

² Sbornik zakonodatel'stva Rossiiskoi Federatsii [Collection of legislation of the Russian Federation] (1996). (17), Art. 1918

In addition, I.M. Livshits (Livshits, 2012:189–190) mentions that convergence of the regulations of the securities and derivatives markets is a trend of European regulations.

The public financial law component in regulation of securities and derivatives market is justified by the functions of the securities and derivatives markets.

Firstly, the securities and derivatives markets perform a regulatory function, which ensures the creation and enforcement of rules of trade in securities and derivatives, dispute resolution between securities market participants, Bank of Russia and non-professional participants: legal entities and individuals.

Secondly, allocation function, which is expressed in the allocation of monetary funds between households and different sectors of the national economy.

Thirdly, the compensation function means the financing of the budget deficit at different levels of the budget system of the Russian Federation on non-inflationary basis, ie without the issuance and circulation of extra cash.

Fourthly, derivative market carries out the hedging function allowing the derivative market participants to manage and limit their financial risks.

In our opinion, there is no doubt that these functions justify public law component of the securities market, as economic agents are less interested in the implementation of these functions. In addition, the implementation of these functions is possible only in the presence of state influence, which is expressed primarily through the issuance of regulations covering securities and derivatives market.

The main participants of securities and derivatives market are the Bank of Russia, the professional participants of the securities market. At the same time, it is important to highlight state corporations, investment companies, insurance companies, private (non-state) pension funds, asset management companies, investment funds.

The Bank of Russia performs regulatory and supervisory functions on the securities and derivatives markets. Moreover, the Central Bank of Russian Federation acts as an ordinary participant by way of securities and derivatives trading on the stock market: issues securities (the Bank of Russia bonds), a service agent for government securities, enter into sales transactions, repo transactions with securities.

By the professional participants of the securities and derivatives market include the following types of entities: brokers, dealers, trust managers, depositories, registrars, FX dealers, repositories. The stock exchange is not a professional participant of the securities market, but it has an important role in set up of the organized securities and derivatives markets. The Moscow Exchange has both organised securities and derivatives markets³. The arranging of trading on the securities market provides for the rendering of services for the organized trading on the securities market on the basis of license of exchange trading system.

³ Official website of Moscow Exchange, available at: <https://www.moex.com/s4> (Accessed 22 September 2019).

There are self-regulatory organization of professional securities market participants in the securities and derivatives markets. They are a voluntary association of professional participants of securities and derivatives market, functioning on the principles of non-profit organizations.

In 2016 the professional participants have to become member of one of the self-regulatory organisation (SRO). The membership in the self-regulatory organisation leads to obligation of the members of SROs to adhere professional securities market standards adopted by relevant SROs.

Self-regulatory organizations of professional securities market participants are to ensure the conditions of professional activity of financial market participants, compliance with standards of professional ethics in the financial market, protect the interests of holders of securities and other clients of professional participants of securities and derivative market, are members of the self-regulatory organization, the establishment of rules and standards of securities and derivatives transactions, ensuring effective operation of the securities and derivative market.

Self-regulatory organizations are entitled: to receive information on the results of inspections of its members carried out by the Bank of Russia; to approve the rules and standards of the professional activities of its members, including securities transactions and operations related to entering into and execution of agreements being derivative financial instruments; to control over compliance with its members approved self-regulatory organization rules and standards of the profession; and finally, to carry out the training of individuals in the sphere of professional activity at the securities market. If a self-regulatory organization is accredited by the Bank of Russia, taking qualification exams and issue qualification certificates.

The purpose of state regulation of securities and derivatives markets to ensure the formation of an efficient market with a developed infrastructure and financial market institutions, ensuring the implementation of the unified state monetary and credit policy, the formation of a reliable source of investment for both qualified and non-qualified investors, protecting the rights of investors in the securities and derivatives market.

The main two elements of the government securities and derivatives market regulation of securities should be classified as: the state authority performing regulation and supervision functions and regulation of the securities market.

The legal framework of securities and derivatives market consists of financial law and civil law provisions, covering relations of securities market participants, related to the issue, circulation and redemption of securities and entering and execution of the derivative contracts, as well as regulation and supervision conducted by state authorities (Bank of Russia).

The civil law framework stands for public relations arising, change, and terminate on the basis of transactions and operations with securities and derivatives covering the purchase and sale agreements, pledge, exchange. An essential feature of these relations is that they are carried out on the basis of equality, autonomy of the wills of

the parties, property independence. In turn, financial (public) regulation is presented by state authorities' activity on securities market, in particular, regulation and supervision on securities market participants.

The collaboration between financial law and civil law regulations on securities and derivatives market was explained by N. Kazantsev (Kazantsev, 2009:305): “The nature of modern money and derivative financial instruments is that they are both under the overall responsibility of the state and the individuals who have them”.

As highlighted above, the main normative legal act in the securities market, especially the market of mass-issued securities and derivative financial instruments are the Federal Law № 39-FZ of April 22, 1996 “On the Securities Market”⁴. A significant part of securities market regulations is the regulations of the Federal Service for Financial Markets, as well as its successor — the Bank of Russia.

Licensing of the professional securities market participants; registration of offering circulars and issue of securities, asset management rules for collective investment; the adoption of rules of professional activities, supervision and control over issuer's activities, professional securities market participants, collective investment funds, all of them have financial law nature, despite the fact that the transactions between themselves are covered by civil law regulated contracts.

By default, the state is interested into the effective organization and functioning of the securities and derivative markets. It is worth mentioning that the world financial crisis in 2008 was initiated by US securities and derivatives markets.

In addition, it is appropriate to draw a parallel with the banking and insurance laws, where the purposes and objectives of the state on the banking and securities markets determine and justify the financial law nature of banking and insurance relationships, regardless of the fact that the banking or insurance transactions are covered by civil law governed agreements.

Therefore, the public nature of the regulation determines the purposes of financial and legal nature of financial relationships in the securities and derivative markets.

A. Nowakowski (Krasnov, Alexandrov, 2010:13) states that the state establishes the principles and purposes of regulation, it can only create the structure of market regulation: directly set limits on the possible use of other forms of regulation, to determine their significance for the market.

However, the connection with the financial activity of the state should not be considered as a mandatory feature of assigning a number of relations in the securities market to the financial law relationships. We stipulate that the market of government securities as a sector of securities market is inherently considered as part of financial activity of the state.

We agree with S. Zapolsky (Zapolsky, 2010:150), emphasizing that “the implementation of its norms and legal structures (financial law) can take place without

⁴ *Sobranie zakonodatel'stva Rossiiskoi Federatsii* [Collection of legislation of the Russian Federation] (1996). (17), Art. 1918

any accumulation and use of public financial funds ... It's about the securities market functioning as part of the financial market and the financial and legal means of regulating the market”.

Adheres to this point of view, I. Koch (Orlova, Shavaleeva, 2012:494), considering the aspects of state financial control in the securities market and asserts that, by virtue of mass and large-scale nature of the operations in the securities market, a significant impact on the state of the financial system and the economy as a whole, the possibility of using the securities market for illegal purposes, “the state does not have a right to be eliminated from the organization of financial supervision in the market”.

It should be noted that in a number of manuals, which rightly emphasizes the financial law component in the regulation of securities market, unfairly forgotten about the state financial supervision in the securities and derivative markets, which is standalone and different from other types of state financial control, including banking and insurance supervision.

We think that it is reasonable to consider the control over securities and derivatives market as a separate type of state financial control in the Russian Federation. Otherwise, a situation where part of the financial law governed relationships is not subject to state financial control, is unacceptable from theoretical and practical points of view.

Separately it is necessary to consider the legal relations arising from the issuance and circulation of state securities. Despite the fact that the basis of government bond as a debt security is a civil loan contract, the procedure of issuance and servicing government securities is regulated by the financial law, including Budget Code of the Russian Federation.

At present, the legal status of the Bank of Russia as mega regulator of the financial market will allow to unify the rules of financial market regulation for all participants, systematically assess the various risks, including legal and regulatory risks. The fact of the creation of a mega-regulator on the financial market proves the state's interest in the comprehensive implementation of common goals and objectives of financial market regulation, which is also one of the world trends in the development of financial markets.

The Bank of Russia is the authority in charge of regulation and supervision of the securities market. The implementation of these functions is carried out through a permanent body — the Financial Supervision Committee, which decides on key regulatory issues, control and supervision of the financial markets.

The main objectives of the Bank of Russia activities in the securities and derivatives market are: sustainable development of Russian financial market; effective management of risks arising in the financial markets, including the rapid detection and reaction to crisis; protection of rights and interests of investors in the financial market.

The Bank of Russia in cooperation with the Government of the Russian Federation develops and implements policy development and ensures the stability of the Russian financial market, including the stock market.

As a successor of the Federal Service for Financial Markets the Bank of Russia performs the following functions regulated by financial law. As noted by A. Bylya (Gracheva, 2014:589), just in the methods and control methods shown regulating effect of the financial rules of the right to the main securities market institutions.

The functions of the Bank of Russia also are state regulation of securities and derivatives market, including the adoption of standards and rules of professional activity on securities market, the standards of disclosure of information on securities and derivatives market.

One of the important functions of the Russian securities market regulator is licensing of the activity of professional participants of securities market by way of issue of the broker, dealer, asset management, depository and other licenses after check of compliance by the applicant with licensing requirements, which ensures the stability of the securities market and approved business participants.

The state registration of issuance of mass-issued securities and offering circular of securities, reports on results of issuance of securities, rules of management of mutual funds, private pension funds are also a function of the Bank of Russia as securities market regulator.

The adoption of mandatory standards, including adequacy of own funds of professional participants of securities market as a function of the Bank of Russia is similar to public law governed function of adoption of banking rules for credit institutions.

In addition, Bank of Russia carries out supervision of the activities of professional securities market participants, issuers, investment funds and private pension funds and other non-credit financial institutions.

The Bank of Russia conducts inspections based on legal entities and individuals' complaints of a possible violation of the securities and derivatives law and routine inspections of the professional securities market participants, and other non-credit financial institutions.

The Bank of Russia has a right to issue mandatory prescriptions and censures and submit applications to the court to liquidate legal entities carrying out professional activities in the securities market, to invalidate transactions, to cancel issuance of the securities in order to protect state and public interests in the securities market.

The Russian securities regulator imposes administrative liability to individuals and legal entities in cases of administrative offences considered during administrative cases initiated by the Bank of Russia.

Based on abovementioned authorities of the Bank of Russia, it should be stressed that all of them have public law nature and provide for vertical, public-legal relations in the securities market, where one of the mandatory participants — the supervisory body with public authority.

CONCLUSION

Thus, the financial law nature of securities and derivatives market regulation is based on the similar legal grounds justifying the existence of public banking law: securities and derivatives markets are integral parts of any financial market, the presence of the public interest in the regulation of relations in the securities market, the existence of a mandatory participant of such relations, which has public authority (the Bank of Russia), the existence of subordination between the Bank of Russia as a regulator and supervisory authority and the professional securities market participants, public law means of securities and derivatives market regulation. Making parallels with public banking law as branch of financial law was an object of research by T.E. Rozhdestvenskaya and A.G. (Rozhdestvenskaya, Guznov, 2014:6–17) we can state that public securities and derivatives regulations can be considered as a standalone branch of financial law as well.

REFERENCES / БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Andreeva, E.M. (2014) *Pravovoe regulirovanie rynka tsennykh bumag* [Legal regulation of the securities market]. Moscow: Yurlitinform Publ. (in Russian).
Андреева Е.М. Правовое регулирование рынка ценных бумаг: учебник. М.: Юрлитинформ, 2014. 309 с.
- Emirsultanova, E.E. (2005) Stock legal relations regulated by the norms of financial law. *Financial law.* 2005. No. 4. 38–42. (in Russian).
Эмирсултанова Э.Э. Фондовые правоотношения, регулируемые нормами финансового права // *Финансовое право.* 2005. № 4. С. 38–42
- Tsendiliani, I.A. (ed.) (2016) *Finansovoe pravo* [Financial law]. Moscow: Prospect Publ. (in Russian).
Финансовое право / под ред. И.А. Цинделиани. М.: Проспект, 2016. 656 с.
- Gracheva, E.Yu. (ed.) (2014) *Finansovoe pravo* [Financial law]. Moscow: Prospect Publ. (in Russian).
Финансовое право / под ред. Е.Ю. Грачевой. М.: Проспект, 2014. с. 589.
- Gabov, A.V. (ed.) (2011) *Voprosy teorii i pravovogo regulirovaniya rynka* [Securities: theoretical and practical questions of law regulations]. Moscow: Statut Publ. (in Russian).
Вопросы теории и правового регулирования рынка / под ред. А. В. Габова. М.: Статут, 2011. 1104 с.
- Getman-Pavlova, I.V. (2007) Legal constructions “international private currency law” and “international stock law”. *International public and private law.* (6), 2–5. (in Russian).
Гетьман-Павлова И.В. Юридические конструкции «международное частное валютное право» и «международное фондовое право» // *Международное публичное и частное право.* 2007. № 6. С. 2–5.
- Orlova, M.E., Shavaleeva, Ch.M. and others (2012) *Gosudarstvenniy finansovy control* [State financial control]. Moscow: Rid Grupp Publ. (in Russian).
Сабитова Н.М., Орлова М.Е., Шавалеева Ч.М. и др. Государственный финансовый контроль. М.: Рид Групп, 2012. 511 с.
- Krasnov, J.K., Alexandrov, A.A. (eds.) (2010) *Gosudarstvennoe regulirovanie rynka cennykh bumag v Rossii i zarubezhnykh finansovykh centrakh* [State regulation of the stock market in Russia and foreign financial centers]. Moscow: Statut Publ. (in Russian).

- ket in Russia and foreign financial centers]. MGIMO (University). Moscow: Statut Publ. (in Russian).
Государственное регулирование рынка ценных бумаг в России и зарубежных финансовых центрах: Учебное пособие / отв. ред. проф. Ю.К. Краснов и А.А. Александров. МГИМО (У) МИД России. М.: Статут. 2010. 720 с.
- Koval'kova, E.Y. (2017) *Pravovoe regulirovanie rynka cennyh bumag* [Legal regulation of the securities market]. Moscow: RGUP Publ. (in Russian).
Ковалькова Е.Ю. *Правовое регулирование рынка ценных бумаг*. М.: РГУП. 2017. 176 с.
- Lewis, M. (1989) *Liar's poker*. United States. W.W. Norton & Company Publ.
- Livshits, I.M. (2012) *Legal regulation of securities market in the European Union*. Moscow: Statut Publ. (in Russian).
Лившиц И.М. *Правовое регулирование рынка ценных бумаг в Европейском Союзе*. М.: Статут, 2012. 218 с.
- Kazantsev, N.M. (2009) *Pravo i finansoviy control* [Law and financial control]. Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation. Moscow: Eksmo Publ. (in Russian).
Право и финансовый контроль / Н.М. Казанцев и др.; Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации. М.: Эксмо, 2009. 349 с.
- Pristupko, A.O. (2006) *Stock market in the system of financial and legal relations*. Banking law. (2), 41–43. (in Russian).
Приступко А.О. *Фондовый рынок в системе финансово-правовых отношений // Банковское право*. 2006. № 2. С. 41–43.
- Kazantsev, N.M. (2009) *Pravo i finansoviy control* [Pravo and Financial Control]. Moscow: EKSMO Publ. (in Russian).
Право и финансовый контроль / Н.М. Казанцев. М.: ЭКСМО. 2009. 349 с.
- Proshunin, M.M. (2016) *Publichnoe fondovoe pravo kak institut finansovogo prava* [Public stock law as the institute of financial law]. Public Law Mechanisms in Ensuring Social Development: Materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference dedicated to the memory of Professor Nina Antonovna Kufakova. Moscow, 1 april 2016. Moscow: RUDN Publ. 151–159. (in Russian).
Публичное фондовое право, как институт финансового права // Публично-правовые механизмы в обеспечении общественного развития: материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной памяти профессора Нины Антоновны Куфаковой. Москва, 1 апреля 2016 г. М.: РУДН. С. 151–159.
- Rozhdestvenskaya, T.E., Guznov, A.G. (2014) *Public banking law*. Banking law. (6), 6–17. (in Russian).
Рождественская Т.Э., Гузнов А.Г. *Публичное банковское право // Банковское право*. 2014. № 6. С. 6–17.
- Solnik, Bruno H. (1996) *International Investments*. Bruno Solnik. 3rd editional. Addison-Westley Publishing Company Publ.
- Sorkin, A.S. (2009) *Too Big to Fail: The Inside Story of How Wall Street and Washington Fought to Save the Financial System from Crisis — and Lost*. USA, New York: Penguin Group Publ.
- Tosunyan, G.A., Vikulin, A.Yu. (2003) *To the new financial law*. Financial law. (6), 15–19. (in Russian).
Тосунян Г.А., Викулин А.Ю. *К новому финансовому праву // Финансовое право*. 2003. № 6. С. 15–19.

- Tropkaya, S.S. (2013) On the subject-matter of contemporary financial law. *Financial Law*. (12), 7–12. (in Russian).
Тропская С.С. К вопросу о предмете современного финансового права // *Финансовое право*. 2013. № 12. С. 7–12.
- Zapolskiy, S.V. (2008) *Diskussionnye voprosy finansovogo prava* [Controversial issues of financial law theory] Monograph. Moscow: RAP. EKSMO Publ. (in Russian).
Запольский С.В. Дискуссионные вопросы теории финансового права: монография. М.: РАП. ЭКСМО. 2008. 160 с.
- Zapolskiy, S.V. (2010) *Theory of Financial law: Scientific Essays*. Moscow: RAP Publ. (in Russian).
Запольский С.В. Теория финансового права: Научные очерки. М.: РАП. 2010. 373 с.

About author:

Maxim M. Proshunin — Professor of the Faculty of Law of the Financial Department of the Russian State University of Justice

ORCID ID: 0000-0003-1199-1156

e-mail: mproshunin@mail.ru

For citation:

Proshunin, M.M. (2019) Public securities and derivatives law as branch of the financial law. *RUDN Journal of Law*. 23(4), pp. 533–545. DOI: 10.22363/2313-2337-2019-23-4-533-545.

Article received September 02, 2019

Article accepted October 15, 2019

Научная статья

ПУБЛИЧНОЕ ФОНДОВОЕ И ДЕРИВАТИВНОЕ ПРАВО КАК ИНСТИТУТ ФИНАНСОВОГО ПРАВА

М.М. Прошунин

Российский государственный университет правосудия
117418, Москва, Россия, ул. Новочеремушкинская, д. 69а

Настоящая статья посвящена вопросам финансово-правового регулирования рынка ценных бумаг и деривативов. В статье рассматривается финансово-правовая природа отношений, возникающих на рынке ценных бумаг и производных финансовых инструментов на основе обзора методов и приемов регулирования рынка ценных бумаг и деривативов.

Автор рассматривает общественный интерес к регулированию рынков ценных бумаг и деривативов, а также различия между первичным и вторичным рынком ценных бумаг. Статья содержит обзор регуляторных, компенсационных и перераспределительных функций рынков ценных бумаг и деривативов.

Автор констатирует, что контроль на рынке ценных бумаг и деривативов должен рассматриваться как самостоятельный вид государственного финансового контроля в Российской Федерации, а публичное фондовое и деривативное право должны рассматриваться как институт финансового права.

Отдельно рассматриваются и анализируются правоотношения, возникающие при выпуске и обращении государственных ценных бумаг и заключении сделок с производными финансовыми инструментами. Обосновано, что основанием для признания рынка ценных бумаг и деривативов категориями финансового права являются аналогичные основания, доказывающие существование публичного банковского права, а именно: фондовый рынок и деривативы как составные части любой системы финансового рынка, наличие публичного интереса в регулировании отношений на рынке ценных бумаг и деривативов, наличие обязательного субъекта правоотношений, имеющего государственный орган (Банк России), наличие субординации между Банком России и профессиональными участниками рынка ценных бумаг, где Банк России выступает в качестве регулятора и контролирующего органа, а также широкий спектр публично-правовых методов регулирования рынка ценных бумаг и деривативов.

Ключевые слова: ценные бумаги, рынки ценных бумаг, финансовое право, Банк России, публичное размещение акций, финансовые рынки, дериватив

Об авторе:

Прошунин Максим Михайлович — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры финансового права, Российский государственный университет правосудия

ORCID ID: 0000-0003-1199-1156

e-mail: mproshunin@mail.ru

Для цитирования:

Прошунин М.М. Публичное фондовое и деривативное право как институт финансового права // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. 2019. Т. 23 № 4. С. 533–545. DOI: 10.22363/2313-2337-2019-23-4-533-545.

Дата поступления в редакцию: 02 сентября 2019 г.

Дата принятия к печати: 15 октября 2019 г.

ПРАВО И ГЕНОМНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

LAW AND GENOMIC RESEARCH

DOI: 10.22363/2313-2337-2019-23-4-546-564

Research Article

GENOMIC RESEARCH LEGAL REGULATION SYSTEM: EXPERIENCE OF RUSSIA AND THE USA

Emil V. Alimov¹

The Institute of Legislation and Comparative Law
under the Government of the Russian Federation
34, B. Cheremushkinskaya str., 117218, Moscow, Russia

This article is devoted to the analysis of the genomic research legal regulation in the Russian Federation and the USA. In the United States, in addition to the legislation great importance is attached to medical and scientific institutions self-regulation, and such information is usually open. It is concluded that in Russia, despite the presence of both state and non-state scientific institutions engaged in genomic research, the mechanism of self-regulation as a whole is fragmented. It is also noted that Russia and the United States have specific legal regulation of these relations, which is reflected in the text of the article. For example, in the United States, unlike Russia, most organizations conducting genomic research, including genomic testing, are non-governmental.

Currently, the general trend in the legal regulation of genomic research in Russia and the USA is the active development of normative legal regulation. Moreover, a significant difference in the approaches of these countries is the active role of the US states in the development of regional legal regulation on these issues. Despite the fact that Russia is a federal state, the subjects of the Russian Federation are significantly limited in the genomic research legal regulation possibilities. This is largely due to both legal and political reasons that were given in this article. In the United States, a number of statutes have been adopted at the state level that regulate genomic research in such aspects as health insurance, confidentiality of personal information, the prohibition of discrimination, screening of newborns, and certain types of clinical and scientific research.

It should be noted that the genomic research regulation in the United States is not integrated into a single national consolidated act, which is a feature of this legal system.

¹ © Alimov E.V., 2019.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0>

A comparative legal study of the fundamentals of legal regulation and self-regulation of genomic research in Russia and the USA made it possible to understand the specifics of regulation of these issues in different legal systems. The positive regulatory experience in conducting genomic research in the United States can be used to improve the regulatory framework of the Russian Federation in this area.

Key words: legal regulation, self-regulation, genetics, human genome, genomic research, human rights, Russia, USA

Funding information. This work was supported by the RFBR grant № 18-29-14100: «Status and perspectives of the legal and self-regulation of genomic research: national, foreign and international law».

INTRODUCTION

Genomic research is a relatively new area of science that emerged at the turn of the 1980s and 1990s and gained the rapid development of late because of the medical, biotechnological and informational improvement. As an interdisciplinary science genomics is aimed not so much at studying the development, structure, organization and behavior of individual genes as at studying the interaction of a set of genes in a given environment. Thus, genomic research is at the intersection of medicine, general biology, bioengineering, computer science and a number of other disciplines. The study of the genome of living organisms opens up great prospects for humanity, both in terms of treating and preventing previously incurable diseases, and in the field of gene family planning and bioengineering (Vasiliev, 2014:158). At the same time, genomic researching directly affects basic human rights (human dignity, privacy, health protection, etc.), therefore it requires strict observance and adoption of relevant documents. Being a comprehensive scientific industry, genomics studies the full spectrum of interactions between body genes: from the action of one gene on other genes and the genome as a whole, to the suppression of genes and the possibility of gene modification of a living organism. Genomics has a close relationship with ethics and jurisprudence, which is reflected both in the texts of regulatory legal acts and in codes of conduct for specialists and scientists conducting genomic research.

Modern genomic research carried out in most developed countries opens up previously inaccessible opportunities for modern society in the field of preventing and treating diseases, developing the latest methods of clinical diagnosis, combating epidemics, family planning, bioengineering and many other areas (Collins, Jegalian, 1999; Venter, Adams, Myers, Li, Mural, Sutton, Smith, Jandell, Rvans, Holt, 2001, etc.). So, for example, in the special scientific literature on the problems of genomic research, it is noted that a comparative analysis of the complete genomes of living beings is of great importance for understanding the heredity and variability of organisms, which allows us to draw conclusions that have general biological significance - about the mechanisms and rates of evolution, variability of genomes, etc. (Baltimore, 2001; Wolfsberg, McIntyre, Schuler, 2001; Snel, Bork, Huynen, 2000, etc.).

At the same time, the incessant development of social relations leads to the need for legislation improvement regulation. This statement is also true with respect

to the genomic researches, since this relatively new area of public relations combines both public and private interests. In this regard, normative legal regulation should take into account such principles as the balance of public and private interests, protection of human rights and freedoms, legally protected secrets, ensuring the national interests, etc. Thus, within the framework of various levels of legal regulation (state — federal and (or) regional, self-regulation — one or many relevant medical organizations or special associations that include these organizations), it is possible to consolidate special legal mechanisms to regulate the procedure for conducting genomic research ensuring its future development in accordance with the dynamics of social relations. However, when preparing such legislative changes, it is necessary to take into account possible economic, social, political and other consequences, since a high level of legal regulation implies a wide coverage of public relations affected as a result of such reforms.

The current situation in Russia in the field of genomic research, including normative legal regulation of this activity, demonstrates a number of trends, among which, first of all, it should be noted that Russia lags noticeably behind advanced foreign countries. So, in the Decree of the Government of the Russian Federation dated April 22, 2019 No. 479 “On approval of the Federal scientific and technical program for the genetic technologies development for 2019–2027”, in section I “Status of the genetic technologies development in the Russian Federation” it is officially stated that “the share of Russia in the total global market for the circulation of genetic technologies is critically small. Russian research and development in the field of genetic technologies does not yet allow to achieve large volumes of marketable results, as a result of which the products necessary for various industries are imported. Thus, the share of Russian imports of a number of amino acids (tryptophan, threonine, valine) used in the production of feed for farm animals reaches 100 percent, enzymes — more than 70 percent”. At the same time, it is necessary to note the desire of the Russian authorities to give greater normative certainty to various aspects of genomic research and, in general, to stimulate the development of genetics and genomics in the country.

However, at the moment there is no legal certainty in matters of legislative regulation of the nature, methods and standards of conducting genetic and genomic research in the country, the prevention and elimination of genetic discrimination, as well as maintaining the optimal balance between secret personal information and the possibilities of «open science». It can be concluded that Russia is moving towards the establishment of a comprehensive model of genomic research legal regulation.

LEGISLATIVE REGULATION AND FEDERAL STRATEGIC DOCUMENTS ON GENOMIC RESEARCH IN THE RUSSIAN FEDERATION

We can agree with the position that the main modern threats to the circulation of genomic information facing Russia include cost, unauthorized access, errors, mass screenings, irresponsible collection and irresponsible storage of genomic information

(Dubov, Dyakov, 2019:136). Given that determining the position of one gene in the human genome is able to accurately identify one single person out of 10 billion other people, the implementation of genomic research poses certain tasks in the field of protecting personal data, privacy, medical, family and other secrets protected by law (Lin, Owen, Altman, 2004:183).

Speaking about the Russian experience in the legal regulation of the genomic research organization and conduct, it should be noted that in general this area has received fragmentary legal regulation. It comes down mainly to issues of state genomic registration (Federal Law of December 3, 2008 No. 242-FZ “On State Genomic Registration in the Russian Federation”), genetic engineering (Federal Law of July 5, 1996 No. 86-FZ “On state regulation in the field of genetic engineering activity”), genomic (genetic and molecular) examination (Article 79 of the Civil Procedure Code of the Russian Federation, paragraph 20 of the Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of May 16, 2017 No. 16 “On the application to the courts and legislation in cases involving the determination of the origin of children”).

Moreover, Federal Law of December 3, 2008 No. 242-ФЗ “On State Genomic Registration in the Russian Federation” defines the concept of “genomic information” as a type of personal data that includes encoded information about certain fragments of deoxyribonucleic acid of an individual or an unidentified corpse that do not characterize their physiological qualities. However, this concept is used only in the framework of the state genomic registration, and does not apply to other areas of the genomic information use, which is confirmed by the lack of relevant provisions in the legislation on personal data and law enforcement practice. In this regard, legal science expresses ideas about the need to amend this Federal Law in order to expand the scope of its action, in this case “it will have not only criminological, but also other goals, which, in turn, will force to establish a special regime of the genetic data use” (Romanovskaya, Romanovsky, 2013:44–45).

In Russian legal acts, as well as in judicial practice, human rights in genomic research are not defined, there are no necessary legal guarantees in this area, and the human genome is not currently considered an integral component of the right to protect health and medical care. In addition, in the Russian Federation the human genome is not the subject to civil rights; there are no special rules on criminal liability for criminal acts in the field of genomic research.

It should be noted the Federal Law of June 23, 2016 No. 180-FZ “On Biomedical Cellular Products”, which is aimed at the development, preclinical research, clinical research, examination, state registration, production, quality control, storing, transporting, importing into the Russian Federation, exporting from the Russian Federation, destroying biomedical cellular products intended for prevention, diagnosis and treatment of diseases or conditions of the patient, pregnancy maintenance, and medical rehabilitation of the patient, as well as the relations arising in connection with the donation of biological material for the production of biomedical cell products.

At the same time, the enormous potential of genomic research makes it necessary to adopt an appropriate regulatory framework and government programs. In this regard, we should note the Decree of the President of the Russian Federation dated December 1, 2016 No. 642 “On the Strategy for Scientific and Technological Development of the Russian Federation”, the Decree of the President of the Russian Federation dated June 6, 2019 No. 254 “On the Strategy for the Development of Health Care in the Russian Federation for the period until 2025”, the Decree of the President of the Russian Federation of November 28, 2018 No. 680 “On the Development of Genetic Technologies in the Russian Federation” and the Decree of the Government of the Russian Federation of April 22, 2019 No. 479 “On Approval of the Federal Scientific and Technical genetic technology development programs for 2019–2027”.

The Strategy for Scientific and Technological Development of the Russian Federation provided for several areas of development for 2019–2027 based on the genetic technologies development, such as: biosafety and ensuring technological independence; genetic technologies for agricultural development; genetic technologies for medicine; genetic technologies for industrial microbiology. The section of the Strategy on the state of genetic technologies development in the Russian Federation provides information on the significant lag in the domestic sphere of genetic technologies from advanced foreign countries in both scientific, regulatory, and applied aspects. It is also noted that in order to solve the problems of the genetic technologies development, it is necessary to create conditions for the formation of competitive scientific and (or) scientific and technical results, including an increase in the domestic laboratories number and research centers implementing engineering approaches, to prepare highly qualified research teams, to develop and create equipment and information resources to ensure their effective operation.

Despite the general strategic nature, the Program for the Development of Genetic Technologies for 2019–2027 contains a number of controversial statements. For example, it is indicated that the development of genetic technologies, including genomic editing technologies, and their practical application are priorities in leading countries of the world. However, Convention for the Protection of Human Rights and Dignity of the Human Being with regard to the Application of Biology and Medicine: Convention on Human Rights and Biomedicine (concluded in Oviedo on April 4, 1997), which is currently not ratified by the Russian Federation and several other states, provides for certain legal guarantees for patients.

The fundamental principle of the 1997 Convention on Human Rights and Biomedicine is that intervention seeking to modify the human genome may only be undertaken for preventive, diagnostic or therapeutic purposes and only of its aim is not to introduce any modification in the genome of any descendants (Article 13). Thus, in the field of genetic research, a prohibition was established on intervention in the lives of future generations who did not give their consent (Montgomery, 2018:44–47).

In addition, in the mentioned Federal Program for the Development of Genetic Technologies for 2019–2027, on the one hand, it is rightly concluded that genomic

editing is a breakthrough tool that is already finding practical use in agriculture, industrial biotechnology, and medicine. On the other hand, Federal Law of July 3, 2016 No. 358-Φ3 “On Amending Certain Legislative Acts of the Russian Federation Regarding Improving State Regulation in the Field of Genetic Engineering” prohibited to import into the territory of the Russian Federation and to grow plants and animals whose genetic program has been modified using genetic engineering methods, except when this is done in the course of examinations or scientific research, and developers of the genetically modified products are required to undergo the relevant registration procedures. In the circumstances, the federal legislator needs to give a legal assessment of the current situation, taking into account the latest achievements of science, in particular genetic engineering, and the positions of scientists and specialists in the field of genetics, biology and jurisprudence.

At the level of the subjects of the Russian Federation (in contrast to the United States) there is no significant practice of normative legal regulation of genomic research. Russia is a federal state, where the subjects of the Russian Federation have a certain freedom within the established framework for the normative regulation of many issues of public life in accordance with Articles 71–73 of the Constitution of the Russian Federation. Despite the fact that there is no direct prohibition on the implementation of such regulation by the subjects of the Russian Federation, they apparently do not see any reason for the outrunning normative legal regulation on this issue. This is due to both the complexity and multidimensional nature of these public relations, which require an integrated approach and large time and labor resources, and the lack of any certainty from the federal center, which the regional authorities traditionally highly dependent on. Besides from a legal point of view, the subjects of the Russian Federation are limited by the Russian federal model which does not provide for a clearly fixed list of exclusive powers of the subjects of the Russian Federation. Articles 71 and 72 of the Constitution of the Russian Federation contains the exclusive powers of the Russian Federation and the joint powers of the Russian Federation and the subjects of the Russian Federation. In the second case, at the moment, the federal center has settled all the significant issues of joint jurisdiction; therefore, the subjects of the Russian Federation in the current realities can take extremely limited options for decisions, including in the field of legislative regulation. Although formally article 73 of the Constitution of Russia establishes the possibility of free regulation by the subjects of the Russian Federation of public relations not related to the jurisdiction of the Russian Federation or to the joint conduct of the Russian Federation and the subjects of the Russian Federation, but in fact there are practically no such issues or they are insignificant.

There is also the problem of genomic research self-regulation in Russia, or rather the practical absence of this mechanism in domestic practice. So, despite the fact that in the Russian Federation there is a number of well-known federal state budgetary scientific institutions that have been working for a long time (Federal State Budgetary Scientific Institution “Research Centre for Medical Genetics” (RCMG), The

Vavilov Institute of General Genetics (VIGG) of the Russian Academy of Sciences, The Federal Research Center Institute of Cytology and Genetics of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, etc.), an extremely small amount of information can be found in the public domain in the field of development and adoption of documents on the ethical issues regulation, on the strategic regulation, etc. (except for joint research and participation in scientific events). These scientific institutions, in the framework of their activities, are obliged to fulfill the state task, receive appropriate funding from the budget of the Russian Federation, and must also perform work that may be associated with state secrets. Thus, the activities of these scientific institutions are closely related and largely aimed at implementing state policy in the field of biomedical research, including genetic research.

Moreover, each such state institution has its own specifics, which requires a separate legal study. For example, a number of documents were approved and made publicly available at the Federal State Budgetary Scientific Institution “Research Centre for Medical Genetics” (RCMG), unlike other state scientific institutions of a similar profile, with regard to the functioning of the ethics committee, work with confidential information, and also the procedure for considering citizens' appeals. Thus, by Order No. 2/16 of January 11, 2016, the Federal State Budgetary Scientific Institution “Research Centre for Medical Genetics” (RCMG) adopted the standard operating procedures of the local ethics committee in accordance with the requirements of the legislation to ensure independent examination, consultation and decision-making on biomedical research ethics involving people and/or animals. In addition, on August 28, 2017, only the Research Centre for Medical Genetics (RCMG) approved the Regulation on Confidential Information in Clinical Trials of Medicines, which generally regulates the procedure for working with various types of confidential information (official information, trade secret, medical secret, state secret) to ensure the economic and legal security of this institution during the clinical trials of medicines.

A development program (for 2016–2020) has been adopted and made publicly available on the official website on the Internet at the Federal Research Center Institute of Cytology and Genetics of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, despite the fact that the opportunity to develop and approve such programs is provided for by all considered institutions (most likely, these documents have the limited use status, as they can be associated with official information and state secrets).

In Russia, a number of non-state companies carry out activities in the field of genetic research, primarily genomic testing. Companies on their official sites on the Internet indicate that genetic tests will allow you to: decrypt the human genome, learn about ancestors, get tips on playing sports, weight loss and nutritional advice, and warn about addictions to diseases. However, analysis of open information sources does not allow finding any self-regulatory documents of non-governmental institutions, unlike state ones. We believe that this is due both to the weak level of development of these public relations in the country, and to the lack of appropriate legislative regulation.

Based on the information above we can conclude that the legislation of the Russian Federation in the field of genomic research is at the initial stage, which is not surprising given the relative youth of this field of science. For the development of genetics, the noted federal strategic documents are adopted, which, most likely, will form the basis for further legislative regulation of genomic research in the Russian Federation. The legal regulation of genomic research and genetics in general in Russia, according to the aforementioned and a number of other state documents², should receive an active impetus for development in the coming years (Mokhov, 2019; Vasilev, Osavelyuk, Burtsev, Suvorov, Sarmanaev, Shirokov, 2019, etc.). However, the unstable foreign policy situation is a risk and a big challenge for Russia, in particular, associated with some restrictions on the import of certain foreign products into Russia. This may negatively affect the noted plans for intensive progress in the field under consideration and, with a high degree of probability, will interfere with improvement of new research methods and practices for conducting genomic research in Russia.

LEGISLATIVE REGULATION ON GENOMIC RESEARCH IN THE UNITED STATES OF AMERICA

The US legislation and by-law regulations in the field of genomic research are also not complete enough, but they have certain characteristic features (Branum, Wolf, 2015:579–588). As the researchers note genomic research is becoming more international, cross-border cooperation and data exchange are developing, and although different legal systems, precedents and cultural values exist in different countries, international harmonization of genomics policies is instrumental in cooperation and development of research in this area (Branum, Wolf, 2015:579–588; Lévesque, Joly, Simard, 2011:583–589).

Attention should also be paid to such a debatable issue as the provision of the genetic or genomic results results to third parties, in particular to relatives (Zawati, Knoppers, 2012; Lévesque, Joly, Simard, 2011; Zawati, Van Ness, Knoppers, 2012; Knoppers, Dam, 2011, etc.). In the United States, the implementation of genomic research has a close relationship with the information legal regime: on the one hand, the genomic research requires the transfer of research data for the science development, and on the other hand, the transfer of research data should not jeopardize personal, family and other types of secrets. Current U.S. law to protect information from disclosure does not prohibit the transfer of data from genomic research to third parties or other countries. According to US laws and regulations, the results of genetic or ge-

² Resolution of the Government of the Russian Federation of February 28, 2018 No. 337-r «On Approval of the Action Plan (“Roadmap”) “Development of Biotechnologies and Genetic Engineering” for 2018–2020»; Order of the Government of the Russian Federation of April 30, 2019 No. 538 “On the Measures of State Support for the Creation and Development of World-Class Research Centers”; “Forecast of the Scientific and Technological Development of the Russian Federation for the Period Until 2030” (Adopted by the Government of the Russian Federation), etc.

nostic studies can be shared with relatives in several ways (Branum, Wolf, 2015:579–589). The easiest way for relatives to access such research results is to receive it from the patient with his consent. Relatives can also get the results of these studies directly from the researchers, if the participant has previously agreed to this type of exchange. In addition to these two situations, a number of states have confidentiality laws regarding genetic testing that may be relevant to sharing genomic research results with relatives. For example, in South Carolina, there is a law on the exchange of human genetic information in families after his death, not paying attention to research results. At the federal level, the exchange of genetic research results is regulated by the Confidentiality Act and regulations issued by the Federal Civil Rights Office in accordance with the confidentiality clause set out in the Health Insurance Mobility and Accountability Act (HIPAA) (Branum, Wolf, 2015:583–585).

The United States National Institutes of Health (NIH) adopts regulations designed to ensure the transfer of anonymous information for research purposes based on the principle of medical information secrecy³. In addition, NIH has several databases that can be supplemented with de-identified genomic research results, and US research institutions can also access these databases.

It should be noted that there is a large-scale project supervised by the NIH, the meaning of which is to create a national genomic database. Starting in 2018, U.S. citizens will be invited to volunteer to contribute to the huge new array of genomic information collected by the government, a project that is positioned as a promising event within the new frontier of gene medicine⁴. This program, first launched in test mode under US President Barack Obama, aims to essentially assemble the world's largest genetic library, designed for wide access by scientists and researchers⁵. This collection of DNA information from US citizens is essential in order to help scientists and researchers to study the genetic basis for all types of health conditions, as well as for those working on the development of targeted treatment methods adapted to the individual's genetic structure⁶.

³ Summary of the HIPAA Privacy Rule. The Washington Post. 2019. Available from: <https://www.hhs.gov/hipaa/for-professionals/privacy/laws-regulations/index.html>. (Accessed 03 September 2019).

⁴ The Health 202: NIH wants 1 million Americans to contribute to new pool of gene data. Available from: <https://www.washingtonpost.com/news/powerpost/paloma/the-health-202/2018/01/16/the-health-202-nih-wants-1-million-americans-to-contribute-to-new-pool-of-gene-data/5a5ba45a30fb0469e8840135/?noredirect=on>. (Accessed 03 September 2019).

⁵ The Health 202: NIH wants 1 million Americans to contribute to new pool of gene data. Available from: <https://www.washingtonpost.com/news/powerpost/paloma/the-health-202/2018/01/16/the-health-202-nih-wants-1-million-americans-to-contribute-to-new-pool-of-gene-data/5a5ba45a30fb0469e8840135/?noredirect=on>. (Accessed 03 September 2019).

⁶ The Health 202: NIH wants 1 million Americans to contribute to new pool of gene data. Available from: <https://www.washingtonpost.com/news/powerpost/paloma/the-health-202/2018/01/16/the-health-202-nih-wants-1-million-americans-to-contribute-to-new-pool-of-gene-data/5a5ba45a30fb0469e8840135/?noredirect=on>. (Accessed 03 September 2019).

NIH's responsibilities also include control of access to sensitive information, and information that can identify a specific person by genome. Until 2014, U.S. law permitted the collection of blood samples from newborns during screening without the consent of their parents, which led to numerous complaints and lawsuits from citizens, and ultimately led to the need to destroy about 5 million samples taken in Texas. The US Congress, passing the Law on the Redistribution of Authority in the Field of Newborn Screening in 2014, put an end to the issue of taking samples from newborns for the purpose of genomic research and decided that such actions can be considered legal only with the consent of the parents⁷.

In 2008, the United States passed the Law prohibiting discrimination based on genetic information (Genetic Information Nondiscrimination Act (GINA))⁸. This Act aims to protect US citizens from discrimination based on genetic information in the areas of health insurance and employment (Tavani, 2004; Otlowski, Taylor, Bombard, 2012; Baruch, Hudson, 2008, etc.). The first part of the Law (medical insurance) prohibits medical insurance companies from using the results of genetic and genomic research to decide on eligibility, insurance coverage, and the purpose of making insurance payments to the insured citizen. In addition, medical insurance companies are not entitled under the Law to require the client to undergo genetic testing or provide genetic information (which includes, among other things, the medical history of the client and information about the presence of genetic diseases in his relatives). The second part of the Law prohibits employers from using the results of genetic and genomic research in making decisions such as employment, dismissal, promotion, setting salaries. In addition, the Law prohibits employers from requiring an employee (applicant) to undergo a genetic test or to submit the results of genetic or genomic studies.

GINA also includes a number of provisions on the genetic and genomic clinical trials. These provisions mainly concern the issues of informed voluntary consent of the patient to participate in research and to process information obtained from their results. So, in particular, GINA stipulates the obligation of organizations conducting genomic and genetic research to inform patients about the risks associated with the collection and further processing of the obtained data, and also to inform them how their confidentiality will be ensured. In order to develop the regulatory requirements of GINA, the Office for the Protection of Human Research has developed guidelines for the implementation of GINA in the clinical trial process⁹.

⁷ H.R.1281 — Newborn Screening Saves Lives Reauthorization Act of 2014, available at: <https://www.congress.gov/bill/113th-congress/house-bill/1281/text>. (Accessed 03 September 2019).

⁸ H.R.493 — Genetic Information Nondiscrimination Act of 2008, available at: <https://www.congress.gov/bill/110th-congress/house-bill/493/text>. (Accessed 03 September 2019).

⁹ Genetic Information Nondiscrimination Act Guidance (2009), available at: <https://www.hhs.gov/ohrp/regulations-and-policy/guidance/guidance-on-genetic-information-nondiscrimination-act/index.html>. (Accessed 03 September 2019).

In the scientific literature, it is noted that although GINA is a generally progressive legislative act, however, this Law has encountered a number of problems in terms of its practical use (Lefebvre, 2015:31). In particular, it is pointed out that, despite all the efforts of lawmakers to provide patients with greater protection, these mechanisms will be effective only when they become widely known. To empower patients, they should be provided with educational resources so that they can better understand the risks associated with confidentiality associated with the disclosure of their genetic information, both for themselves and their relatives.

Also there is a number of other US laws related to the genomic information regulation like the Health Insurance Portability and Accountability Act of 1996 (HIPAA)). According to the amendments to this Law of 2013 genetic information is considered medical information, therefore, insurers cannot use it to make any decisions regarding health insurance benefits, eligibility for benefits or calculation of insurance premiums under the health insurance plan.

The Patient Protection and Affordable Care Act (ACA) of 2010 introduced the obligation for US citizens to get medical insurance if they don't have it yet. The Act also prohibited health insurance issuers from discriminating against patients with genetic diseases, denying them coverage due to pre-existing conditions. In addition, the ACA provides additional protection for patients with genetic diseases by stating that certain insurers may vary premiums only depending on a few established factors, such as age or geographic area, thereby prohibiting any adjustment to premiums due to any medical conditions.

The Americans with Disabilities Act of 1990 (ADA) prohibits discrimination in employment, public services, housing, and communications based on disability. In 1995, the Equal Employment Opportunity Commission (EEOC) published an interpretation that ADA prohibits discrimination based on genetic information about a disease, illness, or other disorder. However, these opinions of the EEOC are not legally binding, and the question of whether the ADA protects against genetic discrimination in the workplace has not yet been considered in court. In doing so, ADA was used by the employer to challenge the practice of genetic testing. So, in 2001, the EEOC filed a lawsuit against the Burlington North Santa Fe Railway (BNSF) for covertly testing its employees for a rare genetic condition (HNPP) that causes carpal tunnel syndrome as one of its many symptoms¹⁰. The BNSF argued that testing was a way of determining whether there was a high rate of injury from recurring work-related stress among its employees¹¹. In addition to testing for HNPP, company-paid

¹⁰ Genetic Discrimination, available at: <https://www.genome.gov/about-genomics/policy-issues/Genetic-Discrimination>. (Accessed 03 September 2019).

¹¹ EEOC and BNSF Settle Genetic Testing Case Under Americans with Disabilities Act, available at: <https://www.eeoc.gov/eeoc/newsroom/release/5-8-02.cfm>. (Accessed 03 September 2019).

doctors were also instructed to check some other diseases, such as diabetes and alcoholism. EEOC and BNSF announce dispute resolution through mediation in 2002¹².

There also are many laws of several US states in the field of citizen protection from genetic discrimination, which differ significantly in the applicability and scope of protection provided¹³. GINA sets a minimum level of protection against genetic discrimination and does not limit US state laws to stricter protection measures. The first laws at the state level of the USA concerned, first of all, the specific genetic conditions for the implementation of certain activities. For example, North Carolina was the first state to prohibit sickle cell anemia discrimination. In 1991, Wisconsin was the first state to prevent discrimination in the implementation of genetic tests. Currently, 48 states and the District of Columbia have passed laws prohibiting genetic discrimination among health insurance providers. However, Mississippi and Washington have not passed laws prohibiting genetic discrimination in the field of health insurance. 35 US states and the District of Columbia prevent genetic discrimination in employment. Some US states have laws that go beyond the GINA framework and prohibit genetic discrimination for other types of insurance, including life insurance, disability insurance, and long-term care insurance¹⁴. In 2011, California adopted the California Non-Discrimination Act on Genetic Information (CalGINA), which further expanded the protection of citizen rights to prohibit genetic discrimination in emergency care, housing, mortgage lending, education and in other government-funded programs. There are currently laws in 17 states that restrict the use of genetic information when determining coverage for life insurance, in 17 states for disability insurance, and in eight states for long-term care insurance¹⁵.

Despite a certain fragmentation of the US regulatory framework in the field of genomic research, individual US government bodies and organizations strive to develop their own acts of both federal and regional significance, which would make it possible to bring greater clarity to the regulation of genomic research. At the federal level, the role of bodies such as the Food and Drug Administration (FDA) and the Center for Medicare and Medicaid Services (CMS) should be noted. Some time ago, the US Federal Trade Commission was empowered to prosecute companies involved in genetic and genomic research for posting advertising information that does not match the actual characteristics of the services; however, today the role of the Commission in regulating genomic research is minimized.

¹² EEOC and BNSF Settle Genetic Testing Case Under Americans with Disabilities Act, available at: <https://www.eeoc.gov/eeoc/newsroom/release/5-8-02.cfm>. (Accessed 03 September 2019).

¹³ Genetic Discrimination, available at: <https://www.genome.gov/about-genomics/policy-issues/Genetic-Discrimination>. (Accessed 03 September 2019).

¹⁴ Genetic Discrimination, available at: <https://www.genome.gov/about-genomics/policy-issues/Genetic-Discrimination>. (Accessed 03 September 2019).

¹⁵ Genetic Discrimination, available at: <https://www.genome.gov/about-genomics/policy-issues/Genetic-Discrimination>. (Accessed 03 September 2019).

The regulatory acts developed by the Food and Drug Administration and the Center for Medicare and Medicaid Services are based on three main criteria for genetic and genomic research: analytical validity, clinical validity, and clinical utility¹⁶. Analytical validity allows us to give the most accurate answer to questions such as: how well the test predicts the presence or absence of a particular gene or genetic change. Can the test consistently and accurately detect whether a specific genetic variant is present or absent? Clinical validity refers to how well the genetic variant(s) being analyzed is related to the presence, absence, or risk of a specific disease. Has having a specific genetic variant been conclusively shown to increase the risk or likelihood of having a disease or eventually developing a disease? Clinical utility refers to whether the test can provide information about diagnosis, treatment, management, or prevention of a disease that will be helpful to patients and their providers. Will use of the test lead to improved health outcomes?

The Center for Medicare and Medicaid Services, within the framework of its authority, adopts regulatory acts aimed at monitoring the analytical validity of genetic and genomic studies, but there are no regulations at the federal level that would regulate the mechanism for monitoring the clinical validity of research. The control mechanism itself is actually also absent. In this regard, the Food and Drug Administration is currently developing a new policy aimed at regulating the analytical validity of genetic and genomic research, as well as expanding overall supervision of the clinical relevance of research. So far the Office has not adopted a single official action plan in the framework of the issue under consideration, however, it collects information on successful research in the field of genetics and genomics, which should subsequently play an important role in the development of common standards for genetic and genomic research on national level.

The Center for Medicare and Medicaid Services indirectly regulates the activities of clinical laboratories through the CLIA program — Clinical Laboratory Improvement Amendments, which established the requirements for certification of laboratories conducting genetic and genomic research. The CLIA program appeals to the analytical validity of genetic and genomic studies, but does not in any way regulate the clinical validity of studies. In this regard, the Food and Drug Administration controls enforcement discretion for organizations conducting genetic and genomic research. Enforcement discretion allows the Office if necessary to regulate genetic and genomic research directly and at its own discretion. In the understanding of the Office, genomic and genetic studies are equated with medical technologies, while the Office has the right to determine what methods and mechanisms for carrying out genomic and genetic studies are entitled to appear on the market — thus, all manufacturers of genomic and genetic technologies, reagents, research mechanisms, and the

¹⁶ Regulation of Genetic Tests. National Human Genome Research Institute (NHGRI), available at: <https://www.genome.gov/about-genomics/policy-issues/Regulation-of-Genetic-Tests>. (Accessed 03 September 2019).

corresponding equipment is required to obtain the consent of the management before placing products on the market.

Currently, in the United States there is a tendency towards a gradual rejection of discretionary powers in favor of direct strict regulation for conducting genomic research, which is not surprising - the extremely rapid growth of genomic technologies can create certain threats to public welfare and public health. Being poorly regulated, genomic research can get out of control, which is fraught with multiple problems both in the field of law and in human biology. Aware of the potential dangers of unresolved genomic research, the Food and Drug Administration has developed a series of documents to modernize public policy on genomic research. These include the 2014 Laboratory Test Oversight Framework Guide, the 2018 New Generation Test Guide, the Manufacturers, the 2014 Office Staff and Clinical Laboratories Notification Guide for Laboratory Tests.

In this regard, we cannot fully agree with those who believe that unlike many European states the United States has a clear advantage, because they do not have any national barriers or different regulatory frameworks to overcome it (Sakhipgareeva, 2019:148).

The above and other documents developed by the Food and Drug Administration alone or with the assistance of other government bodies and organizations are not mandatory, but they allow us to trace the intentions of the American public administration to normatively enforce rules that would fully regulate genomic research in the country.

CONCLUSION

Based on the genomic research legal regulation analysis in the Russian Federation and in the USA, the following conclusions can be drawn.

1. In the United States there is no single special legal act that would fully regulate the organization and conduct of genomic research. At the same time, these issues are sufficiently covered by a number of related legal acts (on the protection of personal data, prohibition of genetic discrimination, provision of genetic testing services, etc.). Despite such a certain fragmentation of the US regulation in the field of genomic research, individual government bodies and organizations are striving to develop their own rules that would provide for greater clarity in the genomic research regulation. Accordingly, the self-regulation of genetic and genomic research, that is, the adoption of legal and ethical documents by relevant medical organizations, plays an important role in these processes. This kind of practice has not been significantly developed in Russia at present, due to the low level of legal regulation of genomic research in the country. Thus, the Russian legislator has the opportunity to choose the model of genomic research legal regulation: the adoption of a single consolidated legal document, or amending many legal acts affecting various aspects of the genomic research.

2. The US trend in this area is the adoption of legal documents, standards and rules aimed at additional regulation of the genomic research at various levels of public authority and organizations. This trend indicates certain deficiency in legal regulation at present, as well as understanding of the special importance of this area, which requires constant legal monitoring, regulatory and organizational improvement. In this regard, it is advisable for Russian lawyers and lawmakers to consider the possibility of using some regulatory and ethical approaches to the genomic research legal regulation, including oversight powers to the relevant public authority.

3. The United States provide a range of legal guarantees for citizens in the field of genomic research. This relates to the obligation to preserve genomic information, the prohibition of its unauthorized transfer and use (in this case, there is a certain discretion at the national and state levels), as well as the protection of citizens from genetic discrimination, which primarily occurs in labor relations and the field of human insurance. The standards for conducting genetic and genomic research are designed to overcome the deficiency of legal regulation in this sphere, since genomic research can get out of control, which is dangerous by multiple problems in law, ethics and human biology.

4. In general, in Russia, unlike the United States, self-regulation of genomic information activities is extremely poorly developed. The charters of institutions that operate with genomic information only contains general issues of a legal, financial nature. Usually there are no provisions directly regulating the rights, obligations, legal liability, guarantees of participants in genetic studies. At the same time, they consolidate areas of activity in the field of genetic research, the main responsibilities under the jurisdiction of federal state bodies, as well as ethics committees are created, codes of ethics are adopted.

A different situation can be observed with non-governmental organizations. They usually do not accept ethical codes, documents containing genomic research regulation. This indicates the great freedom of non-governmental institutions in organizing genetic research, denial of publicity in the activities of these companies in terms of self-regulation and the development of ethical standards for genetic research. There are no ethical committees, no mention of following any European or international ethical rules. At the same time, this indicates possible violations of human rights in terms of ensuring the preservation of genetic information, ensuring the consent of a person to medical manipulations with human biomaterials, protection against arbitrary editing of the human genome or its transfer to third parties without the consent of the patient, etc.

5. In Russia, the legal regulation of genomic research currently consists of by-laws, primarily the decrees of the President of the Russian Federation. This is due to the possibility of the decrees of President of the Russian Federation to regulate public relations that have not received the relevant regulation by federal law provided for in article 90 of the Constitution of the Russian Federation (Decree of the Constitutional Court of the Russian Federation of April 30, 1996 No. 11-П). The considered

sphere of public life, affecting human rights issues, protection of personal data, intellectual property, as well as the strategic development of domestic science should be stated in a special federal law. At the same time, it is impossible to ignore the possibilities of regulating certain aspects of genomic research by the subjects of the Russian Federation, which is justified both from the point of view of federalism and the need to take into account the cultural, national, socio-economic and other specifics of each subject of the Russian Federation.

REFERENCES / БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Baruch, S., Hudson, K. (2008) Civilian and Military Genetics: Nondiscrimination Policy in a Post-GINA World. *The American Journal of Human Genetics*, 83 (4), 435–444.
- Branum, R., Wolf, M. S. (2015) International Policies on Sharing Genomic Research Results with Relatives: Approaches to Balancing Privacy with Access. *The Journal of Law, Medicine, Ethics*, 43 (3), 576–593.
- Collins, F. S., Jégalian K. G. (1999) Deciphering the Code of Life. *Scientific American*, 86–91. DOI: 10.1038/scientificamerican1299-86.
- Dubov, A. B., Dyakov, V. G. (2019) Genomic Information Security: Legal Aspects of International and National Regulation. *Courier of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)*. (4), 127–137. DOI: 10.17803/2311-5998.2019.56.4.127-137. (in Russian).
Дубов А.Б., Дьяков В.Г. Безопасность геномной информации: правовые аспекты международного и национального регулирования // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2019. № 4. С. 127–137. DOI: 10.17803/2311-5998.2019.56.4.127-137.
- Baltimore, D. (2001) Our genome unveiled. *Nature*, (409), 814–816.
- Knoppers, B. M., Dam, A. (2011) Return of Results: Towards a Lexicon? *Journal of Law, Medicine, Ethics*, 39 (4), 577–582.
- Lefebvre, K. (2015) Genetic Discrimination Law in the United States: A Socioethical, Legal Analysis of the Genetic Information Nondiscrimination Act (GINA). *University of Massachusetts Amherst, School of Public Policy*.
- Lévesque, E., Joly, Y., Simard, J. (2011) Return of Research Results: General Principles and International Perspectives. *Journal of Law, Medicine, Ethics*, 39 (4), 583–592.
- Lin, Z., Owen, A. B., Altman, R. B. (2004) Genomic Research and Human Subject Privacy. *Science*, 305 (5681). DOI: 10.1126/science.1095019.
- Mokhov, A. A. (2019) Cases on Prevention of Harm in the Future (on the Example of Genomic Researches and Implementation of their Results in Practice). *Herald of Civil Procedure*, (2), 105–120. (in Russian).
Мохов А. А. Дела о предупреждении причинения вреда в будущем (на примере геномных исследований и внедрения их результатов в практику) // Вестник гражданского процесса. 2019. № 2. С. 105–120.
- Montgomery, J. (2018) Modification of the Human Genome: Human Rights Challenges Raised by Scientific and Technical Developments. *European Court of Human Rights Precedents*, (3), 42–56. (in Russian).
Монтгомери Дж. Модификация генома человека: вызовы со стороны сферы прав человека, обусловленные научно-техническими достижениями // Прецеденты Европейского суда по правам человека. 2018. № 3. С. 42–56.
- Otlowski, M., Taylor, S., Bombard, Y. (2012). *Genetic Discrimination: International Perspectives. Annual Review of Genomics and Human Genetics*, (13), 433-454.

- Romanovskaya, O. V., Romanovsky, G. B. (2013) Legal regulation of genomic registration in the Russian Federation. *Russian Justitia*, (8), 43–46. (in Russian).
Романовская О.В., Романовский Г.Б. Правовое регулирование геномной регистрации в Российской Федерации // *Российская юстиция*. 2013. № 8. С. 43–46.
- Sakhipgareeva, A. R. (2019) Genomic Law Regulation in the United States of America. *Courier of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)*. (4), 146–151. (in Russian).
Сахипгареева А.Р. Правовое регулирование геномных исследований в Соединенных Штатах Америки // *Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)*. 2019. № 4. С. 146–151.
- Snel, B., Bork, P., Huynen, M. (2000) Genome evolution: gene fusion versus gene fission. *Trends in Genetics*. (6), 9–11.
- Tavani, H. T. (2004) Genomic Research and Data-Mining Technology: Implications for Personal Privacy and Informed Consent. *Ethics and Information Technology*. 6 (1), 15–28.
- Vasilev, S. A., Osavelyuk, A. M., Burtsev, A. K., Suvorov, G. N., Sarmanaev, S. Kh., Shirokov, A. Yu. (2019) Problems of the Legal Regulation of Diagnostics and Editing of Human Genome in the Russian Federation. *Lex Russica*. (6), 71–79. (in Russian).
Васильев С.А., Осавелюк А.М., Бурцев А.К., Суворов Г.Н., Сарманаев С.Х., Широков А.Ю. Проблемы правового регулирования диагностики и редактирования генома человека в Российской Федерации // *Lex Russica*. 2019. № 6. С. 71–79.
- Vasiliev, G. V. (2014) Genomics. *Vavilovsky Journal of Genetics and Breeding*, 18 (1), 158–165. (in Russian).
Васильев Г.В. Геномика // *Вавиловский журнал генетики и селекции*. 2014. Т. 18. № 1. С. 158–165.
- Venter, I. C., Adams, M. D., Myers, E. W., Li, P. W., Mural, Pr. I., Sutton, G. G., Smith, H. O., Jandell, M., Rvans, C. A., Holt, Pr. A. (2001) The sequence of the human genome. *Science*, No 291, 1304–1351.
- Wolfsberg, T. G., Mcintyre, I., Schuler, G. D. (2001) Guide to the draft human genome. *Nature*, No 409, 824–826.
- Zawati, M. H., Knoppers, B. M. (2012) International Normative Perspectives on the Return of Individual Research Results and Incidental Findings in Genomic Biobanks. *Genetics in Medicine*, 14 (4), 484–489.
- Zawati, M. H., Van Ness, B., Knoppers, B. M. (2012) Incidental Findings in Genomic Research: A Review of International Norms. *GenEdit*, 9 (1), 1–8.

About author:

Emil V. Alimov — Candidate of Legal Sciences, Researcher of Department of Constitutional Law of the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation

ORCID ID: 0000-0002-0743-4210

e-mail: emil.alimov@gmail.com

For citation:

Alimov, E.V. (2019) Genomic research legal regulation system: experience of Russia and the USA. *RUDN Journal of Law*. 23 (4), pp. 546–564. DOI: 10.22363/2313-2337-2019-23-4-546-564.

Article received September 16, 2019

Article accepted October 15, 2019

СИСТЕМА ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ГЕНОМНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ: ОПЫТ РОССИИ И США

Э.В. Алимов

Институт законодательства и сравнительного правоведения
при Правительстве Российской Федерации
117218, Москва, Россия, ул. Большая Черемушкинская, д. 34

В статье представлен анализ правового регулирования проведения геномных исследований в Российской Федерации и США. Отмечается, что в США, помимо соответствующего законодательного регулирования данных отношений, большое значение придается саморегулированию соответствующим медицинским и научным учреждениям, и такая информация, как правило, носит открытый характер. Делается вывод, что в России, несмотря на наличие как государственных, так и негосударственных научных учреждений, осуществляющих геномные исследования, механизм саморегулирования в целом носит фрагментарный характер. Также отмечается, что Россия и США имеют специфику правового регулирования данных отношений, что получило свое отражение в тексте статьи. Так, в США большинство организаций, осуществляющих геномные исследования, в том числе геномные тестирования, являются негосударственными, в отличие от России.

В настоящее время общей тенденцией правового регулирования геномных исследований в России и США является активная разработка нормативного правового регулирования отмеченной области общественных отношений. При этом существенным различием подходов данных стран является активная роль штатов США в разработке регионального правового регулирования по данным вопросам. Несмотря на то, что Россия является федеративным государством, субъекты Российской Федерации в значительной степени ограничены в возможностях осуществления правового регулирования многих аспектов проведения геномных исследований. Это связано во многом как с правовыми, так и с политическими причинами, которые были приведены в данной статье. В США на уровне штатов принят ряд статутов, регулирующих применительно к геномным исследованиям такие вопросы, как медицинское страхование, конфиденциальность персональной информации, запрет дискриминации, осуществление скрининга новорожденных, а также проведение отдельных видов клинических и научных исследований.

Следует отметить, что вопросы регулирования геномных исследований в США не объединены в какой-либо единый национальный консолидированный акт, что является особенностью указанной правовой системы.

Сравнительно-правовое исследование основ правового регулирования и саморегулирования геномных исследований в России и США позволило понять специфику регулирования данных вопросов в отмеченных правовых системах. Положительный опыт нормативного регулирования проведения геномных исследований в США может быть использован в целях совершенствования нормативной правовой базы Российской Федерации в рассматриваемой области.

Ключевые слова: правовое регулирование, саморегулирование, генетика, геном человека, геномные исследования, права человека, Россия, США

Информация о финансировании: Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ № 18-29-14100 на тему: «Состояние и перспективы правового регулирования и саморегулирования геномных исследований: национальный, зарубежный и международный опыт».

Об авторе:

Алимов Эмиль Ваизович — кандидат юридических наук, научный сотрудник отдела конституционного права Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации

ORCID ID: 0000-0002-0743-4210

e-mail: emil.alimov@gmail.com

Для цитирования:

Алимов Э.В. Система правового регулирования геномных исследований: опыт России и США // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки*. 2019. Т. 23 № 4. С. 546–564. DOI: 10.22363/2313-2337-2019-23-4-546-564.

Дата поступления в редакцию: 16 сентября 2019 г.

Дата принятия к печати: 15 октября 2019 г.

DOI: 10.22363/2313-2337-2019-23-4-565-585

Научная статья

ИСЛАМ И ГЕНЕТИКА: ВОПРОСЫ РЕЛИГИИ, ЭТИКИ И ПРАВА

Р.Г. Новикова¹

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
Центр религиозно-правовых исследований, отделение мусульманское право
119991, Москва, Россия, Ленинские горы, д. 1, стр. 13

Московский университет имени С.Ю. Витте
115432, Москва, Россия, 2-й Кожуховский пр-д, д. 12, стр. 1

Стремительное развитие и достижения в области науки и техники представляет человечеству возможность усовершенствовать свою жизнь. Так, в последнее десятилетие значительных высот достигли исследования в сфере геномики и генетических исследований, которые являются предметом диспутов не только врачей, юристов, но и богословов.

В настоящее время в вопросах геномики и проведения генетических исследований в законодательстве стран Ближнего Востока наблюдается различный подход. С учетом религиозной ориентации государств значительное внимание в данных странах уделяется этическим регуляторам ислама в отношении геномики (человека, животных, растений, т.е. всего живого), исходя из которых постепенно вырисовываются очертания правовых норм. В одних странах арабского Востока уже вступили в силу или же ведутся работы над комплексными законами в сфере генетики, в некоторых государствах вопросам геномики уделяется внимание в правовых актах органов исполнительной власти, а в некоторых — разработаны локальные акты ведущих медицинских центров. Также выделяется ряд восточных стран, в законодательстве которых некоторые аспекты правового регулирования генетических исследований выступают в качестве законодательных новелл в сфере здравоохранения.

В наиболее экономически благополучных ближневосточных государствах вопросы генетики являются одними из приоритетных задач государства, в частности, уже сейчас действуют национальные стратегические программы развития с учетом использования современных методов секвенирования генома, биоинформатики и методов валидации.

Стоит отметить, что практически все страны ближневосточного региона ратифицировали международные акты в сфере генетических исследований и по вопросам, связанным с проведением таковых. Кроме того, исламские государства в рамках единого религиозного подхода к происходящим событиям в области достижений науки и техники выработали самостоятельную концепцию регулирования геномики с учетом установок основополагающих источников исламского права.

¹ © Новикова Р.Г., 2019.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0>

Исходя из материала статьи читатель будет иметь представление о правовом, этико-правовом регулировании в сфере геномики ближневосточных исламских государств.

Ключевые слова: генетика, генетические исследования, ислам, исламское право, генетика и шариат, арабские государства, генетика и ислам

Финансовая поддержка: Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ № 18-29-14100 на тему: «Состояние и перспективы правового регулирования и саморегулирования геномных исследований: национальный, зарубежный и международный опыт».

ВВЕДЕНИЕ

ИСЛАМ И ГЕНЕТИКА

Ислам, будучи одной из распространенных мировых религий, имеет свои принципы и установки, регламентирующие все сферы общественных отношений. Сегодня в мире общая численность мусульман насчитывает свыше 1,7 миллиарда человек, и это составляет 28 % от общего числа населения Земли. Ислам является второй по численности религией после христианства (31 % населения мира). Стоит заметить, что по прогнозам американского исследовательского центра Pew Research Center², построенным на основе анализа проведенного демографического исследования в 2015 году, численность мусульман к 2050 году не только значительно возрастет, но и достигнет численного паритета с населением планеты, исповедующего христианство.

Представления о мироздании, принципиальные и непоколебимые установки религии мусульман, были заповеданы Пророком Мухаммадом еще в седьмом веке и продолжают действовать поныне. основополагающими источниками исламского права — Кораном и сунной Пророка Мухаммада определены *пять ценностей*, которые каждый мусульманин должен защищать и/или стремиться достичь качественного максимума:

- *религия;*
- *жизнь;*
- *разум;*
- *продолжение рода;*
- *собственность.*

Такие незыблемые ценности, как жизнь, разум и продолжение рода, прежде всего, определяют физическое состояние и физиологическое развитие человека. В отношении каждой из этих ценностей в исламе даны четкие религиозно-правовые указания по должному поведению человека и отношению к ним. Во многих хадисах³ содержатся установки, регламентирующие не только

² The Future of World Religions: Population Growth Projections, 2010-2050. Why Muslims Are Rising Fastest and the Unaffiliated Are Shrinking as a Share of the World's Population. Available at: <https://www.pewforum.org/2015/04/02/religious-projections-2010-2050/> (Accessed 8 August 2019).

³ Хадис — с араб. «новость», «известие». Это придания о славах и действиях Пророка Мухаммада, затрагивающие религиозно-правовые стороны жизни мусульман. Подробнее см.: (Islam: Entsiklopedicheskiy slovar', 1991:262–263).

религиозно-правовые, но и этические аспекты жизнедеятельности людей с позиций исламского вероучения. К примеру, в отношении заключения брака в основополагающих источниках исламского права содержится запрет на заключение такового между лицами, состоящими в кровном родстве, в частности, в Коране в аяте 23 суры 4 Ан-Ниса (Женщины) сказано, что: «*Запретны вам в качестве жен матери ваши, дочери, сестры, тетки со стороны отца, тетки со стороны матери, матери молочные, сестры молочные...*» (Osmanov, 2011:79). Представители ведущих религиозно-правовых школ, которые занимались толкованием религиозно-правовых норм на основе Корана, указывали на строгость соблюдения данного положения (Van den Berg, 2005:135; Saidov, 2010:112). Дело в том, что среди детей, появившихся в результате инцеста, отмечена высокая генетическая заболеваемость, дети рождаются с физическими и умственными отклонениями. В доисламский период у народов, населявших Аравийский полуостров, заключение кровных браков было обычным явлением, направленным на сохранение чистоты и финансового благополучия рода. Установки ислама в отношении браков должны были остановить процессы кровосмешения, однако на уровне национальных обычаев такие браки не только заключались, но и приветствовались⁴.

Стоит сказать, что и в наши дни заключение кровных браков не является редкостью в странах Ближнего Востока, и наблюдаются целые регионы, где 2/3 браков кровные. Кроме этого, в некоторых регионах выявлены специфические генетические заболевания (Monies, Abouelhoda, AlSayed, Alhassnan, Alotaibi, 2017:921–939), свойственные народам, населяющим определенные территории. Несмотря на строгий религиозный запрет, сегодня кровные браки — это довольно частое явление и для Саудовской Аравии и Ирана — государств, особо охраняющих непоколебимые столпы ислама.

ИСЛАМ ДОПУСКАЕТ ПРОВЕДЕНИЕ ГЕНЕТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Современные реалии, сопровождаемые построением нового типа общества, ориентирующегося во всем на «модерн» (Inkeles, 1969: 208–225), характеризуются стремительным развитием и достижениями науки и техники. Так, одним из вопросов, занимающим умы юристов и богословов исламских стран, является допустимость проведения генетических исследований человека, растений, а также всего, имеющего биопроисхождение.⁵ Это связано с тем, что для исламских государств и людей, исповедующих ислам, проведение генетических

⁴ Здесь же стоит сказать, что заключение брака между кровными лицами характерно и для лиц, исповедующих зороастризм, а также некоторых еврейских общин и племен в странах Африки к югу от Сахары. Подробнее см.: Genetic Counseling in the Muslim World: The Challenges, available at: <http://www.cags.org.ae/e10alaqeel.pdf> (Accessed 28 August 2019).

⁵ Био от др.-греч. βίος — жизнь.

исследований является многоаспектным вопросом, затрагивающим теологические, правовые и нравственные нормативы, признаваемые исламом вечными и неизменными. Так, многие современные «толкователи исламского права» (Vlasenko, Novikova, 2018:346–348) известнейших богословских центров исламской юриспруденции с целью получения ответов на вопросы по адаптации новшеств (не урегулированных классическими основами исламского права) на соответствие положениям священной книги мусульман занимаются толкованием и поиском рациональных решений, на основе которых делается ключевой вывод о допустимости «внедрения» новшеств и их степени допустимости с точки зрения исламского вероучения и права и их дальнейшей реализации на практике. Такие центры (Международная академия исламского фикха (правоведения) в Саудовской Аравии⁶, Университет «Аль-азхар»⁷ в Египте и др.) представляют фетвы⁸ — устные и письменные суждения авторитетных теологов и правоведов, принимаемые по вопросам современной жизни, а также по толкованию различных положений, содержащихся в основных источниках права, но носящих общий характер. Так, например, Совет Исламской академии фикха (правоведения), заслушав разъяснения врачей в отношении экстракорпорального оплодотворения, пришел к выводу, что в некоторых случаях это допустимо,⁹ и из нескольких вариантов были выявлены допустимые с точки зрения исламских религиозных установок методы ЭКО.

Для поиска ответов по вопросам в сфере медицины и проведения медицинских исследований в Кувейте в январе 1981 года состоялась Первая международная конференция по исламской медицине. На данном мероприятии представителями стран мусульманского Востока был принят Исламский кодекс медицинской этики и здравоохранения с учетом исламского вероучения и конкретных выдержек из священной книги мусульман, в частности, одними из руководящих принципов являются такие: «как и все аспекты знания, медицинские знания являются частью знания Всевышнего, который учил человека тому, что человек никогда не знал...»; «...изучение медицины влечет за собой раскрытие

⁶ Международная академия исламского фикха — высшее научное учреждение теоретико-практического профиля в г. Джидда Королевства Саудовской Аравии. Ведущие теологи, юристы, ученые — представители различных областей и дисциплин 57 государств мира занимаются правотворчеством (иджтихад) с целью предоставления решений на основе исламских первоисточников и прогрессивной правовой мысли. Академия основана согласно решению, принятому на саммите стран-участниц Организации исламской конференции (ныне — Организация исламского сотрудничества) в 1974 г., открытие состоялось в 1981 г.

⁷ Университет является самым большим ВУЗом на всем арабском Востоке, исторически появился в качестве медресе (школы) при мечети Аль-Азхар в 970 году и назван в честь одной из дочерей Пророка Мухаммада — Захры. Значение Аль-азхар столь велико, что о нем даже упоминается в конституции арабского государства Египет.

⁸ Подробнее о фетвах/фатвах см.: (Islam: Entsiklopedicheskiy slovar', 1991:252).

⁹ О детях из пробирок. Постановление № 16 (4/3). // Постановления и рекомендации Совета Исламской академии правоведения (фикха). — М., 2003. С. 43–44.

Божьих знамений в Его творении...»; «...медицинская практика приносит Божью милость Его подданным. Поэтому медицинская практика — это акт поклонения и милосердия, а не карьера, благодаря которой зарабатывают на жизнь...».¹⁰

Вообще стоит сказать, что Кувейт на современном этапе представляет собой одно из основных исламских государств, играющих основополагающую роль в *выработке концепции биоэтической сферы с сочетанием исламских религиозных ценностей по медицинским и междисциплинарным* вопросам, включая геномику и проведение генетических исследований. Исламская Организация медицинских наук, которая базируется в Кувейте и официально учреждена еще в 1984 г., при проведении дискурсов по биоэтике на различных симпозиумах и конференциях ставит категорию вопросов по геномике в раздел «Постоянные обсуждения». К примеру, «Этические последствия современных исследований в области генетики», где были представители большинства арабских стран в феврале 1993 г., конференция «Генная инженерия между шариатом и законом» 5–7 мая 2002 года. Так, во время проведения симпозиума, проходившего с 13 по 15 октября 1998 г., «Этические последствия современных исследований в области генетики» были выработаны *основные правила и руководящие принципы «Генетика, генная инженерия, геном человека и генетическая терапия: исламская перспектива»*, которые до сих пор остаются наиболее влиятельными в области регулирования проведения генетических исследований (Al Hosani, Czeizel, 1996:61; Tadmouri, 2003:1766; El-Hazmi, Warsy 1996:108–123; Al Talabani, Shubbar, 1998:62; 411–418; Khlat, Halabi, Khudr, Der Kaloustian, 1986: 299–306; Abou-Zeid, Silverman, Shehata, Shams, Elshabra, 2010:539–547; Benatar, 2004:574–582; El-Dessouky, Abdel-Aziz, Ibrahim, Moni, Abul Fadl, Silverman, 2011:1–13; Hyder A.A., Wali S.A., Khan A.N., Teoh N.B., Kass N.E., Dawson, 2004:68–72; Kandeel, El-Nemer, Ali, Kassem, El-Setouhy, Elgharieb, 2011:99–108; Kirigia, Wambebe, Baba-Moussa, 2005:6; 10; Moodley, 2007:8; 1–8; Rashad, Phipps, Haith-Cooper, 2004:394–399; Ar-Abdallah, Al Khitamy, Binsumeit, 2001:60–63). Данные правила были расширены на последующих заседаниях симпозиумов, в частности, в 2002 г. было проведено шесть сессий, на которых обсуждались среди прочего возможности исследования отпечатков пальцев и исследование ДНК, а также, что данные, содержащие сведения о геноме человека, не могут быть проданы.

Рассуждая над вопросом о «вмешательстве в дела Всевышнего» или же о геномике, юристами и богословами Академии фикха был учтен случай, который произошел в Саудовской Аравии в рамках уголовного дела об изнасиловании. В частности, потерпевшая утверждала, что ее отец не только изнасиловал ее, но и являлся отцом ее ребенка. Обвиняемый, которому тогда было 60 лет,

¹⁰ Официальный сайт IOMS, Available at: <http://www.islamset.net/arabic/index.html> (Accessed 4 August 2019).

характеризовался с положительной стороны, и многие считали, что дочь наговаривает на него с целью сокрытия истинного отца ребенка. Проведя генетическую экспертизу в отношении новорожденного, было установлено, что ребенок не имеет биологической связи ни с отцом, ни с матерью, его родившей. Позже выяснилось, что ребенок, которого женщина-заявитель считала своим, на самом деле был подменен на другого ребенка вместо ее биологического с целью сокрытия преступления, совершенного отцом потерпевшей¹¹.

В свою очередь, отдел фетв Муфтията Республики Дагестан, трактуя вопрос о допустимости проведения генетического анализа с целью установления отцовства, поясняет, что «1. Отцовство, установленное по Шариату, неопровержимо и не дает права родителю прибегать к анализу ДНК для его отрицания. Отрицать отцовство можно только через «ли'ан»¹². Вследствие чего брак между супругами расторгается ввиду подозрения супруги в неверности, и она (супруга) навечно становится запретной для бывшего супруга. Практика «ли'ан» исключает отцовство, в котором есть сомнение. 2. Однако для установления отцовства можно прибегнуть к анализу ДНК в случае крайней необходимости. Например, вследствие стихийного бедствия из роддома спешно были вынесены все новорожденные, и они смешались до неузнаваемости и тому подобные случаи...»¹³. По правилу, заведенному еще в классические времена ислама, муфтиятом далее приводятся обоснования такого толкования, на основе которых был сделан такой вывод, в частности, «...если женщина родит белокожего ребенка, когда родители чернокожие или же наоборот, то запрещается отцу отказываться от него, даже если ребенок будет похож на того, в отношениях с которым подозревали мать, или если есть какой-то признак совершения прелюбодеяния» (См.: Мугни аль-мухтадж, т. 5, с. 62–63) ...можно использовать тест ДНК как один из факторов, дополнительно поддерживающий супруга в его праве прибегнуть к процедуре ли'ана, либо указывающий на противоположное, тем самым анализ ДНК может способствовать отказу от ли'ана...»¹⁴.

¹¹ Do Islamic Courts Allow DNA Evidence? Available at <https://aljumuah.com/can-islamic-courts-allow-dna-evidence/> (Accessed 12 September 2019).

¹² «Ли'ан» — «богословское проклятие». Осуществляется следующим образом: супруг говорит супруге четыре раза: «Я свидетельствую перед Всевышним Аллахом, что я говорю правду, обвиняя свою жену (и называет ее имя) в прелюбодеянии». Затем на пятый раз говорит: «Будь я проклят Всевышним, если я лгу, обвиняя свою жену в прелюбодеянии». Супруга, если не совершала прелюбодеяния, говорит четыре раза: «Я свидетельствую перед Всевышним Аллахом, что супруг говорит неправду, обвиняя меня в прелюбодеянии». Затем на пятый раз говорит: «Будь я проклята Всевышним, если он говорит правду, обвиняя меня в прелюбодеянии». Если муж отрицает и свое отцовство, то добавляет каждый раз: «И ее ребенок» или «Этот ребенок от прелюбодеяния». Подробнее см.: Можно ли по Исламу прибегнуть к анализу ДНК для установления отцовства? Исламский информационный портал, Available at <http://islam.ru/content/veroeshenie/55397> (Accessed 12 September 2019).

¹³ Исламский информационный портал, Available at <http://islam.ru/content/veroeshenie/55397> (Accessed 12 September 2019).

¹⁴ Исламский информационный портал, available at <http://islam.ru/content/veroeshenie/55397> (Accessed 12 September 2019).

Учитывая тот факт, что классические религиозно-правовые установки ислама являются первоочередными в исламском мире, нормативному правовому регулированию в исламских государствах отводится не менее важное место.

ПРАВОВЫЕ РЕГУЛЯТОРЫ ГЕНОМИКИ И ПРОВЕДЕНИЯ ГЕНЕТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ В СОВРЕМЕННЫХ ИСЛАМСКИХ ГОСУДАРСТВАХ

Приступая к рассмотрению правовых регуляторов исламских государств на современном этапе, стоит отметить, что как таковых единых стандартов по унификации законодательства в сфере геномики, проведения генетических исследований, а также смежных вопросов нет. Каждое из национальных государств арабского Востока по-своему определяет приоритет в установлении правовых основ того или иного вопроса, связанного с генетическими исследованиями. В развитии законодательства указанных государств в данном направлении ориентирами выступают Исламский кодекс медицинской этики и здравоохранения, постановления и рекомендации Совета Исламской академии *фикха* и иных богословских центров.

Если рассматривать *Арабскую Республику Египет*, то следует отметить, что в законодательстве государства отсутствует специализированный акт, посвященный правовым основам проведения генетических исследований. Однако стоит сказать, что в настоящее время ведется работа над законом «О биоэтике», а основным органом исполнительной власти Египта в сфере проведения клинических исследований и издания основных правил в данной сфере выступает Министерство здравоохранения и народонаселения, которое совместно с профессиональным сообществом врачей инициировало создание Национального комитета Египта по биоэтике в 1996 г. Над будущим законом Египта работают ведущие ученые страны из таких вузов и НИИ, как Айн-Шамс в Каире, Исследовательский институт Теодора Билхарза в Гизе, Национальный научно-исследовательский институт гепатологии и тропической медицины в Каире и др. В общей совокупности в Египте насчитывается около 30 институциональных комитетов, которые входят в состав единой сети комитетов по этике исследований для повышения согласованности между комитетами по этике при рассмотрении предложений по исследованиям и для расширения обмена информацией и интеллектуальными ресурсами. В частности, в 2003 г. было разработано Положение «О профессиональной этике в сфере проведения медицинских исследований человека»¹⁵.

Интересен опыт Исламской Республики Иран — государства, строго соблюдающего каноны ислама шиитского толка. Так, Министерство здравоохране-

¹⁵ Официальный сайт Правительства Египта Available at: [مجلس رئاسة العربية مصر جمهورية](#) (Accessed 1 September 2019).

ния и медицинского образования Ирана совместно с Управлением по изучению гуманитарных и исламских наук в области медицины и медицинской этики в 1999 г. разработало регламент «Свод правил по защите человека как объекта медицинских исследований» (Banhashemi, 2019:88–92), который состоит из 27 пунктов, касающихся информированного согласия, прав человека во время исследований, сертификация исследований с учетом всех рисков, конфиденциальность информации, выплатой компенсации за вред, причиненный исследованиями на людях, культурными и религиозными факторами при проведении исследований, правами заключенных и лиц с умственной отсталостью и лиц, страдающих психическими расстройствами. Министерство здравоохранения и медицинского образования Ирана обязало все университеты и биомедицинские исследовательские центры создать институциональные комитеты по биоэтике на основе единого регламента, в частности, сегодня действует 85 исследовательских центров, занимающихся исследованиями в области биотехнологии, молекулярной и клеточной биологии и смежных областях, которыми разрабатываются предложения по проведению генетических исследований с целью выработки единого руководства.

Еще одним государством-хранителем исламских ценностей, которое еще именуют «колыбелью ислама», выступает Королевство Саудовской Аравии. Так, согласно королевскому указу №. 7/B/9512 1999 года или же в 1422 г. по хиджре был создан Национальный комитет Королевства по био- и медицинской этике. Основной целью создания Комитета явилось стремление выработки и контроля соблюдения этических стандартов в сфере проведения биологических/медицинских исследований с учетом исламских ценностей и достижения мировой науки, в связи с этими целями Национальный комитет выступает флагом в развитии правового регулирования проведения генетических исследований. Комитет находится под личным надзором и властью Короля. Королем Абдаллой ибн Абдул-Азиз ибн Абдуррахман аль Саудом был издан Королевский декрет «Об этике исследований живых существ Саудовской Аравии и правила его применения» от 24 августа 2010 г., или же 14.09.1431 по хиджре. Данный закон является ориентиром для остальных арабских ближневосточных стран и стран, где исламские ценности носят приоритетный характер.

Королем КСА Абдаллой ибн Абдул-Азиз ибн Абдуррахман аль Саудом в 2013 г. в Эр-Рияде официально была запущена «Программа исследования генома человека в Саудовской Аравии», которая является одной из национальных программ развития монархии на период до 2030 г. Ее реализация проводится на базе Национального научно-технологического центра Саудовской Аравии, с 1985 г. переименованного в *Город наук и технологий имени короля Абдул-Азиза*. В рамках этого проекта планируется собрать более 100 000 образцов генома человека с целью выявления генетической основы тяжелых и распространенных генетических заболеваний среди населения Королевства. В программе используются современные методы секвенирования генома, биоинформатики

и методов валидации. Следовательно, это создаст основу для персонализированной медицины и геномных наук в Королевстве Саудовская Аравия. Стоит особо отметить, что Город наук и технологий имени короля Абдул — Азиза — это государственное учреждение, подотчетное напрямую премьер-министру монархии, обязанности которого выполняет сам король. Основная цель, которую должны достичь ученые Королевства — быть одними из 10 лучших геномных проектов в мире. Ведущие вузы страны вовлечены в изучение генетики: Университет имени Короля Сауда, Университет имени Короля Фахда, Университет имени Короля Фейсала, Университет имени Короля Абдаллы. В рамках вышеуказанной государственной программы был разработан *регламент проведения генетических исследований* и запущен пилотный проект по созданию базы данных «Каталог генетики трансмиссии у арабов»¹⁶, с целью выявления генетических нарушений человека.

В *Хашимитском королевстве Иордания* впервые в 2003 г., руководствуясь основами Закона Иордания «О сохранении биоразнообразия» от 1927 г., начали свою работу первые исследовательские центры, которые стали создавать «генетические банки» образцов плодовых деревьев и диких деревьев. Это напрямую связано с тем, что стали полностью исчезать редкие виды деревьев, произрастающих с учетом климатических условий только в Иордании. Иордания ратифицировала Конвенцию о биологическом разнообразии в 1993 году и Международный договор о генетике растений, культивируемых с целью производства продовольствия и ведения сельского хозяйства в 2001 году. В 2005 г. правительство Иордании опубликовало Национальную стратегию развития, в которой были установлены основные принципы по сохранению биоразнообразия. Уже в 2010 г. эта стратегия была расширена, и пункт III Национальной стратегии указывает на особо охраняемые районы страны, определяет приоритетные задачи по биозащите экосистем и принципы проведения генетических исследований биоресурсов Иордании. Надо отметить, что Институциональный экспертный совет при Министерстве здравоохранения Иордании рассматривает процедуру научных и прикладных исследований в сфере генетических исследований человека, флоры и фауны, а также выступает контролирующим органом в данной сфере. Кроме этого, Институциональная экспертная комиссия направлена на защиту прав лиц, участвующих в проводимых научных исследованиях, путем рассмотрения предложений о проведении исследований и их утверждения; поскольку Правление наделено полномочиями: 1) подтверждение научного обоснования проведения исследований; 2) проверяет профессиональные навыки и научные достижения исследовательской группы и отмечает опыт практической деятельности с целью выдачи лицензии; 3) проверяет факт наличия согла-

¹⁶ The Catalogue for Transmission Genetics in Arabs CTGA Database, Available at: https://www.researchgate.net/publication/237231353_The_Catalogue_for_Transmission_Genetics_in_Arabs_CTGA_Database (Accessed 21 August 2019).

сия участника исследования на проведение исследования посредством наличия подписи на форме согласия и др.

В свою очередь, *Катар* по счету является 84 государством, которое присоединилось к Декларации ООН по клонированию человека. Катар — первая страна, которая три года назад объявила, что собирается исследовать геномику абсолютно всех своих жителей. Дело в том, что население страны имеет пестрый по национальному признаку состав, и в его генетическом разнообразии прослеживается генофонд, который также характерен и для европейцев. Впервые в монархии в свете поддержки достижения человеческого и социального развития в Катаре по решению председателя Катарского фонда образования, науки и общественного развития Ее Высочеством шейхой Моза Бинт Насер в 1999 г. был создан Центр «Аш-Шафалла» для оказания образовательных и реабилитационных услуг инвалидам с психическими расстройствами и аутизмом в возрасте до 21 года, а также лиц с особыми потребностями. С целью их интеграции в общество стали применяться лучшие мировые практики с помощью высокоэффективных технологий и научно-практического опыта. В марте 2007 г. были утверждены руководящие правила «Политика проведения процедур и руководящие принципы проведения исследований». Данные правила положили начало проведению генетических исследований и их этико-правовому сопровождению в Катаре. Этот центр действует ныне как центр исследования генетических исследований лиц, страдающих психическими расстройствами и аутизмом. Уже на Всемирном саммите 2013 года по инновациям в здравоохранении и исследовании ДНК, Ее Высочеством шейхой Мозой Бинт Насер было объявлено о внедрении *Программы «Геном Катара»*, которая и в настоящее время находится на стадии пилотного проекта. Под надзором Национальной комиссии по геному человека Катара, созданной при Министерстве общественного здравоохранения Катара, а также при поддержке Катарского биобанка, Программа Катарского генома направлена на проведение полного анализа карты генома страны и изучения генов и его функций с целью обеспечения медицинской помощи, в рамках которого создаются большие базы данных, объединяющие данные о секвенировании всего генома и другие данные о генах, с исчерпывающими фенотипическими данными, собранными в биобанке Катара. Наличие таких данных позволяет исследователям совершать открытия и планировать будущие направления здравоохранения в Катаре на государственном уровне. В данный момент Стратегия внедрения Катарской программы генома реализуется по семи направлениям: 1) интеграция с катарским биобанком; 2) использование местной инфраструктуры геномики и биоинформатики; 3) формирование общенациональных исследовательских сообществ; 4) инвестирование в развитие проведения генетических исследований; 5) разработка стандартов и правил; 6) создание национальной сети данных генома; 7) реализация результатов исследований в клинических условиях. Катарская программа генома является национальной платформой, на которой все заинтересованные стороны Катара могут встре-

таться для обсуждения проблем в сфере проведения генетических исследований и внести свой вклад в развитие и внедрение реализации программы с целью предотвращения дублирования и скорейшего охвата регулирования генетических исследований.

На основе данных, полученных от катарского биобанка Министерством общественного здравоохранения Катара, было разработано и утверждено *руководство в области геномики*, согласно которому вопросами обеспечения безопасности и того, что все проводимые исследования соответствуют самым высоким стандартам и предназначены только для развития научных и медицинских исследований, а также для улучшения здоровья нации, отвечает Катарский биобанк. В свою очередь, руководством этого биобанка была разработана система доступа к биологическим образцам путем оформления запроса, включающего подписания Соглашения об использовании данных, Соглашения о передаче материала, Соглашения о неразглашении информации о результатах.

В рамках реализации Катарской программы генома¹⁷ было созданы подразделения при Министерстве общественного здравоохранения Катара: *Подразделение проведения генетических исследований* (предлагает вспомогательные услуги для исследовательских проектов Катарской программы генома с целью использования передовых мировых практик в области биоинформатики для анализа данных и интерпретации данных клинического секвенирования по всему геному, лабораторных исследований, операций с биохранилищами и безопасности информационных технологий); *клиническое подразделение* (координирует все связанные с клиникой действия и связывается с местными заинтересованными учреждениями с целью обеспечения готовности к включению и наилучшему использованию геномных данных в здравоохранении); *подразделение связи с общественностью* (проводит работу, направленную на повышение осведомленности о Катарской программе генома в исследовательском сообществе и общественности с целью выработки доверия населения через средства массовой информации, а также посредством разработки образовательных и рекламных роликов. Кроме этого данным подразделением разрабатываются серии учебников и учебных курсов по аспектам исследований в области геномики, актуальных для населения Катара, как на уровне школ, так и в университетах, для подготовки нынешнего и будущих поколений. Данное подразделение выступает в качестве координатора среди всех институтов Катара, задействованных в реализации Катарской программы генома, в частности, подразделением были разработаны *Рекомендации по обеспечению защиты лиц, вовлеченных в исследование*).

Стоит сказать, что катарский медицинский центр Шафалла Генетикс выпустил официальное руководство по проведению генетических исследований,

¹⁷ Официальный сайт Qatar Genome Programme (QGP), Available at: <https://www.qatargenome.org.qa/ar> (Accessed 21 August 2019).

которое включает в себя руководящие принципы по генетическому тестированию и обеспечению безопасности информации, полученной в результате проведенного исследования. В руководстве говорится, что генетические данные не следует предоставлять страховым компаниям, работодателям, школам или представителям государственной власти, за исключением случаев, когда получено полное информированное согласие пациента. Пренатальная диагностика должна быть предложена тем, кто в ней нуждается, но без какого-либо давления на родителей, чтобы согласиться на такое тестирование. Особое внимание следует уделять обеспечению защиты несовершеннолетних и инвалидов.

Достаточно интересным представляется опыт *Кувейта*. Так, в июле 2015 г. в Кувейте был принят Закон о генетических исследованиях, в соответствии с которым все кувейтцы и лица, приезжающие в Кувейт, строго обязаны были сдать образцы ДНК. Закон был введен после совершенного террористами взрыва, в результате которого в Кувейте в мае 2015 г. погибли 27 человек. В связи с этим основная цель принятия акта была связана с проведением контртеррористической защиты и идентификации потенциальных террористов, что позволило бы не только быстрее раскрыть преступления в случае террористических актов, но и помогло бы идентифицировать тела в случае террористических атак и стихийных бедствий. Кроме того, в акте указывалось, что сбор данных необходим для того, чтобы убедиться, что родители и/или дети не являются жертвами торговли людьми или похищения людей. При этом данным Законом были предусмотрены санкции за отказ сдачи своего образца ДНК, в частности, лицо, отказавшее предоставить образец ДНК, могло быть приговорено к одному году тюремного заключения или штрафу в крупном размере. Предполагалось, что лицо, въезжающее на территорию Кувейта, при прохождении паспортного контроля еще обязано было предоставить личные образцы для проведения генетической экспертизы. Однако уже в 2016 г. данный акт был оспорен адвокатами компании «Адель Абдул Хади и партнеры», и Конституционный суд Кувейта постановил, что закон нарушает конституционную гарантию личной свободы граждан, соблюдения принципов конфиденциальности и гражданских прав человека. В своих доводах адвокаты ссылались на то, что закон нарушает положения о неприкосновенности частной жизни и правах человека, гарантированные Конституцией страны, а также те, которые закреплены в международных договорах, участником которых является Кувейт. Адвокатами были высказаны опасения по поводу того, что после сбора образцов ДНК данные лиц могут использоваться для других целей, таких как выявление нелегальных иммигрантов или определение отцовства в стране, где супружеская измена является наказуемым преступлением. Если бы закон вступил в силу, *Кувейт был бы первой страной в мире, требующей обязательного сбора образцов ДНК от всех граждан.*

Несмотря на то, что Конституция Туниса 2014 года рассматривает вопрос о национальном здравоохранении в числе приоритетных и в соответствии

со статьей 38 провозгласила «здоровье в качестве основного права человека и обязательного национального медицинского обслуживания для самых бедных тунисцев»¹⁸, в сфере правового регулирования генетических исследований на сегодняшний день отсутствуют какие-либо акты. Несколько центров по всей стране предлагают услуги по генетическому тестированию, основные расположены в трех прибрежных городах: больница Чарльза Николя в столице Туниса, больница Фархат-Хашид в Суссе и больница Хабиб Бургиба в Сфаксе. Недавно в клинике «Монги Слим» в Аль-Марса было создано новое отделение по врожденным и наследственным заболеваниям, где также предоставляются цитогенетические услуги. Кроме того, генетические услуги также предлагаются в рамках исследований в университетах: Институт Пастера и в Национальном институте неврологии. Есть две частные генетические лаборатории Тунисе и одной в Сфаксе. Следует сказать, что с 1964 г. в стране действует программа, согласно которой рекомендовалось проводить добрачные генетические консультации лицам, вступающим в брак (в особенности с явными генетическими заболеваниями и/или где брак заключается между людьми, имеющими кровное родство). Эта норма стала обязательной на всей территории Туниса с 1995 г. Она предназначена для предотвращения распространения инфекционных заболеваний и ограничения частоты врожденных и наследственных заболеваний в следующем поколении. Это также образовательная программа для будущих родителей, предоставляющая информацию о контрацепции, беременности, вакцинации, профилактике и консультировании. Согласно государственной программе «добрачное» тестирование предоставляется гражданам бесплатно в государственных учреждениях Туниса. Стоит также сказать, что Закон № 2001 — 93 от 11.07.2001 г. «О репродуктивной медицине»¹⁹ гласит, что при проведении исследований эмбриона исключительно в медицинских целях (выявление аномалий плода) требуется согласие обоих родителей. Согласно положениям Закона Туниса № 2002 — 54 от «О медицинских лабораториях» генетические исследования проводятся только в тех клиниках, которые имеют лицензию Министерства здравоохранения, а также в этом акте даются установки об обязательствах клиник при проведении исследований, в частности о неразглашении результатов анализов, их сроки хранения и т.д.

В *Объединенных Арабских Эмиратах* по решению наследного принца Дубая и председателя Исполнительного совета Дубая шейха Хамдана бин Мухаммеда бин Рашид Аль Мактума была предложена программа «Геном» проекта *Dubai 10X*. Лидер эмирата Дубай поручил правительству Дубая реализовать на практике то, что другие города будут реализовывать через 10 лет. Для реали-

¹⁸ The Tunisian Constitution of 2014, Available at: <https://www.mjp.univ-perp.fr/constit/tn2014.htm> (Accessed 1 September 2019).

¹⁹ Закон Туниса № 2001 — 93 от 11.07.2001 г. «О репродуктивной медицине», Available at: <http://www.legislation.tn/> (Accessed 13 September 2019).

зации проекта был сформирован Совет экспертов по генетике, который сотрудничает с рядом других правительственных организаций, в том числе с Институтом патологии и генетики, а также с Центром научных исследований пуповинной крови в Дубае. Финансирование проекта Dubai 10X осуществляется Фондом будущего Дубая (DFF). Основным органом исполнительной власти в сфере проведения генетических исследований в Дубае выступает Департамент здравоохранения, а также Научно-этический комитет, который выступает основным центром компиляции и обзора биомедицинских исследований и исследований, связанных с отбором тканей человека в Абу-Даби. Научно-этический комитет выработал *рекомендации для центров и лабораторий, осуществляющих исследования в сфере геномики.*

*Dubai Genomics*²⁰ является частью проекта Dubai 10X²¹. Dubai Genomics имеет три основных этапа внедрения. Фаза I направлена на создание необходимой инфраструктуры для геномной медицины и начинает широкомасштабное секвенирование всего генома. Этап II был нацелен на создание новых возможностей искусственного интеллекта, чтобы помочь с комплексным анализом последовательностей, состоящим из продольных данных, с акцентом на точное прогнозирование рисков, связанных с генетическими заболеваниями. Фаза III фокусируется на науке точной медицины, сотрудничая с заинтересованными фармацевтическими компаниями и научными кругами, чтобы определить и разработать лекарства будущего. Кроме вышеуказанных программ в ОАЭ действует стратегия «Здоровье Дубая 2016–2021», которая в свою очередь была разработана в рамках плана развития Дубай 2021, где главной целью явилось стремление властей достичь высоких показателей в сфере здравоохранения в стране и на общемировом уровне. Стратегия «Здоровье Дубая 2016–2021» также подразумевает сбор и хранение генома жителей Дубая с последующим созданием масштабного биобанка ДНК граждан. Последующим шагом будет как выявление маркеров предрасположенности к заболеванию у пациентов, так и создание алгоритма для автоматического и эффективного анализа генома здоровой популяции. В 2005 г. на уровне всех эмиратов власти законодательно ввели норму об обязательном добрачном обследовании пар, уведомляющее будущих супругов о возможных заболеваниях, которые они могут передать своим детям, например, талассемию — наследуемое заболевание, широко распространенное среди жителей ближневосточных стран.

В силу постоянно меняющихся условий в политико-правовом развитии *Палестины*, вызванных противостоянием с Израилем, а также внутригосударственных проблем в сфере политического влияния, вопросы, связанные с проведением генетических исследований, не относятся к приоритетной категории.

²⁰ Dubai Genomics, Available at: <https://www.dha.gov.ae/ar/pages/dubaigneomicsabout.aspx> (Accessed 13 September 2019).

²¹ Dubai 10X, Available at: <https://www.dubai10x.ae/> (Accessed 15 September 2019).

В 2003 г. Законодательным советом Палестины был рассмотрен законопроект «О проведении судебной экспертизы», в котором говорится о том, что генетические исследования могут быть проведены в целях установления истинных фактов, доказывающих или опровергающих факт совершения преступления, но это так и осталось на уровне законопроекта. Следует отметить, что Организация Израильско-палестинского общества исследователей, спонсируемая ЮНЕСКО и созданная в 2003 г., поддерживает высококачественные научные исследования и содействует сотрудничеству между израильскими и палестинскими учеными в целях поощрения стипендий и научных достижений, наращивания потенциала и профессионального развития, социального и экономического благосостояния, а также установления научно-практического диалога. Организация финансирует разнообразные программы, охватывающие широкий спектр вопросов: от сельского хозяйства, образования и психологии до медицинских исследований, исследований и консультирования в сфере генетики²².

Основным органом исполнительной власти, отвечающим за развитие проведения генетических исследований в *Бахрейне*, выступает Министерство здравоохранения Бахрейна. По инициативе Министерства здравоохранения в 2015 г. началась работа по Национальной программе «проект Геном Бахрейна»²³. В рамках проекта будет создана база данных ДНК населения Бахрейна, которая будет проанализирована и изучена для выявления возможностей, которые способствуют улучшению диагностики заболеваний, раннему выявлению, а также снижению риска заражения населения. Проект генома Бахрейна также внесет вклад в разработку методов диагностики и лекарств, которые соответствуют генетической структуре человека — так называемой «персонализированной медицине». Министр здравоохранения Его Превосходительство Фаэка бинт Саид Аль Салех 20.02.2019 г. открыла подразделение генетического тестирования в медицинском комплексе Салмания, являющегося подразделением Министерства здравоохранения Бахрейна, а также Био-банк Бахрейна с целью стать ведущим региональным центром по предоставлению научных образцов для проведения исследований. В свою очередь, 23.02.2019 г. соответствии с указом Правительства Бахрейна под председательством Его Королевского Высочества принца Салмана бен Хамада Аль Халифы Министерство здравоохранения страны открыло веб-страницу, посвященную проекту генома Бахрейна. В директиве программы «проект геном Бахрейна» говорится, что участие в проекте генома Бахрейна открыто для всех граждан старше 21 года, независимо от их состояния здоровья. При этом несовершеннолетние в возрасте до 21 года, у которых диагностировано редкое генетическое заболевание или дру-

²² STATE OF PALESTINE FIFTH NATIONAL REPORT TO THE CONVENTION ON BIOLOGICAL DIVERSITY 2015, Available at: <https://www.cbd.int/doc/world/ps/ps-nr-05-en.pdf> (Accessed 8 September 2019).

²³ Bahrain Genome Project, Available at: https://www.moh.gov.bh/GenomeProject/Index_ (Accessed 13 September 2019).

гое генетическое заболевание, могут принять участие по рекомендации их врача. Согласие должно быть получено от родителя или законного опекуна пациента. Указывается, что образцы будут храниться безопасно и конфиденциально в течение длительного времени для будущих научных исследований. Это делается с ведома Министерства здравоохранения, поскольку образцы принадлежат и собираются ими. Участнику не разрешается просить любую финансовую оплату, которая может быть получена от его использования. При этом гарантируется, что вся личная информация защищена в соответствии с законодательством Королевства Бахрейн. Личная информация образца будет зашифрована для анонимности личности участника и не будет указана в каких-либо отчетах или публикациях, полученных в результате этой национальной программы. У гражданина есть право решать, участвовать или нет в Национальной программе, а также есть право отказаться от участия в программе после заполнения специальной формы.

Надо отметить, что формы выражения согласия и получения результатов подготовлены не только с учетом возрастного ценза, но и с учетом того, что гражданин не может выразить свою волю. Стоит сказать, что в попытке снизить частоту возникновения генетических заболеваний в Бахрейне еще в 1985 г. была введена программа добрачного скрининга, которая включала национальную кампанию по повышению осведомленности населения о генетических заболеваниях крови. В 1992 г. Национальная программа Министерства здравоохранения Бахрейна по добрачному консультированию была распространена на все медицинские центры, а 23 июня 2004 года был издан закон, предписывающий обязательное проведение добрачного скрининга и консультирование для всех лиц, желающих вступить в брак. Клинической базой проведения исследований явилась генетическая клиника при медицинском центре Салмания.

Генетические исследования в *Султанате Оман* впервые стали проводиться в 1990-х годах по приказу Министерства здравоохранения и народонаселения № 121/н-1990, с этого же периода началась проводится регистрация семей, члены которых страдали генетическими заболеваниями. Однако цитогенетическая служба в стране была создана Министерством здравоохранения Омана лишь в 2000 г. Причем оборудование для проведения исследований было закуплено за счет пожертвований благотворительных фондов. Так, благодаря финансовой поддержке компании Oman Liquefied Natural Gas Company²⁴ было создано две молекулярно-генетические лаборатории. Диагностические лаборатории, исследующие уровень гемоглобина, были созданы в 2006 г., а в 2010 г. был создан Центр молекулярной генетики исследования онкозаболеваний. *Первая национальная программа в сфере генетических исследований* в Омане началась в 1999 г. как Национальная программа по контролю генетических заболеваний крови.

²⁴ Oman Liquefied Natural Gas Company, available at: <http://www.omangng.com/ar/Pages/HOME.aspx> (Accessed 8 September 2019).

Эта программа осуществляется в восьми региональных больницах, в которых проводится генетическое консультирование, добрачный скрининг и проводятся образовательные программы с целью повышения грамотности населения в области генетического здоровья. Специальную поддержку генетическим службам в Омане оказала Всемирная организация здравоохранения, которая в 2006 г. направила консультантов для оценки потребностей генетических услуг и оказание помощи в сфере генетических исследований. Отдельно стоит отметить, что Департамент по этике и исследованиям Оманского научно-исследовательского совета и Министерство здравоохранения был издан указ от 2009 г. о проведении генетического исследования в стране с января 2009 года по март 2012 г., а в качестве руководящих принципов были взяты стандарты, выработанные международными организациями, а также исламских этическим конгрессом.

В *Ираке* органом исполнительной власти в сфере проведения генетических исследований является Министерство высшего образования и научных исследований Республики Ирак, по решению которого был открыт Центр генетики и исследования рака²⁵. Нормативно исследование ДНК в настоящее время не урегулировано каким-либо актом.

ИТОГИ

В настоящее время в ближневосточном регионе наблюдается различный подход к регулировке геномики и смежных с нею сфер. С учетом религиозной ориентации государств значительное внимание уделяется этическим регуляторам в отношении геномики (человека, животных, растений, т.е. всего живого), исходя из которых постепенно вырисовываются очертания правовых норм. Руководящими принципами в сфере этико-правового регулирования генетических исследований выступают такие: «как и все аспекты знания, медицинские знания являются частью знания Всевышнего, который учил человека тому, что человек никогда не знал...», «...изучение медицины влечет за собой раскрытие Божьих знамений в Его творении...», «...медицинская практика приносит Божью милость Его подданным...». Данные правила выступают базисом для всех исламских государств в законодательной и правоприменительной практике арабских стран по правовому регулированию геномных исследований и применению их результатов.

Проведение ДНК-тестов с позиций исламского вероучения допустимо, равно как и проведение генетических исследований на определение генетических заболеваний и проведение экстракорпорального оплодотворения, но возможно лишь в отдельных случаях, которые допустимы с позиций ислама. С учетом того, что до сих пор в государствах арабского Востока соблюдается

²⁵ Iraqi Center for Genetics and Cancer Research, available at: https://www.uomustansiriyah.edu.iq/center.php?id_dept=96 (Accessed 8 September 2019).

обычай заключения кровных браков, невзирая на коранический запрет совершения таковых и пропаганду врачей о недопустимости заключения таких браков, в одних ближневосточных странах в качестве рекомендаций брачующимся предлагается сделать до брака генетический тест на определение возможности иметь здоровых детей в совместном браке, а в некоторых странах это выступает обязательством для лиц, вступающих в брак.

Рассматривая ближневосточный регион в целом, усматривается следующая тенденция: в одних странах Востока уже введены в действие или же ведутся работы над комплексными законами в сфере генетики, в некоторых государствах вопросам геномики уделяется внимание в правовых актах органов исполнительной власти, а в некоторых — разработаны локальные акты ведущих медицинских центров. Также выделяется ряд восточных стран, в законодательстве которых некоторые аспекты правового регулирования генетических исследований выступают в качестве законодательных новелл сферы здравоохранения, безопасности населения. В наиболее экономически благополучных ближневосточных государствах вопросы генетики являются одними из приоритетных задач государства, в частности, уже сейчас действуют национальные стратегические программы развития стран с учетом использования современных методов секвенирования генома, биоинформатики и методов валидации.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК / REFERENCES

- Abou-Zeid, A., Silverman, H., Shehata, M., Shams, M., Elshabrawy, M., Hifnawy, T., et al. (2010) Collection, storage and use of blood samples for future research: Views of Egyptian patients expressed in a cross-sectional survey. *Journal of Medical Ethics.* 36 (9), 539–547.
- Al Hosani, H., Czeizel, A.E. (1996) Unique demographic situation in the United Arab Emirates. *Am. J. Med. Genet.* 61 (1). DOI: 10.1002/ajmg.1320610102, available at: <https://online-library.wiley.com/doi/epdf/10.1002/ajmg.1320610102> (Accessed 1 September 2019).
- Al Talabani, J., Shubbar, A.I., Mustafa, K.E. (1998) Major congenital malformations in United Arab Emirates (UAE): need for genetic counselling. *Ann. Hum. Genet.* No 62. 411–418.
- Ar Abdallah, S., Al Khitamy, and A. Binsumeit (2001) “Bioethics for Clinicians: 21 Islamic Ethics”. *Canadian Medical Association Journal.* Vol. 164 (1), 60–63.
- Benatar, S.R. (2004) Towards progress in resolving dilemmas in international research ethics. *Journal of Law, Medicine and Ethics.* 32 (4), 574–582. DOI: 10.1111/j.1748-720X.2004.tb01963.x.
- Banihashemi, K. (2019) Iranian human genome project: Overview of a research process among Iranian ethnicities Department of Medical Sciences, Great Persian Encyclopedia Foundation, Ministry of Science, Research and Technology, Tajrish, P.O. Box 19615-866, Tehran, Iran. 88–92, DOI: 10.4103/0971-6866.60182.
- El-Dessouky, H.F., Abdel-Aziz, A.M., Ibrahim, C., Moni, M., Abul Fadl, R., Silverman, H. (2011) Knowledge, awareness, and attitudes about research ethics among dental faculty in the Middle East: A pilot study. *International Journal of Dentistry.* Vol. 2011, 1–13. DOI: 10.1155/2011/694759.
- El-Hazmi, M.A.F., Warsy, A.S. (1996) Genetic disorders among Arab populations. *Saudi Med. J.* No 17. 108–123.

- Hidoya (2010) Comments of the Muslim Law: in 2 parts. Part 1. Translate from English; under the editorship of N.I. Grodekov; open ed., ed. foreword, entry Art. and scientific. comm prof. O.H. Saidov. Moscow: Volters Kluver Publ. (in Russian).
Хидоя. Комментарии мусульманского права: в 2 ч-х. Ч. 1. Т. 1-2 / пер. с англ.; под ред. Н.И. Гродекова; отв. ред., авт. предисл., вступ. ст. и науч. комм. проф. А.Х. Саидов. М.: Волтерс Клувер, 2010. 807 с.
- Hyder, A.A., Wali, S.A., Khan, A.N., Teoh, N.B., Kass, N.E., Dawson, L. (2004) Ethical review of health research: A perspective from developing country researchers. *Journal of Medical Ethics*. 30 (1). 68–72.
- Inkeles, A. (1969) Making Men Modern: On the Causes and Consequences of Individual Change in Six Developing Countries. *American Journal of Sociology*. Vol. 75, No. 2. 208–225, available at: <https://www.jstor.org/stable/2776103?origin=JSTOR-pdf&seq=1/subjects> (Accessed 15 September 2019).
- Islam: Entsiklopedicheskiy slovar' [Islam: Encyclopedic dictionary] (1991). Moscow: Nauka. The main edition of oriental literature Publ. (in Russian).
Ислам: Энциклопедический словарь. М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1991. 315 с.
- Kandeel, N., El-Nemer, A., Ali, N.M., Kassem, H., El-Setouhy, M., Elgharieb, M.E., et al. (2011) A multicenter study of the awareness and attitudes of Egyptian faculty towards research ethics: A pilot study. *Journal of Empirical Research on Human Research Ethics*. 6 (4). 99–108. DOI: 10.1525/jer.2011.6.4.99.
- Kirigia, J.M., Wambebe, C., Baba-Moussa, A. (2005) Status of national research bioethics committees in the WHO African region. *BMC Medical Ethics*. 6 (10). DOI: 10.1186/1472-6939-6-10, available at: <http://www.biomedcentral.com/1472-6939/6/10> (Accessed 15 September 2019).
- Khlat, M., Halabi, S., Khudr, A., Der Kaloustian, V.M. (1986) Perception of consanguineous marriages and their genetic effects among a sample of couples from Beirut. *Am. J. Med. Genet*. No 25. 299–306.
- Moodley, K., Myer, L. (2007) Health research ethics committees in South Africa 12 years into democracy. *BMC Medical Ethics*. No 8. 1–8. DOI: 10.1186/1472-6939-8-1.
- Monies, D., Abouelhoda, M., AlSayed, M., Alhassnanm, Z., Alotaibi, M. and other (2017). The landscape of genetic diseases in Saudi Arabia based on the first 1000 diagnostic panels and exomes. *Hum Genet*. 136 (8). 921–939, available at: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC5502059/> (Accessed 2 September 2019).
- Osmanov, M.-N.O. (2011) Koran. Pervod s arabskogo i komentarii Osmanova M.-N.O. [Holy Quran. Translation from Arabic language and comments by M.-N.O. Osmanov]. Saint-Petersburg: Publishing house “Dilya” Publ. (in Russian).
Коран. Перевод с арабского и комментарии М.-Н.О. Османова. СПб.: Издательство «Диля», 2011. 976 с.
- Rashad, A.M., Phipps, F.M., Haith-Cooper, M. (2004) Obtaining informed consent in an Egyptian research study. *Nursing Ethics*. 11 (4). 394–399.
- Tadmouri, G.O. (2004) Biomedical science journals in the Arab world. *Saudi Med. J*. No 25. 1331–1336.
- Tadmouri, G.O., Bissar-Tadmouri, N. (2003) Biomedical publications in an unstable region: the Arab world, 1988–2002. *Lancet*. 362 (9397):1766. DOI: 10.1016/S0140-6736(03)14868-4.
- Van den Berg, L.V.S. (2005) Osnovnyye nachala musul'manskogo prava soglasno ucheniyu imamov Abu Khanify i Shafii. [The main principles of Islamic law according to the teachings of the imams Abu Hanifa and Shafi'a]. Moscow: Natalis Publ. (in Russian).

Ван ден Берг Л.В.С. Основные начала мусульманского права согласно учению имамов Абу Ханифы и Аш-Шафии. М.: Наталис, 2005. 240 с.

Vlasenko, N.A., Novikova, R.G. (2018) Contemporary differentiation of the legal profession. Legal science and practice: Journal of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2 (42). 346–348. (in Russian).

Власенко Н.А., Новикова Р.Г. Дифференциация юридической профессии — актуальная задача современности. Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2018. № 2 (42). С. 346–348.

Об авторе:

Новикова Рамиля Галимовна — кандидат юридических наук, эксперт Центра религиозно-правовых исследований, отделение «мусульманское право», Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, доцент кафедры теории и истории государства и права, юридический факультет, Московский университет имени С.Ю. Витте, Советник юстиции 3-го класса

ORCID ID: 0000-0002-7192-082X; SPIN: 8764-5169

e-mail: rgnovikova@mail.ru

Для цитирования:

Новикова Р.Г. Ислам и генетика: вопросы религии, этики и права // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. 2019. Т. 23 № 4. С. 565–585. DOI: 10.22363/2313-2337-2019-23-4-565-585.

Дата поступления в редакцию: 08 октября 2019 г.

Дата принятия к печати: 15 октября 2019 г.

Research Article

ISLAM AND GENETICS: RELIGIOUS, ETHICAL AND LEGAL ISSUES

Ramilya G. Novikova

Lomonosov Moscow State University
Center for religious and legal studies, Islamic law Department
bldg. 13, 1 Leninskie Gory, 119991, Moscow, Russia

Moscow Witte University
12, 2-nd Kozhukhovsky proezd, 115432, Moscow, Russia

The rapid development and achievements of science and technology provides people to improve their lives. Over the past 10 years, genetic researches have grown significantly. Today they are the subject of debate not only by doctors, lawyers, but also theologians.

Currently, legislation of countries in Middle East regulates genomics and genetic research differently. Countries are having orient towards religion and therefore pay more attention in these countries to the ethical regulators of Islam besides only legal regulation of genomics (humans, animals, plants, i.e. all living things). Ethical standards are gradually becoming legal norms. In some countries of the Middle East, there are draft laws on the legal regulation of genetics; in some countries given attention in the legal acts of executive authorities in genomics sphere, and in some, have been developed lo-

cal acts of leading medical centers. A number of eastern countries are also highlighted, in the legislation of which some aspects of the legal regulation of genetic research act as legislative novels. In the most economically developed Middle Eastern countries, genetics is one of the priority programs of the state, in particular, there are national strategic programs for the development of countries already use of modern methods of genome sequencing, bioinformatics, and validation methods. Many Middle Eastern countries have ratified international acts in genetic research and on issues related to their regulation.

In addition, Islamic states have developed an independent concept of genomics regulation, taking into account the attitudes of the fundamental sources of Islamic law.

Based on the read material of the article, the reader learns about the legal, ethical and legal regulation in the field of genomics of Middle Eastern Islamic states.

Key words: genetics, genetic research, Islam, Islamic law, genetics and sharia, Arab states, genetics and Islam

Funding information. This work was supported by the RFBR grant № 18-29-14100: «Status and perspectives of the legal and self-regulation of genomic research: national, foreign and international law».

About author:

Ramilya G. Novikova — Candidate of Legal Sciences, Expert of the Center for religious and legal studies, Islamic law Department, Lomonosov Moscow State University, Associate Professor of the Department of Theory and History of State and Law of Moscow Witte University

ORCID ID: 0000-0002-7192-082X; SPIN: 8764-5169

e-mail: rgnovikova@mail.ru

For citation:

Novikova, R.G. (2019) Islam and genetics: religious, ethical and legal issues. *RUDN Journal of Law*. 23 (4), pp. 565–585. DOI: 10.22363/2313-2337-2019-23-4-565-585.

Article received October 08, 2019

Article accepted October 15, 2019

ПРОЦЕССУАЛЬНОЕ ПРАВО

PROCEDURAL LAW

DOI: 10.22363/2313-2337-2019-23-4-586-601

Научная статья

ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ГРАЖДАНСКОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕСПУБЛИКИ ВЬЕТНАМ

Е.П. Русакова¹

Российский университет дружбы народов
117198, Москва, Россия, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

Активное реформирование экономики и правовой системы во Вьетнаме является следствием эффективной политики государства. За последние 30 лет был сделан серьезный экономический скачок, который помог добиться осязаемого результата — снижение бедности населения. Экономическая ситуация демонстрирует постоянный рост. После увеличения на 6,8 процента в 2017 году статистические данные указывают, что рост ВВП ускорился до 7,1 процента в 2018 году. Вьетнам стал первым государством, с которым Евразийский экономический союз (ЕАЭС) заключил Соглашение о свободной торговле (подписано 29 мая 2015 года, вступило в силу 5 октября 2016 года). Эффективным инструментом продвижения инвестиционного взаимодействия служит Российско-Вьетнамская Рабочая группа высокого уровня по приоритетным инвестиционным проектам под председательством министров промышленности и торговли². Постоянный рост экономического сотрудничества двух стран делает необходимым выработку механизмов для разрешения споров (Fedorov, 2018:68; Bel'skaya, 2018:173–179).

Многообразие экономических отношений приводит к возникновению споров, которые требуют выработки эффективных способов их разрешения. Судебный метод защиты права является наиболее универсальным (Mai-Thanh, Tien-Duc, 2017:9–25), и, следовательно, первым был подвергнут преобразованию. Принятие «Стратегии судебной реформы до 2020 года» повлекло ряд существенных изменений.

¹ © Русакова Е.П., 2019.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0>

² См.: Межгосударственные отношения России и Вьетнама. Официальный сайт РИА Новости, available at: <https://ria.ru/20170629/1497296695.html>. (Accessed 25 May 2019).

В настоящей статье автор исследовал основные источники гражданского процесса, проанализировал основные правовые принципы гражданского судопроизводства. Выявлено изменение правовой системы Вьетнама, в которой особую роль занимают разъяснения Верховного Народного суда как источника права.

Ключевые слова: судебная реформа, принципы, источники, судопроизводство, Народный Верховный суд, судебное решение

Финансовая поддержка: Исследование подготовлено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 17-03-00093-ОГН-2 «Порядок разрешения финансовых споров в странах АТР» (науч. рук. — Е.Е. Фролова).

ВВЕДЕНИЕ

В июне 2005 года Политбюро Коммунистической партии Вьетнама 49-NQ/TW приняло решение, в котором была закреплена «Стратегия судебной реформы до 2020 года»³. Это связано с тем, что несмотря на постоянное внимание властей гражданскому законодательству и судебному разбирательству, их качество имело много недостатков. Главными являлись: отсталость от мировых тенденций в судопроизводстве, низкий уровень профессиональной подготовки сотрудников, устаревшая инфраструктура судов (Hoang, 2017:416).

Поэтому принятие стратегии включало выполнение ряда задач:

- совершенствование гражданского законодательства и процедуры;
- проведение четкого различия между административным аппаратом и судами, их юрисдикцией в судебном разбирательстве, путем расширения полномочий и ответственности, а также повышение их независимости и подотчетности в принятии судебных решений;
- совершенствование процедур обжалования и повторного пересмотра решений за счет закрепления перечня оснований;
- разработка и внедрение упрощенных и сокращенных процедур рассмотрения споров;
- создание и развитие организационно-правовой структуры судебных органов;
- совершенствование институтов судебной защиты;
- создание этического, здорового и сильного корпуса судейского и вспомогательного персонала;
- укрепление международного сотрудничества в судебной сфере;
- создание инфраструктуры для обеспечения доступности судебной защиты.

Законодательное закрепление данных задач в 2005 году не привело к быстрым реформистским шагам, это связано с низким уровнем экономического развития страны, ее отставанием от многих других стран (Nguyen, 2015:361–

³ См.: MA. Nguyen Hai Ninh. Reform of justice in Vietnam — overview of results and experiences, available at: <https://www.aseanlawassociation.org/10GAdocs/Vietnam5-1.pdf>. (Accessed 26 May 2019).

363). Кроме того, любые реформы судебной системы и законодательства требуют серьезных финансовых затрат (Ермакова, 2018:192).

Стремление к увеличению экономических связей привело к усложнению общественных отношений, осложненных иностранным элементом. Многообразии международных связей порождает большое число споров, которые необходимо разрешать. Универсальным способом их рассмотрения является судебный. Однако отстающее законодательство не гарантирует сторонам получение эффективной защиты права.

СУДЕБНАЯ СИСТЕМА И ОСНОВНЫЕ ИСТОЧНИКИ ГРАЖДАНСКОГО ПРОЦЕССА

Правосудие во Вьетнаме осуществляется народными судами, призванными защищать права человека, социалистический строй, интересы государства, законные права и интересы организаций и других лиц.

Судебную систему составляют: Верховный Народный суд; Высшие Народные суды; провинциальные, городские народные суды центрального подчинения; уездные, районные, городские народные суды провинциального подчинения; военные суды.

Верховный Народный суд является высшей судебной инстанцией Социалистической Республики Вьетнам (Bektimirova, Lipilina, Mazyrin, Efimova, 2014:65–87), осуществляет функции надзорной и кассационной инстанций по пересмотру вступивших в законную силу судебных постановлений и решений, а именно Совет Верховного Народного Суда. Высшие Народные Суды осуществляют полномочия апелляционной инстанции на решения и приговоры первой инстанции провинциальных, городских народных судов центрального подчинения, которые не вступили в законную силу и на вступившие в законную силу судебные акты полномочия кассационной инстанции. Высшие Народные суды состоят из комитета судей, суда по уголовным делам, суда по гражданским делам, суда по семейным делам и по делам несовершеннолетних, а также вспомогательного органа.

Статья 30 Закона об организации народных судов № 62/2014/QН13⁴ закрепляет возможность создания новых судов, так, по предложению Председателя Верховного Народного суда Постоянный комитет Национального Собрания может принять решение об учреждении любого специализированного суда.

Основным источником гражданского судопроизводства являются законы. Первостепенной является Конституция Социалистической Республики Вьетнам 1992 (в ред. 2013 г.) (далее — СРВ), ряд статей которой закрепляют основные принципы правового государства: статья 16 закрепляет равенство

⁴ Luật Tổ Chức Tòa Án Nhân Dân. Закон об организации Народных Судов, available at: <https://thuvienphapluat.vn/van-ban/Bo-may-hanh-chinh/Luat-to-chuc-Toa-an-nhan-dan-2014-259724.aspx> (Accessed 28 May 2019).

всех перед законом, статья 30 гарантирует каждому право на защиту и получение материальной компенсации, а также восстановление чести и достоинства, статья 31 содержит презумпцию невиновности лица, до тех пор пока не вступит в законную силу приговор суда. Так, лицо, обвиняемое в совершении уголовного преступления, считается невиновным до тех пор, пока его вина не будет доказана в установленном законом порядке и приговор суда не вступит в законную силу, в этой же статье закреплён основной принцип осуществления правосудия независимым и беспристрастным судом, глава 8 посвящена судебной системе и прокуратуре, которая называется «Народные Суды, Народные Прокуратуры».

В Конституции закреплены и получили развитие в отраслевом законодательстве следующие принципы правосудия: законность (ст. 8); осуществление правосудия только судом (ст. 104); коллегиальность рассмотрения дел во всех судах (ст. 104); рассмотрение в суде первой и второй инстанций дел с участием народных заседателей (ст. 103); независимость судей и народных заседателей и подчинение их только закону (ст. 103 и 104); открытое разбирательство дел во всех инстанциях; гласность судопроизводства (ст. 103).

Следующим важным источником является Гражданский процессуальный кодекс 2015 года № 92/2015/QН13, который вступил в силу с 1 июля 2016 года (в котором 63 статьи были сохранены от предыдущего кодекса, изменены и дополнены 350 статей, добавлены 104 статьи, отменены 7 статей)⁵.

Целями принятия кодекса является установление справедливости, защита прав человека, социалистического строя, интересов государства, законных прав и интересов государственных органов, организаций, частных лиц; а также воспитательная⁶.

Гражданский процессуальный кодекс Вьетнама (далее — ГПК) состоит из 10 частей, 42 глав и 517 статей: Первая часть: Общие положения; Вторая часть: Порядок разрешения дел в суде первой инстанции; Третья часть: Порядок разрешения дел в апелляционных судах; Часть четвертая: Разрешение гражданских дел в ускоренном производстве; Часть пятая: Процедуры пересмотра судебных решений и постановлений, вступивших в законную силу; Часть шестая: Виды производств; Часть седьмая: Порядок признания и исполнения иностранных судебных и арбитражных решений; Часть восьмая: Порядок разрешения гражданских дел с участием иностранных лиц; Часть девятая: Исполнение гражданских судебных и арбитражных решений; Часть десятая: Порядок рассмотрения различных актов, препятствующих гражданскому судопроизводству, жалоб и обвинений.

⁵ Новые пункты Гражданско-процессуального кодекса 2015 года, available at: <https://thukyluat.vn/news/phan-tich-chinh-sach/nhung-diem-moi-cua-bo-luat-to-tung-dan-su-2015-19274.html> (Accessed 17 May 2019).

⁶ The Civil Procedure Code of the Socialist Republic of Vietnam, available at: <https://www.wipo.int/edocs/lexdocs/laws/en/vn/vn083en.pdf> (Accessed 26 May 2019).

Помимо установления новых принципов гражданского процесса (Bui Thi, Lien, 2013:256–593) гражданский процессуальный кодекс впервые закрепил иную форму подачи искового заявления посредством информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» на официальном сайте суда. Однако пока говорить о повсеместном использовании данной формы рано из-за отсутствия технологического оснащения. С 2017 года только Верховный Народный суд начал публиковать некоторые судебные решения в Интернете.

Впервые 8 Глава ГПК Вьетнама посвящена упрощенному производству, которое может применяться при рассмотрении дела в первой инстанции и апелляционном производстве⁷. В статье 317 ГПК закреплены условия, при которых дело может быть рассмотрено в упрощенном порядке: а) стороны признали свои обязательства, спор носит несложный характер, достаточно доказательств для вынесения решения; б) известен адрес и местонахождение сторон; в) если ни одна из сторон не проживает за границей, и спорное имущество не находится за рубежом, за исключением если между сторонами достигнуто соглашение о рассмотрении спора в порядке упрощенного производства или стороны представили правоустанавливающие документы на имущество и соглашение, разрешающее спор.

Кроме того, в соответствии со статьей 194 ГПК Вьетнама был увеличен срок на подачу жалобы на возврат искового заявления с трех дней до десяти дней. Долгое время это являлось проблемой для реализации своего права на судебную защиту путем подачи процессуальных документов в суд.

Источниками гражданского процессуального права являются и иные кодифицированные акты, регулирующие преимущественно материально-правовые отношения (Eliseev, 2000:29). Например, ряд процессуальных норм содержится в Гражданском кодексе, Жилищном кодексе, Трудовом кодексе и других законах.

Так, Гражданский кодекс 2010 года предусматривает последствия несоблюдения формы сделок, институт эмансипации, вопросы правоспособности и дееспособности; Земельный кодекс 2014 года содержит нормы, применяемые судом при рассмотрении и разрешении земельных споров; Закон о браке и семье 2015 года регулирует вопросы установления отцовства, признания брака недействительным, лишения родительских прав; Трудовой кодекс 2012 года закрепляет порядок рассмотрения трудовых споров, например, в соответствии со статьей 51 инспекция труда лишилась права признавать трудовой договор недействительным, теперь только народные суды имеют право признавать недействительными трудовые договоры.

⁷ Новые пункты Гражданско-процессуального кодекса 2015 года, available at: <https://thukyluat.vn/news/phan-tich-chinh-sach/nhung-diem-moi-cua-bo-luat-to-tung-dan-su-2015-19274.html> (Accessed 28 May 2019).

Процессуальные нормы могут содержаться и в других законах. Это, например, Закон об организации народных прокуратур 63/2014/QН13, принят 24/11/2014, регулирует вопросы, связанные с участием прокурора в гражданском судопроизводстве.

К источникам гражданского процессуального права относятся международные правовые акты Вьетнама (например, Конвенция по вопросам гражданского процесса 1954 г., а также Протокол к договору между Российской Федерацией и Социалистической Республикой Вьетнам о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским и уголовным делам от 25 августа 1998 г.).

Конституция Вьетнама закрепляет, что общепризнанные принципы и нормы международных договоров входят в правовую систему Вьетнама. Статья 2 ГПК Вьетнама конкретизирует это положение: «Если международным договором Вьетнама установлены иные правила гражданского судопроизводства, чем те, которые предусмотрены законом, применяются правила международного договора».

Сфера применения гражданского процессуального законодательства Вьетнама ограничивается территорией, на которую распространяется суверенитет Вьетнама. Гражданские процессуальные нормы имеют обязательную силу для всех лиц, находящихся на территории Вьетнама. На отношения с участием иностранных граждан, лиц без гражданства, иностранных или международных организаций гражданское процессуальное законодательство распространяется в соответствии с правилами, установленными раздел 8 гл. 39 ГПК Вьетнама.

Необходимо отметить Закон 80/2015/QН13 об обнародовании нормативных актов 2015 года, который в статье 4 закрепил, что принятые Верховным Народным судом разъяснения являются источником права наряду с законами, декретами, постановлениями и другими актами, что совсем не свойственно для стран, где основным источником права является закон.

ПРИНЦИПЫ ГРАЖДАНСКОГО ПРОЦЕССА

Основные принципы гражданского судопроизводства закреплены в разделе 2 главы 1 ГПК, которая так и называется «Основные принципы». Согласно законодательству под принципами понимаются основополагающие идеи, положения, руководящие начала по вопросам осуществления судопроизводства по гражданским делам, закрепленные и раскрытые в нормах гражданского процессуального права. Всего содержится 23 основных принципа, некоторые из которых появились исключительно в данном кодексе.

Основным принципом является обязанность соблюдения социалистического законодательства в гражданском судопроизводстве, который означает, что деятельность судебных органов, председательствующих лиц, участников гражданского процесса и других лиц, а также учреждений и организаций в гражданском процессе должна соответствовать положениям ГПК.

Иными словами, речь идет о соблюдении принципа законности, согласно которому весь гражданский процесс урегулирован нормами Гражданского процессуального кодекса и другими законами.

Долгое время в социалистическом Вьетнаме было неправильным подвергать сомнению действия государственных или иных органов, а следовательно, обращаться в суд за защитой, например, по делам из публичных правоотношений, поэтому теперь эта возможность закреплена законодательно, право обращаться в суд за защитой законных прав и интересов. Данный принцип гарантирует всем лицам право на судебную защиту (возможность подавать иски и требовать их рассмотрения путем вынесения судебного решения). Но главное в этом принципе — вторая часть, согласно которой суды не должны отказывать в рассмотрении гражданского дела по той причине, что нет конкретной нормы, регулирующей данные общественные отношения.

Суд должен исходить из того, что если нет конкретной нормы, но гражданский спор существует, то он подпадает под действие норм Гражданского кодекса Вьетнама и, следовательно, должен быть разрешен в соответствии с Гражданским кодексом и Гражданским процессуальным кодексом.

Появление данного принципа делает судебное разбирательство более эффективным, так как судья не сможет отнестись к спору формально, а должен будет исследовать все обстоятельства дела, уточнить правовые позиции сторон и вынести судебное решение на основании норм закона.

Право сторон на совершение процессуальных действий и самоопределение в процессе является принципом, в соответствии с которым заинтересованные стороны вправе решать, подавать ли гражданские иски, заявления в суды, а те в свою очередь принимают иски от этих лиц и разрешают их согласно заявленным требованиям. При рассмотрении гражданского дела стороны вправе изменить иски, отказаться от иска и заключить мировое соглашение, если оно не противоречит законодательству и социалистической этике. Если проводить сравнение с принципами российского гражданского процесса, то речь идет о принципе диспозитивности.

Одним из важных принципов является право представлять доказательства и участвовать в доказывании в гражданском процессе. Так, всем лицам, участвующим в деле и выступающим в защиту своих прав и интересов или других лиц, предоставляется право и вменяется обязанность представлять доказательства, заявлять ходатайства в суде, обосновывая свои требования и их законность, а суд в свою очередь должен содействовать в их сборе, истребовании и проверке. Новым в этом принципе является установление обязанности представлять доказательства.

Долгое время существовала проблема в своевременном получении необходимой информации в гражданском судопроизводстве, чем зачастую затягивались сроки, поэтому появился принцип ответственности компетентных лиц, учреждений и организаций за предоставление материалов и доказательств в процессе, который означает, что все учреждения, организации и частные лица

в пределах своей компетенции обязаны предоставить все материалы и доказательства участвующим в деле лицам, суду, народной прокуратуре, находящимся в их распоряжении или под их управлением, в достаточном объеме и своевременно, по ходатайству заинтересованных лиц, и нести юридическую ответственность за вручение этих материалов и доказательств; а в случае, если они не могут это сделать, обязаны направить письменное уведомление, содержащее объяснение, в адрес этих лиц.

Кроме того, закреплён принцип участия государственных органов, организаций и частных лиц в гражданском процессе, согласно которому государственные органы, организации и частные лица имеют право и обязаны участвовать в гражданском процессе, способствуя законному и оперативному разрешению дел в судах.

В процессуальном законодательстве закреплён конституционный принцип равенства прав и обязанностей участников в гражданском судопроизводстве, который гарантирует, что все люди равны перед законом независимо от их этнической принадлежности, вероисповедания, образования, профессии и социального уровня. Аналогичный подход установлен в отношении всех лиц, участвующих в процессе, причем ответственность за создание равных условий несет суд.

Одним из социально значимых принципов является обеспечение лицам, участвующим в деле, их права на защиту лично или через представителя, согласно данному принципу все заинтересованные лица имеют право защищать свои законные права и интересы лично или посредством участия адвокатов, а также других лиц, которые удовлетворяют требованиям, закрепленным в законе, а ответственность за реализацию этого права возложена на суды. Государство обязано предоставить помощника по правовым вопросам некоторым категориям лиц, указанных в законе, для осуществления ими права на судебную защиту своих законных прав и интересов.

В социалистическом Вьетнаме, как и в других странах мира, законодательно закрепляется внедрение процедуры медиации в гражданский процесс, поэтому появился принцип осуществления медиации в гражданском судопроизводстве, согласно которому суды несут ответственность за применение процедуры медиации и создание благоприятных условий для сторон в достижении соглашения по разрешению гражданского дела.

Это один из новых принципов, появившихся в процессуальном законодательстве Вьетнама, отражает современные тенденции его реформирования. Главным является закрепление ответственности судьи за проведение медиации, так как только таким образом может быть достигнута эффективность данной процедуры, поскольку суды зачастую пренебрегают обязанностью предложить сторонам воспользоваться ею. Для социалистического Вьетнама эта процедура может быть более востребованной (Nguyen, Tegamachi, 2012:32–45), чем судебное разбирательство, так как это серьезно удешевит процедуру разрешения спора.

Сохранился в новом законодательстве принцип участия народных заседателей в гражданском деле, в соответствии с которым, при рассмотрении дел по первой инстанции в процессе участвуют народные заседатели, за исключением упрощенного производства, причем в ходе вынесения решения компетенция народных заседателей одинакова с судьями.

Участие в рассмотрении дел непрофессиональных судей, так называемый народный элемент, обеспечивает более всесторонний подход к делу, а не только профессиональный. Следовательно, можно констатировать наличие принципа коллегиальности рассмотрения дела. Суд рассматривает гражданские дела коллегиально и принимает решения большинством голосов, за исключением упрощенного производства.

В гражданском процессуальном кодексе закреплены два взаимосвязанных принципа: независимости и ответственности судей, народных заседателей и должностных лиц, вовлеченных в процесс. Принцип независимости судей и народных заседателей означает, что при рассмотрении гражданских дел судьи и народные заседатели независимы и руководствуются только законами. Любые действия, препятствующие деятельности судей и народных заседателей, строго запрещены законом. Принцип ответственности судебных органов и должностных лиц в гражданском процессе означает, что судьи и сотрудники судов должны уважать и подчиняться людям. Судьи несут ответственность за защиту справедливости, прав человека, гражданских прав, социалистического режима, интересов государства, законных прав и интересов организаций и отдельных лиц (Frolova, Inshakova, Dolinskaya, 2019:101–108). Прокуратура должна способствовать обеспечению строгого и последовательного соблюдения закона. Судебные органы и должностные лица должны хранить государственную тайну и другие виды тайн, ставшие им известными входе процесса, сохранять национальные обычаи, защищать права и интересы несовершеннолетних лиц. Должностные лица несут юридическую ответственность за выполнение своих задач и полномочий, а в случае нарушения закона, в зависимости от характера и серьезности, будут подвергнуты дисциплинарному взысканию, вплоть до уголовной ответственности. Кроме того, если будет доказано, что в результате таких действий был причинен ущерб, то потерпевшая сторона получит компенсацию от государственного органа.

В отличие от других форм защиты права для судебной характерен принцип быстрого и открытого судебного разбирательства, который означает, что гражданский процесс должен проводиться своевременно и в сроки, установленные законом, а также по общему правилу должен быть публичным, за исключением случаев, предусмотренных законом.

Отдельным принципом выделено обеспечение беспристрастности и объективности в гражданском процессе, согласно которому председатель суда, судьи, народные заседатели, омбудсмены, судебные секретари, прокуроры, инспекторы, переводчики, эксперты-свидетели и другие лица должны выполнять свои задачи и осуществлять свои полномочия беспристрастно, а назначение су-

дей должно обеспечить условия для беспристрастного и объективного выполнения своих задач и полномочий.

Касаемо процедуры пересмотра судебных решений, во Вьетнаме, как и в других азиатских странах, характерно соблюдение двухуровневого судебного разбирательства, которое предполагает наличие возможности обжаловать решения и определения первой инстанции в апелляционном порядке, в течение срока, установленного в законе, по истечении которого данные судебные акты вступают в законную силу. Если срок на апелляционное обжалование истек, но есть основания предполагать, что существуют нарушения закона или новые обстоятельства, то решения и определения могут быть обжалованы в кассационном порядке или по вновь открывшимся обстоятельствам.

Это новый процессуальный принцип, который закрепляет право на обжалование судебного акта, причем апелляция рассматривается как обязательная стадия процесса, а если срок пропущен, то у сторон есть возможность подать кассационную жалобу. Кроме того, если в деле появятся новые обстоятельства, то решение можно пересмотреть по новым обстоятельствам. В Гражданском процессуальном кодексе определены все кассационные инстанции в гражданском судопроизводстве. Так, Верховный Народный суд является кассационной инстанцией на решения и постановления всех судов; Провинциальные народные суды — на решения народных районных судов.

Кроме того, участникам гарантируется право на подачу жалоб и претензий в гражданском процессе, так органы, организации и отдельные лица имеют право подавать жалобы на действия/бездействие должностных лиц судебных и иных органов, учреждений, организаций, отдельных лиц, участвующих в гражданском процессе. Компетентные органы, организации или частные лица должны принять и рассмотреть жалобы и претензии, письменно уведомив заявителей о результатах.

Участникам гражданского процесса гарантируется обеспечение исполнения судебных решений и определений, согласно данному принципу все вступившие в законную силу судебные акты должны строго соблюдаться всеми учреждениями, организациями и частными лицами, а лица, в чью компетенцию входит обеспечение их, несут ответственность за реализацию этой задачи. Суды могут обращаться в компетентные органы с ходатайством об уведомлении их о ходе и результатах производства, а те в свою очередь обязаны ответить на этот запрос.

Производство в гражданском процессе как устно, так и письменно осуществляется на вьетнамском языке. Лицам, являющимся представителями других этнических групп предоставляется переводчик.

Надзор за соблюдением законности в гражданском процессе осуществляет прокуратура, которая вправе участвовать на всех стадиях процесса: от подачи заявления в суд первой инстанции до жалобы в вышестоящие судебные инстанции, в целях обеспечения законного и своевременного разрешения гражданских дел. Прокуратура участвует в процессе по делам, касающимся государ-

ственной собственности, интересов государства, землепользования, жилища, а также когда стороной в деле являются несовершеннолетние, недееспособные или с ограниченными возможностями лица.

В Гражданском процессуальном кодексе закреплена ответственность судов за направление судебных актов участникам процесса, согласно данному принципу суды обязаны надлежащим образом уведомлять стороны и других лиц, участвующих в деле, о вынесенных решениях. Кроме того, этот процесс осуществляется под контролем самого суда.

Особенностью процессуальных принципов является соотношение принципов устности и непосредственности в один, так суды должны обеспечить лицам, участвующим в деле, реализацию права на участие в устных прениях в судах первой, апелляционной, кассационной инстанциях, а также по вновь открывшимся обстоятельствам. В ходе вынесения решения каждое доказательство должно быть исследовано всесторонне и публично, за исключением случаев, предусмотренных законом. Суд руководит устными прениями, задает вопросы и выносит решение на основе результатов прений.

Данный принцип гарантирует сторонам, что судебное разбирательство будет длиться до тех пор, пока не будет вынесено судебное решение и оно не вступит в законную силу. Кроме того, процесс установления обстоятельств по делу и позиций сторон зависит от суда, ему отводится активная роль в процессе доказывания. Многие юристы и ученые считают, что это прорыв в судебной деятельности, одно из важных положений и дополнений Гражданского процессуального кодекса 2015 года.

ПРОБЛЕМЫ РЕФОРМИРОВАНИЯ ГРАЖДАНСКОГО ПРОЦЕССА

Процесс реформирования гражданского судопроизводства во Вьетнаме проходит крайне медленно. Низкий уровень жизни граждан Вьетнама, борьба с бедностью делает невозможной реализацию тех задач, которые поставило государство. Проблемы в правосознании общества делают невозможным реализацию права на судебную защиту (Frolova, 2016:36–40). Отсутствие профессиональных кадров также влияет на темпы достижения поставленных задач.

Помимо законодательных изменений судебная реформа предусматривает создание условий для осуществления судьями своих полномочий: предоставление экономических, социальных и правовых гарантий, технического оснащения судов.

Одной из важных проблем социалистического Вьетнама является отсутствие профессиональных кадров, это касается судейского корпуса. Низкий уровень подготовки делает невозможным исполнение прогрессивных задач поставленных перед судами (Burukina, Dudin, Lyasnikov, Frolova, 2019:10030–10039).

Правовые пробелы в законодательстве долгое время лишали стороны возможности получить судебное решение, из-за отсутствия норм закона, которые бы регулировали данные правоотношения. Одним из наиболее важных яв-

ляется принцип соблюдения законодательства социалистического Вьетнама, согласно которому суды не должны отказывать в рассмотрении гражданского дела по той причине, что нет конкретной нормы, регулирующей данные общественные отношения. Следовательно, одним из способов восполнения пробелов в законодательстве является аналогия права.

Большую роль в данном процессе приобрели разъяснения Верховного Народного суда, согласно которым те общественные отношения, которые не урегулированы нормами закона, получают регулирование за счет вынесения судебных разъяснений, которые приобретают огромное значение как для законодательства, так и правоприменения (Brian, J.M. Quinn, 2002). Нужно констатировать, что такой подход не лишен недостатков, так как не гарантирует отсутствие противоречий в регулировании общественных отношений в будущем. Однако можно утверждать, что правовая система социалистического Вьетнама постепенно становится прецедентной.

Внедрение новых процедур рассмотрения споров делает судебное разбирательство более привлекательным: применение процедуры посредничества и упрощенное производство. Но их законодательное закрепление является недостаточным для того, чтобы эти процедуры стали эффективными. Касаемо процедуры посредничества непонятен механизм осуществления данной процедуры, а упрощенное производство возможно только по отдельным категориям дел.

Касаемо внедрения цифровых технологий в гражданский процесс можно с уверенностью говорить, что Вьетнам отстает от большинства стран мира.

Однако появление новых правовых принципов гарантирует, что законодательство Вьетнама постепенно начинает соответствовать мировым трендам гражданского судопроизводства.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Происходящие глобальные изменения общественных отношений привели к необходимости изменения правовых систем во многих странах Азиатско-Тихоокеанского региона (Artemieva, Ermakova, Ivanovskaya, Protopopova, Rusakova, Sitkareva, Frolova, 2019:416). Закон 80/2015/QН13 Вьетнама об обнародовании нормативных актов 2015 года в статье 4 закрепил, что принятые Верховным народным судом разъяснения являются источником права наряду с законами, декретами, постановлениями и другими актами. Очевидна невозможность соответствия нормативных актов существующим общественным отношениям (Hridina, 2017:140).

Одним из важнейших направлений государственной политики стало реформирование судопроизводства и законодательства. Во многие нормативные акты были внесены изменения, а также был принят новый Гражданский процессуальный кодекс 2015 года, который закрепил новые прогрессивные принципы,

способы разрешения споров, изменил подходы к судебному разбирательству, которые долгое время не были характерны для социалистического Вьетнама.

Правовая система Вьетнама сочетает в себе: сохранение социалистических идеалов и внедрение новых современных принципов. Данный процесс проходит очень медленно, несмотря на предпринятые прогрессивные шаги. Социалистический Вьетнам отстает от многих азиатских стран из-за сложной экономической ситуации, долгого нахождения в изоляции. Низкая инвестиционная привлекательность, отсутствие современных правовых институтов, увеличение роли судебной власти тормозит реформирование государства.

Во Вьетнаме 14 января 2019 года вступило в силу преференциальное торговое соглашение в рамках Транстихоокеанского партнерства между 12 странами Азиатско-Тихоокеанского региона, целью которого является снижение тарифных барьеров, а также регулирование внутренних правил в странах-участницах в таких областях, как трудовое право, экология, интеллектуальная собственность и другие, на которое возлагаются большие надежды, поэтому возможны в скором времени серьезные изменения различных сфер, а также такого важного социального института, как суд (Rusakova, 2018:69).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК / REFERENCES

- Artemieva, Yu.A., Ermakova, E.P., Ivanovskaya, N.V., Protopopova, O.V., Rusakova, E.P., Sitkareva, E.V, Frolova, E.E. (2019) Resolution of financial disputes in Asia-pacific countries (Australia, Hong Kong, India, Indonesia, China, Malaysia, New Zealand, Singapore, USA, Thailand, Japan). Frolova E.E., Ermakova E.P. (eds.). Moscow: Infotropic Media Publ. (in Russian).
- Артемяева Ю.А., Ермакова Е.П., Ивановская Н.В., Протопопова О.В., Русакова Е.П., Ситкарева Е.В., Фролова Е.Е.* Разрешение финансовых споров в странах АТР (Австралия, Гонконг, Индия, Индонезия, Китай, Малайзия, Новая Зеландия, Сингапур, США, Таиланд, Япония). Под редакцией проф. Е.Е. Фроловой, проф. Е.П. Ермаковой // Москва: Инфотропик Медиа, 2019. 416 с.
- Bektimirova, N. N., Lipilina, I. N., Mazyrin, V. M., Efimova, L. M. (2014) Politicheskie sistemy stran Yugo-Vostochnoi Azii (uchebnoe posobie) 2-oe izdanie, pererab. i dopolnennoe N. N. Bektimirova, I. N. Lipilina, V. M. Mazyrin, L. M. Efimova [Political systems of the countries of Southeast Asia (study guide) 2nd edition, revised. and supplemented. N.N. Bektimirova, I.N. Lipilina, V.M. Mazyrin, L.M. Efimova]. Moscow: Lenand Publ. (in Russian).
- Бектимирова Н. Н., Липилина И. Н., Мазырин В. М., Ефимова Л. М.* Политические системы стран Юго-Восточной Азии (учебное пособие) 2-ое издание, перераб. и дополненное / Н. Н. Бектимирова, И. Н. Липилина, В. М. Мазырин, Л. М. Ефимова. М.: Ленанд, 2014. 256 с.
- Bel'skaya, Ye.I. (2018) Features of the dispute resolution mechanism under the free trade agreement between the EEU and Vietnam. In the collection: Actual issues of the development of Russian statehood and public rights of the IV All-Russian Scientific and Practical Conference. Trofimov, Ye.V. (ed.). 173–177. (in Russian).
- Бельская Е.И.* Особенности механизма разрешения споров, предусмотренного соглашением о свободной торговле между ЕАЭС и Вьетнамом. В сборни-

- ке: Актуальные вопросы развития российской государственности и публичного права материалы IV всероссийской научно-практической конференции. Ответственный редактор Е.В. Трофимов. 2018. С. 173–177.
- Burukina, O.A., Dudin, M.N., Lyasnikov, N.V., Frolova, E.E. (2019) Interrelation Between the University's Social Responsibility and Sustainability. 11th International conference on education and new learning technologies, Palma, Spain. Edulearn Proceedings: IATED Publ. 10030-10039. DOI: 10.21125/edulearn.2019.2509.
- Brian, J.M. Quinn (2002) Legal Reform and its Context in Vietnam. *Columbia Journal of Asian Law*, 15(2), available at: <https://journals.library.columbia.edu/index.php/cjal/article/view/3211> (Accessed 26 May 2019).
- Bui Thi Bich, Lien (2013) Arbitration in Vietnam, *International Commercial Arbitration in Asia*, Chapter 15, 569–593.
- Dudin, M.N., Shakhov, O.F., Shakhova, M.S., Rusakova, E.P., Sizova, Yu.S. (2019) Digital Technologies as a Driver of Intellectual Stratification of Human Resources: Socio-Economic Inequality. *International Journal of Recent Technology and Engineering*. 8 (2). 4436-4440. DOI: 10.35940/ijrte.B3333.078219
- Eliseev, N.G. (2000) Civil procedural law of foreign countries: sources, judicial system, jurisdiction: textbook. Allowance. Tutorial. N.G. Eliseev; MGIMO (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation; Issled. private law center. Moscow: Statut Publ. (in Russian).
Елисеев Н.Г. Гражданское процессуальное право зарубежных стран: источники, судоустройство, подсудность: учеб. пособие / Н. Г. Елисеев ; МГИМО(У) МИД РФ ; Исслед. центр частного права. М.: Статут, 2000. 270 с.
- Ermakova, E.P. (2018) Reforms of civil justice, arbitration and mediation in foreign countries 2014-2018 (Australia, England, Germany, Canada, USA, France). Infotropic Media Publ. (in Russian).
Ермакова Е.П. Реформы гражданского судопроизводства, арбитража и медиации в зарубежных странах 2014-2018 гг. (Австралия, Англия, Германия, Канада, США, Франция). Инфотропик Медиа, 2018. 192 с.
- Fedorov, N.V. (2018) New Policy towards Vietnam? State Administration of the Russian Federation and a Realization of the Free Trade Agreement between the EAEU and Vietnam. *Public Administration Issues, Special Issue (electronic edition), No 5*, 68–79. DOI: 10.17323/1999-5431-2018-0-5-68-79. (in Russian).
Федоров Н.В. Новая политика в отношении Вьетнама? Государственная администрация Российской Федерации и реализация Соглашения о свободной торговле между ЕАЭС и Вьетнамом. Вопросы государственного и муниципального управления, специальный выпуск (электронное издание), 2018. № 5. С. 68–79. DOI: 10.17323/1999-5431-2018-0-5-68-79.
- Frolova, E.E. (2016) To a question of legal regulation of formation of Civil Society. *RUDN Journal of Law*. (1), 36–40.
Фролова Е.Е. К вопросу правового обеспечения формирования гражданского общества. Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. 2016. №1. С. 36–40.
- Frolova, E.E., Inshakova, A.O., Dolinskaya, V.V. (2019) The Concept and Legal Framework for Judging Corporate Conflicts on the us Financial Market. "Conflict-Free" Socio-Economic Systems: Perspectives and Contradictions Bingley, West Yorkshire Bingley, West Yorkshire, Emerald Group Publishing Limited Publ. 101–108. DOI: 10.1108/978-1-78769-993-920191012.

- Hoang, Chi Bao (2017) New theoretical approaches in documents of the XII Congress of the Communist party of Vietnam, Vietnam Studies. Vol. 7. Moscow: IFES RAS Publ. (in Russian).
Хоанг Ту Бао. Новые теоретические подходы в документах XII съезда Компартии Вьетнама // Вьетнамские исследования. Вып. 7. Опыт обновления во Вьетнаме: современность и история. М.: ИДВ РАН, 2017. 416 с.
- Hridina, N.A. (2017) Zakonodatelstvo stran Aziatsko-Tihookeanskogo regiona: uchebnoe posobie [The legislation of the countries of the Asia-Pacific region: a textbook]. N.A. Hridina, E.N. Valeev, A.V. Ilinykh. Khabarovsk: Pacific Publishing House state university Publ. (in Russian).
Хридина Н.А. Законодательство стран Азиатско-Тихоокеанского региона: учебное пособие // Н.А. Хридина, Э.Н. Валеев, А.В. Ильиных. Хабаровск: Изд-во Тихоокеан. гос. ун-та, 2017. 140 с.
- Mai-Thanh, Le., Tien-Duc, N. (2017) Vietnam's Choices of Peaceful Settlement Means in the Wake of the South China Sea Arbitration ruling. Russia and the Pacific. No 2, 9–25.
- Nguyen Thi Minh Huong, Teramachi Nobio, (2012) Vietnam-Japan trade structure in 1991–2010, Vietnam's socio-economic development. No 72. 32–45.
- Nguyen, T.K.A. (2015) General Provisions of Civil Procedure Rights in Vietnam. V sbornike: Sravnitel'noe pravo i problemy chastno-pravovogo regulirovaniya v Rossii i zarubezhnykh stranakh. Sbornik statei Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii pamyati doktora yuridicheskikh nauk, professora V.K. Puchinskogo [In the collection: Comparative law and the problems of private regulation in Russia and foreign countries. Scientific and practical conferences in memory of Doctor of Law, Professor V.K. Puchinsky]. 361–363. (in Russian).
Нгуен Т.К.А. Общие положения гражданского процессуального права во Вьетнаме. В сборнике: Сравнительное право и проблемы частного правового регулирования в России и зарубежных странах. Сборник статей Международной научно-практической конференции памяти доктора юридических наук, профессора В.К. Пучинского. 2015. С. 361–363.
- Rusakova, E.P. (2018) Private litigation in BRICS countries. Moscow: RUDN University Publ.
Русакова Е.П. Рассмотрение частных споров в странах БРИКС. М.: Российский университет дружбы народов, 2018. 302 с.

Об авторе:

Русакова Екатерина Петровна — кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского права и процесса и международного частного права, юридический институт, Российский университет дружбы народов

ORCID ID: 0000-0001-6488-0754

e-mail: ruskova-ep@rudn.ru

Для цитирования:

Русакова Е.П. Правовые основы гражданского судопроизводства Социалистической Республики Вьетнам // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. 2019. Т. 23 № 4. С. 586–601. DOI: 10.22363/2313-2337-2019-23-4-586-601.

Дата поступления в редакцию: 10 июня 2019 г.

Дата принятия к печати: 15 октября 2019 г.

THE LEGAL FRAMEWORK OF CIVIL PROCEEDINGS OF THE SOCIALIST REPUBLIC OF VIETNAM

Ekaterina P. Rusakova

Peoples' Friendship University of Russia
6, Miklukho-Maklaya str., 117198, Moscow, Russia

The economic and legal active reform is the result of the active policy of the state in Vietnam. Over the past 30 years, a major economic leap which has helped to achieve a tangible result mainly the reduction of poverty has been made. The economic situation demonstrates constant growth. The extreme poverty rate has been reduced to below 3 per cent. After rising 6.8 percent in 2017, statistics indicate that GDP growth accelerated to 7.1 percent in 2018. Vietnam was the first state that signed a free trade Agreement (signed on May 29, 2015, entered into force on October 5, 2016) with Eurasian Economic Union (EAEU). The Russian-Vietnamese high-level working group on priority investment projects, chaired by the Ministers of industry and trade, is an effective tool for promoting investment cooperation. The constant growth of economic cooperation between two countries makes necessary to develop mechanisms for disputes resolution.

New economic relations need their legal consolidation and regulation. The diversity of economic relations leads to disputes, which require the development of an effective mechanism for their resolution. Judicial remedy is the most popular, therefore the same needs to be reformed. The adoption of the "Strategy of judicial reform until 2020" led to a number of changes, such as amendments to the basic law of the country, the adoption of new laws, changes in the legal system.

In the present article the author investigated the main sources of civil procedure, analyzed the basic legal principles of civil proceedings. The article reveals the change in the legal system of Vietnam, in which the explanations of the Peoples' Supreme court as a source of law that plays a special role.

Key words: judicial reform, principles, sources, legal proceedings, peoples' Supreme court, judicial decision

Funding information. The study was prepared with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research in the framework of the research project No. 17-03-00093-OGN-2 "Procedure for resolving of financial disputes in the APR countries" (supervisor — E.E. Frolova).

About author:

Ekaterina P. Rusakova — Candidate of Legal Science, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Civil Law and Procedural Law and Private International Law, Law Institute, Peoples' Friendship University of Russia

ORCID ID: 0000-0001-6488-0754

e-mail: rusakova-ep@rudn.ru

For citation:

Rusakova, E.P. (2019) The legal framework of civil proceedings of the Socialist Republic of Vietnam. *RUDN Journal of Law*. 23 (4), pp. 586–601. DOI: 10.22363/2313-2337-2019-23-4-586-601.

Article received June 10, 2019

Article accepted October 15, 2019

ИСТОРИКО-ПРАВОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ HISTORICAL AND LEGAL STUDIES

DOI: 10.22363/2313-2337-2019-23-4-602-621

Научная статья

ПРАВОВЫЕ РЕАЛИИ МОНГОЛИИ XVIII — 1-Й ПОЛ. XIX в. ГЛАЗАМИ РОССИЙСКИХ ПУТЕШЕСТВЕННИКОВ (ОПЫТ ЮРИДИКО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА)

Р.Ю. Почекаев¹

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
198099, Санкт-Петербург, Россия, ул. Промышленная, д. 17

Записки путешественников чаще всего привлекаются исследователями как источник по истории, социально-экономическим отношениям, а также антропологии и этнографии стран и народов, которые посетили авторы. В гораздо меньшей степени этот вид источников использовался историками права, поскольку в большинстве своем путешественники не ставили своей целью описание права посещенных ими стран, и такие сведения в их записках носят, как правило, отрывочный характер. Между тем анализ сведений путешественников о правовом состоянии посещенных стран и народов представляет значительную ценность, поскольку они отражают именно реально существовавшие правовые отношения — в отличие от «идеализированных» правовых реконструкций, которые создаются исследователями на основе сохранившихся юридических памятников соответствующих стран и народов.

В статье предпринимается попытка продемонстрировать ценность записок путешественников как важного и ценного источника по истории права традиционных народов на примере анализа сведений российских путешественников о правовых реалиях Монголии XVIII — первой половины XIX в. Предлагается изучение соответствующих текстов с точки зрения юридической антропологии.

Теоретическую основу исследования составили труды антропологов права (Н. Рулан, А.И. Ковлер, В.В. Бочаров), которые значительное внимание уделяют именно правовому развитию стран и народов, относящихся к традиционной правовой семье. Источниковая база исследования представлена записками российских путешественников, с разными целями посетившими

¹ © Почекаев Р.Ю., 2019.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0>

Монголию в XVIII — первой половине XIX в. — дипломатов, торговцев, миссионеров и военных разведчиков — в записках которых (включая официальные отчеты, дневники, сочинения, составленные по итогам поездок) имеются сведения, касающиеся правовых отношений в Монголии рассматриваемого периода. В качестве методов исследования используются формально-юридический, историко-правовой, сравнительно-правовой, системный анализ, структурно-функциональный метод.

Записки русских путешественников исследуются как источник сведений о правовой ситуации и отношении монголов к своему традиционному и маньчжурскому имперскому праву в меняющихся политических и социально-экономических условиях. Анализируются позиции и подходы самих авторов записок к изучению монгольских правовых реалий: интерес к конкретным юридическим аспектам, оценка их с точки зрения представителей другой правовой культуры и т.д.

Автор приходит к выводу, что записки путешественников о монгольском праве являются ценным источником как о процессе правового развития монголов (их правоотношений и правосознания), так и о формировании отечественной традиции изучения права традиционных народов и государств, т.е., по сути, начального (практико-ориентированного) этапа российской юридической антропологии.

Ключевые слова: традиционное право кочевых народов, юридическая антропология, записки путешественников, Монголия XVIII–XIX вв., Цинская империя

Информация о финансировании. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 19–18–00162), реализуемого в Институте языков и культур имени Льва Толстого.

ВВЕДЕНИЕ

Период XVIII — 1-й пол. XIX в. стал переломным в правовом развитии Монголии. К концу XVII в. практически вся Монголия вошла в состав империи Цин, и следующие полтора столетия стали периодом ее интеграции в маньчжурское политико-правовое пространство. Формально маньчжурские власти продолжали проводить политику «сбережения сил монгольского народа», фактически же они старались уменьшать автономию монгольской знати, урезать число налоговых льгот и привилегий для монголов и всячески изолировать их от внешних контактов, все больше распространить на них маньчжурское законодательство, постепенно превращая их из вассалов в подданных (Butler, 1982:4; Neuschert-Laage, 2014:650; Popov, 2015). Во многом это оказалось связано с тем, что в 1758–1759 гг. Цинская империя разгромила и присоединила западно-монгольское Джунгарское ханство, в противостоянии с которым монгольская конница постоянно задеивалась с конца XVII в.

Ценнейшие сведения по истории Монголии содержатся в записках российских путешественников, посетивших империю Цин и непосредственно монгольские кочевья в рассматриваемый период. Эти источники неоднократно привлекались специалистами по истории Монголии и русско-монгольских отношений. Однако их сведения, касающиеся монгольского права и правоотношений до сих пор, насколько нам известно, не исследовались. Соответственно, в данной статье предпринимается попытка анализа этих сведений с позиций юридической антропологии. Записки путешественников выступают, во-первых, как источник сведений о монгольском праве и его практическом применении,

особенностях монгольского правосознания и отношения к праву, поскольку путешественники отражали в своих записках те отношения, которые наблюдали, а нередко и становились их непосредственными участниками. Во-вторых, представляет интерес и анализ позиции самих авторов записок: какие именно аспекты правового развития монголов их интересовали, как они оценивали уровень этого развития, принципы и конкретные нормы права. Таким образом, записки путешественников для нас одновременно являются и источником знаний о «правогенезе» монголов рассматриваемого периода и в какой-то степени об одном из ранних этапов в становлении отечественной юридической антропологии с ее особыми методами и подходами, проявившимися в сборе и анализе информации о правовых реалиях кочевников Восточной Азии.

В XVIII — 1-й пол. XIX вв. большое количество российских дипломатов посетило империю Цин с различными целями. Следуя в Пекин, они проезжали через кочевья монголов и имели возможность наблюдать различные стороны из жизни монголов, включая и правовые отношения. Среди них — посол С.Л. Владиславич-Рагузинский, подписавший в 1727 г. Кяхтинский мирный договор с империей Цин, военные курьеры секунд-майор И.В. Якоби, советник В.Ф. Братищев, капитан-поручик И.И. Кропотков, поручик А. Незнаев, В. Гаупт и др. В то же время XVIII в. стал временем начала научного изучения восточных владений Российской империи и соседних государств. Соответственно, Монголией и ее обитателями интересовались также ученые, среди которых были академики И.Г. Георги, И.П. Фальк, П.С. Паллас и др., побывавшие в регионе в начале 1770-х гг.

В 1-й пол. XIX в. наряду с дипломатами и учеными правовые реалии монголов описывали также сотрудники российских духовных миссий в Китае, которые впоследствии также стали известны как выдающиеся востоковеды. В рамках данного исследования представляют интерес сочинения дипломата Е.Ф. Тимковского, выдающегося отечественного востоковеда Н.Я. Бичурина (о. Иакинф), монголоведа О.М. Ковалевского и сиолога П.И. Кафарова (о. Палладий). Таким образом, в нашем распоряжении имеется довольно значительный корпус источников, позволяющих сформировать определенное представление об особенностях правового развития монгольских народов в XVIII — 1-й пол. XIX в., их правовых воззрениях, а также проанализировать отношение самих авторов к уровню правового развития монголов и отдельным аспектам правоотношений.

ПРАВОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ МОНГОЛЬСКОЙ ЭЛИТЫ

Представляют интерес в записках русских дипломатов, проезжавших через Монголию (Халху) в Китай, сообщения о статусе монгольских правителей, нашедшем отражение в их контактах с представителями Российской империи. Следует отметить, что в первые десятилетия XVIII в. российские власти и их дипломатические представители «по инерции» продолжали пытаться всту-

пать в отношения с монгольскими правителями, как они это делали в XVII в., до вхождения Монголии в состав империи Цин². Им даже выделялись средства и подарки для вручения не только китайским, но и монгольским правителям и чиновникам (Bereznitsky, 2017:58). Однако очень скоро дипломаты убедились, что монгольские правители выполняют исключительно волю цинских властей, не позволяя себе ни малейшего проявления самостоятельности.

Так, русские послы и другие дипломатические представители неоднократно упоминают, что те отказывались пропускать их через свои владения, задерживая до получения указаний от маньчжурских властей (Tikhvinskii, 1978:303; Demidova, Myasnikov, 1990:385). Причинами являлись либо проблемы, связанные с монгольскими перебежчиками, которых русские пограничные власти отказывались выдавать, либо разного рода торговые споры и пограничные стычки (Andrievich, 1887:132). Монгольские феодалы могли самостоятельно участвовать только в решении мелких локальных вопросов. Например, в сентябре 1720 г. из Красноярска был направлен к «мунгальскому владельцу Гунбеку» сын боярский Т. Ермолаев, чтобы потребовать возвращения бежавших к тому русско-подданных «ясачных иноземцев». Вскоре выяснилось, что те бежали, напуганные слухом, что их собираются насильно крестить, и вопрос о возвращении был решен без вмешательства маньчжурских чиновников (Timofeev, 1885:279–281).

Более активно проявляли себя лишь те представители монгольской знати, которые сами находились на маньчжурской службе. Например, П.С. Паллас пишет, что переговоры с российскими пограничными властями по поводу возврата перебежчиков вел монгольский тайджи, который носил маньчжурский ранг «бошко» и, как и трое его подчиненных, обладал цинскими символами отличия, что позволяло ему вести себя более решительно и самостоятельно в переговорах с русскими (Pallas, 1788:215–216).

В начале XVIII в. формальным главой Монголии, как сообщает С. Рагузинский, в 1720-е гг. считался Тушету-хан, которому «все здешние дела его богдыханово величество определил по старому предусмотрению» (Demidova, Myasnikov, 1990:397). Не изменилась ситуация и к началу 1750-х гг.: И.В. Якоби также сообщает, что наместником империи Цин в Монголии по-прежнему являлся Тушету-хан (Bereznitsky, 2017:153–154). И когда российские дипломаты, уже имевшие возможность разобраться в том, кто фактически контролирует ситуацию в Монголии, просили назначать для решения пограничных и иных дипломатических споров маньчжурских чиновников, цинские власти каждый раз заявляли, что эти вопросы находятся в ведении монгольских князей (Demidova, Myasnikov, 1990:397) — прекрасно понимая, что те все равно дождутся

² Так, например, посол в Китай Л. Измайлов в 1720 г. отправил своего представителя унтер-офицера Засекина к Тушету-хану, ожидая, что тот окажет посланцу «подобаяющий прием» (Andrievich, 1887:128).

распоряжений из Пекина. А уже в 1750–1760-е гг. в Урге появляются полномочные представители маньчжурских императоров — амбани, носившие титулы ванов: именно они вели переговоры с российскими дипломатами при их проезде через Монголию, тогда как монгольские имели такое право лишь в случае отсутствия амбана в столице (Myasnikov, Sarkisova, 2011:291, 323; Heuschert-Laage, 2014:651).

Еще одной важной тенденцией в рассматриваемый период стала активная интеграция представителей монгольской правящей элиты в сановную иерархию империи Цин. Наибольшими правами и привилегиями пользовались те потомки Чингис-хана, которые получали от маньчжурских сюзеренов титулы пяти степеней цин-ван, цзюнь-ван, бэйлэ, бэйсэ и гун; по статусу ханы аймаков (т.е. самые высшие правители в Монголии анализируемого периода) приравнивались к цин-ванам (Zhang, 2017:134). Кроме того, монгольские владетельные князья, не имевшие маньчжурских титулов и званий, по своим правам и привилегиям были ниже обладавших таковыми, даже если имели большие уделы (Bichurin, 1828:162–163). Титулы и звания переходили по принципу первородства (майората), но при этом наследник вступал в права лишь после издания соответствующего указа императора по представлению Палаты внешних сношений (Bichurin, 1828:163–164; Elverskog, 2006:72). Возраст наследника при этом не служил препятствием для получения титула или вступления в должность: если новый владетельный князь (дзасак) был слишком молод, фактическая власть до его совершеннолетия осуществлялась его помощником — туслагчи (Timkovskiy, 1824:90). Соответственно, представители маньчжурской администрации в Монголии, амбани, в этот период в большей степени ограничивались надзорными функциями, тогда как административные принадлежали именно монгольским князьям-дзасакам и их чиновникам (Haupt, 1858:62–63, 78).

Неудивительно, что многие монгольские чиновники вели себя по отношению к российским путешественникам весьма высокомерно, позиционируя себя в качестве представителей властей империи Цин. Е.Ф. Тимковский вспоминает, как один туслагчи называл его своим «младшим братом» и требовал от него богатых даров (Timkovskiy, 1824:42–43). П.И. Кафаров (Kafarov, 1892:38; 50), путешествовавший по Монголии четверть века спустя, также рассылал богатые дары начальникам почтовых станций, через которые должен был проезжать — сами они являться к нему не соизволяли (Kafarov, 1892:38, 50). Примечательно, что большинство чиновников не получало никакого жалования — лишь продовольственное содержание; тем не менее, «по временам достойнейшим делаются подарки» (Haupt, 1858:33).

НАЛОГИ, ПОВИННОСТИ И ИХ ЭВОЛЮЦИЯ

Монголы относились к привилегированной части подданных империи Цин. Согласно запискам Е. Владыкина они стояли по статусу ниже маньчжуров,

но неизмеримо выше китайцев-ханьцев (Bereznitsky, 2017:127). Привилегированное положение монголов было связано с их главной повинностью в пользу империи Цин — военной службой, которую они несли и непосредственно в Монголии, и в других частях империи. «Внутренняя» служба была связана с охраной границ и сопровождением иностранцев по территории Монголии под общим контролем сначала только местных правителей, а с второй половины XVIII в. — и цинских наместников (Ibid.:66). Кроме того, монгольские воины служили в разных частях Китая, в т.ч. и в столице. С. Рагузинский упоминает о монголах-найманах, которые «из жалования» служили в Пекине наряду с китайцами (Demidova, Myasnikov, 1990:207). Е. Владыкин также пишет, что в Пекине монгольская гвардия насчитывала 211 рот общей численностью 21 733 чел. (Ibid.:121). С. Рагузинский упоминает о присутствии монгольских караулов и во внутренних районах Китая (Demidova, Myasnikov, 1990: 205). И.В. Якоби сообщает, что чахары были включены в маньчжурскую военную систему: «состоят под желтым знаменем» (Myasnikov, Sarkisova, 2011:205). В. Гаупту его информаторы говорили, что чахарские отряды даже участвовали в боевых действиях против «энджели», т.е. англичан (Haupt, 1858:18).

Впрочем, привилегиями пользовались лишь монголы Халхи, тогда как южные монголы (суниты и чахары) уже были в большей степени интегрированы в маньчжурское и китайское политико-правовое пространство. Это нашло отражение, в первую очередь, в возложении на них ряда повинностей, которые уже несли китайцы (Chia, 2017:170; Erdenchuluu, 2014: 49).

Как и в XVII в., в Монголии на протяжении большей части XVIII в. еще не была возрождена система почтовых станций, существовавшая в Монгольской империи и пришедшая в упадок после ее распада. Даже в 1760-е гг. дипломаты должны были менять лошадей и верблюдов и получать продовольствие либо в «урочищах», либо же, если животные уставали, просто-напросто делать длительные привалы и давать им отдых (Myasnikov, Sarkisova, 2011:294–295). Однако в последней трети XVIII в. маньчжуры, стремясь упорядочить систему коммуникаций в своих владениях, начали ее восстановление — причем именно с южно-монгольских областей. И если С. Рагузинский в 1726 г. лишь упоминает о том, что на монголов-сунитов была возложена повинность по предоставлению русскому посольству подвод (Demidova, Myasnikov, 1990:207), то А. Незнаев, посетивший Кобдо в 1771 г., сообщает, что в этом регионе уже действовала четко организованная ямская система, и что он официально получал подводы и лошадей, которых ямщики должны предоставлять из собственных средств (Neznaev, 1868:298; 299).

Но уже в 1-й пол. XIX в. маньчжурские власти стали уделять значительное внимание восстановлению системы ямских почт, фактически пережившей «второе рождение» (после империи Чингис-хана). П.И. Кафаров в сер. XIX в. насчитывает 48 постоянных «военных» почтовых станций, находившихся под контролем гусай-амбана или дутуна — военного чиновника, напрямую подчинявшегося главнокомандующему, при этом хотя станции содержали сами хал-

хасцы, смотрителями над несколькими станциями назначались маньчжурские чиновники, сосланные в Монголию за преступления (Kafarov, 1892:51–52). Кроме того, если в Монголию прибывали особо важные чиновники из Китая или посланцы с указами о назначении князей на должность, на пути их следования могли создаваться и временные станции, ответственность за содержание которых ложилась на самих князей (Haupt, 1858:23).

Служители станций несли ямскую повинность по жребью, определявшему не только тех, кто будет работать на станции, но и срок его службы. Правда, это отнюдь не означало, что эти служащие должны содержать станции за свой счет — напротив, они получали жалование из казны за свою работу, а лошадей, верблюдов и продовольствие поставляли в качестве повинности соседние монгольские улусы. Помимо монголов к станциям в отдельных местностях (в частности в Харчине) также «приписывались» для несения повинностей т.н. хабсулга — полумонголы-полукитайцы, — которые снабжали станции просом и кунжутном, а также предоставляли коров (Kafarov, 1892:54, 61). Это также отражает политику «сбережения сил монгольского народа», поскольку впоследствии, после ее отмены, никакого жалования монгольские почтовые служащие не получали и нередко содержали станции именно за свой счет.

Чиновники, проезжавшие через станции, имели право на получение лошадей или верблюдов, продовольствия, а также «съестных денег». При этом количество продовольствия зависело от статуса проезжающего официального лица — это мог быть целый баран, половина или баранья нога; то же касалось и «съестных денег» — например битикчи, сопровождавший П.И. Кафарова, получал чин серебра (приблизительно 80 коп.) (Kafarov, 1892: 37; 55). Впрочем, сами чиновники нередко злоупотребляли своими полномочиями: в 1830 г. монголы жаловались О.М. Ковалевскому, что, проезжая через их стойбища, они требовали от них лошадей, которых оставляли либо в следующем стойбище либо на ближайшей почтовой станции (Kovalevskiy, 2006:22).

Согласно сведениям российских путешественников иностранцы, даже обладающие дипломатическим статусом, на почтовых станциях не обслуживались. Так, Н.Я. Бичурин вспоминает, что еще в 1808 г. миссия была вынуждена платить по 2 чина серебра за верблюда и 1 чину за лошадь. А во время его обратной поездки в 1821 г. монголы вообще отказывались предоставлять верблюдов членам российской духовной миссии даже за деньги — лишь вмешательство маньчжурского чиновника, сопровождавшего миссию, позволило им не остаться без транспортных средств, после чего монголы были «одарены» (Bichurin, 1828: 64–65). При этом Бичурин подчеркивал, что речь идет именно об одаривании почтовых служащих, а не взимании ими платы. Е.Ф. Тимковский также вспоминал, что за предоставление верблюдов и провоз багажа сопровождаемой им миссии чиновники взимали плату, причем не фиксированную, «а соразмерно по обстоятельствам» (Timkovskiy, 1824:181). По-видимому, подобный подход монгольских почтовых служащих стал следствием политики империи Цин, которая, как отмечалось выше, в этот период времени старалась изолиро-

вать монголов от иностранцев. Следовательно, предоставление транспорта, продовольствия и оказание иных услуг иностранцам, проезжающим через Монголию, скорее всего, воспринималось монголами как нарушение этих предписаний маньчжурских властей.

Система налогов и повинностей в Монголии специально путешественниками не исследовалась, однако и в этой сфере они зафиксировали довольно важные особенности. Прежде всего, они отмечают, что в отношении князей политика «сбережения сил монгольского народа» соблюдалась маньчжурскими властями наиболее последовательно. Во-первых, они сами не платили никаких налогов и не несли повинностей. Во-вторых, помимо того, что все налоги и сборы с собственных подданных шли в их пользу, те из них, кто имел маньчжурские придворные титулы или воинские звания, получали жалование (Vichurin, 1828:167–168; Timkovskiy, 1824:170). Кроме того, монгольские вассалы периодически доставляли дань к императорскому двору: северные князья — раз в 4 года, южные — раз в 3 года. Н.Я. Бичурин достаточно подробно характеризует эту дань, которая была «малозначаща по ее количеству, но важна по цели», т.е. свидетельствовала о признании монгольскими владельцами сюзеренитета Цин и выражении ими своей лояльности империи, обещая поддерживать его силой своего оружия. Как правило, дань была символической, зато сам император в ответ одаривал князей куда более щедро (Elverskog, 2006:70–71; Neuschert-Laage, 2014:658): за каждую лошадь, предоставленную в качестве дани, он выдавал по 10 лан серебра и два куска атласа, за барана — 10 лан серебра, за дрессированного кречета или борзую — 10 лан серебра и 4 куска атласа и т.д. (Vichurin, 1828:168).

В целом же путешественники отмечают, что монгольская знать («истинные помещики», как их характеризовал Н.Я. Бичурин) налогов не платила, тогда как остальные монголы, по сути обладавшие лишь полусвободным статусом, платили налоги своим владельцам. Кроме того, они несли «земские повинности»: содержали почтовые станции, дороги и пр., а также военную службу — сами служили в армии или же снабжали призванных в армию земляков лошадьми, продовольствием и т.д. (Vichurin, 1828:161; Kovalevskiy, 2006:18–19, 22).

О.М. Ковалевский описывает весьма интересный пример несения повинностей, по-видимому, также характерный для политики «сбережения сил монгольского народа». Речь идет о ряде семейств, которые присматривали за стадами верблюдов, лошадей, баранов, считавшихся собственностью «богдохана», т.е. маньчжурского императора. Эти семейства считались освобожденными от несения всех прочих повинностей, получали жалование 12 лан серебра в год (их начальник-дарга — 24 лана) и, кроме того, могли пользоваться шерстью баранов или верблюдов, ездить на лошадях при выполнении своих обязанностей и т.д. (Kovalevskiy, 2006:16; 28).

В число налогоплательщиков не включались рабы, полностью зависимые от хозяев, и престарелые монголы, по возрасту освобожденные от несения воинской повинности. В связи с этим при проведении переписей населения (ко-

торые каждые три года осуществляли сеймы монгольских аймаков) эти категории не включались в ведомости, передаваемые в Палату внешних сношений (Vichurin, 1828:160). Также не платило никаких налогов монгольское буддийское духовенство. Формально оно находилось в ведении Палаты внешних сношений, причем каждый лама считался «приписанным» к той или иной кумирне, однако по согласованию шанцзотбы (управляющего Богдо-гэгэна) с хошунными начальниками они могли переселяться в улусы. При этом те, кто проживал непосредственно при монастырях, существовали за счет казны Богдо-гэгэна, а кто проживал в улусах — за счет собственных родственников (Kovalevskiy, 2006:22, 27–28), для которых их содержание становилось, по сути, еще одной повинностью.

Интеграция южных монголов в имперское пространство осуществлялась и в отношении их жизненного уклада: цинские власти всячески стремились привязать их к земле и в результате распространить на них статус китайцев-земледельцев, в т.ч. и обязанность платить налоги и сборы (Atwood, 2012:10). Как отмечает академик И.Г. Георги, монголы, уже давно пребывавшие под китайским владычеством, «пришли напоследок в такое убожество, что принялись за земледелие, к которому китайцы всеми мерами их поощряют» (Georgi, 1799:39). Его коллега И.П. Фальк сообщает, что аналогичным образом маньчжурские власти заставили заниматься земледелием и только что покоренных ими ойратов (Fal'k, 1825:30). А в 1830–1840-е гг., согласно сведениям горного чиновника С.И. Гуляева, ойраты уже должны были содержать китайские войска, платя налог скотом и неся в пользу китайских чиновников другие повинности (Borodin, 2003:133).

С другой стороны, маньчжурские власти не были заинтересованы в окончательном обеднении своих монгольских подданных — что, к тому же, как уже отмечалось, могло привести и к их восстаниям против империи Цин. Поэтому время от времени наиболее бедным родам и аилам предоставлялась возможность несколько повысить свое благосостояние. В частности, С. Рагузинский упоминает, что монголам, у которых были «самые убогие юрты», было дано разрешение добывать соль и возить ее в Китай на продажу (Demidova, Myasnikov, 1990:207).

В отношении же монголов Халхи маньчжурские власти периодически вводили экстраординарные сборы и повинности — как правило, в связи с военными кампаниями. Так, главный пограничный управитель в Забайкалье И.Д. Бухгольц на основе сведений, полученных от информаторов, сообщал в Коллегию иностранных дел в 1729 г., что после неудач в войне с Джунгарией цинские власти ввели огромные поборы с монголов для содержания войск в пограничных крепостях, что полностью противоречило прежним налоговым иммунитетам и заставляло монголов подумывать о бегстве в пределы России (Andrievich, 1887:152). Курьер В.Ф. Братищев, ездивший в Пекин через Монголию в 1757 г., также сообщает, что монголы буквально были разорены сборами в связи с очередной войной империи Цин против джунгар (Myasnikov, Sarkisova, 2011:201–

202). В связи с этим существенно уменьшилось количество перебежчиков «ясачных» из российских владений в Монголию, поскольку они «боятся... от китайцев и мунгальцов лишних запросов» (Demidova, Myasnikov, 1990:388).

Русские путешественники упоминают монгольских торговцев (Demidova, Myasnikov, 1990:213), однако сведения об их деятельности дают основание считать, что маньчжурские власти всячески старались ограничивать это направление деятельности своих монгольских вассалов — особенно торговые операции с иностранцами. Так, цинские власти запрещали российским купцам приезжать в Китай без специальных «паспортов», и монгольские правители на основании этого запрета задерживали их в своих владениях, хотя сами же страдали от отсутствия возможности вести с ними торговлю (Andrievich, 1887:133). Нередко китайские власти вводили в отношении российских торговцев своего рода «экономические санкции» по политическим причинам, и монголы были вынуждены вести себя соответственно. Так, С. Писарев, кацелярист при посольстве С. Рагузинского, упоминает, что монгольские власти Урги запретили русским купцам вести торговлю, пока не будет решен вопрос между двумя империями о перебежчиках (Demidova, Myasnikov, 1990:514). Отсутствие в Монголии развитой торговли подчеркивалось даже отсутствие механизма взимания торговых сборов и пошлин в монгольских землях: первые такие сборы российские путешественники уплачивали в Калгане — непосредственно на границе с китайскими владениями (Bereznitsky, 2017:15).

Таможенные пошлины в рассматриваемый период маньчжуры сохраняли за собой — так, по сведениям Н.Я. Бичурина, в г. Калган в Чахаре имелась таможня, подведомственная «корпусному генералу» (Bichurin, 1828:30). Это также полностью вписывалось в систему контроля и ограничения контактов монголов с иностранцами — в т.ч. и в торговой сфере. Безусловно, монгольским подданным империи Цин это было крайне невыгодно, и они старались использовать любую возможность, чтобы обходить такие запреты. Например, Е.Ф. Тимковский сообщает, что как только сопровождаемая им миссия пересекла границу, монгольские «пограничники» тут же попытались организовать торговлю с ее представителями и продать ей лошадей; аналогичные попытки предпринимали также один тайджи и один «монгольский помещик», через владения которых проезжала миссия (Timkovskiy, 1824:19–20, 190, 191).

Впрочем, и сама торговля, как отмечают путешественники, в Монголии не была развитой, имея в большей степени характер натурального обмена (лишь в Урге расплачивались кирпичным чаем как эквивалентом денег). Необходимые товары монголы, таким образом, могли приобретать за скот, шкуры диких животных, овчины, молочные продукты — но такие товары требовались китайским торговцам, тогда как российские регионы, пограничные с Монголией и сами были богаты ими (Bichurin, 1828:154–155). Таким образом, есть основания полагать, что развитие товарно-денежных отношений в Монголии также могло искусственно запрещаться китайскими властями все с той же целью — изоляцией монголов от внешних контактов.

Путешественники 1-й пол. XIX в. отмечают существенные различия в правовом статусе населения различных регионов Монголии. Так, чахары, раньше других монголов примкнувшие к маньчжурам и снискавшие за свою поддержку немалые льготы, вели себя дерзко и вызывающе не только в отношении других монголов, но и иностранцев, а также позволяли себе не подчиняться даже маньчжурским чиновникам. Так, О.М. Ковалевский отмечает, что почтовые служащие в Чахаре отказывались выполнять приказы сопровождавшего его маньчжура-битикчи, заявляя, что следуют распоряжениям лишь собственного начальства (Kovalevskiy, 2006:27). Халхасцы, несшие пограничную охрану и составлявшие в течение длительного времени основную конную силу империи Цин, также обладали определенным количеством льгот — в частности, вышеупомянутым освобождением от налогов в императорскую казну. А жившие между северными и южными монголами суниты, напротив, являлись самыми бесправными жителями Монголии, которых притесняли и местная знать, и маньчжуры, не предоставляя никаких льгот и привилегий. Так, когда русская духовная миссия, сопровождаемая Е.Ф. Тимковским, прошла Халху и вошла в улусы сунитов, последним пришлось сопровождать ее не только без всякого вознаграждения, но и питаться в пути за собственный счет (Timkovskiy, 1824:250–251). В сравнительно же недавно покоренной Джунгарии, помимо собственно монголов, проживало немало китайцев — крестьян, занимавшихся земледелием в этих опустевших районах, ссыльных, военных поселенцев (Vichurin, 1828:151).

ПРЕСТУПЛЕНИЯ, НАКАЗАНИЯ И ОТНОШЕНИЕ К НИМ В РАЗНЫХ РЕГИОНАХ МОНГОЛИИ

Из особенностей правового статуса разных регионов Монголии, по-видимому, вытекало и разное отношение их жителей к различным видам противоправных деяний. Так, среди халхасцев была распространена практика грабительских набегов на соседей, что расценивалось как геройство (Vichurin, 1828:170)³. Е.Ф. Тимковский описывал, как у него на глазах один лама (!) украл кузнечный инструмент и умчался на коне в степь, где его так и не сумели настичь (Timkovskiy, 1824:220). Чахары же проявляли больше склонности к кражам, особенно у чужаков (в т.ч. и иностранцев, включая членов русских миссий), не считая свои действия преступлением. Как отмечал О.М. Ковалевский, в их глазах «воровство также не есть порок в мнении цахара, но искусство пользоваться неосторожностью ближнего» (Kovalevskiy, 2006:30).

Весьма показательное отражение незначительности полномочий монгольских властей в обеспечении безопасности и рассмотрении дел об уголовных

³ В данном случае уместно провести параллель с казахской «барымтой» — набегом с целью угона: казахи считали участников таких набегов героями, однако российская администрация объявила барымту преступлением и преследовала в уголовном порядке (Martin, 1997).

преступлениях. Особенно частыми были дела о конокрадстве, которое у кочевников-монголов, безусловно, являлось одним из самых распространенных преступлений и в XVIII в. При этом неоднократно их жертвами становились и русские дипломаты, которые не только лишались лошадей и верблюдов, но и подвергались грабежу и насилию. Например, в 1745 г. торговый караван Г.К. Лебратовского подвергся нападению грабителей, причем пострадали даже члены его семьи (Berezniisky, 2017:86), хотя представители России неоднократно жаловались цинским властям на подобные действия их монгольских подданных и требовали, чтобы эти жалобы рассматривались маньчжурскими чиновниками (поскольку по законодательству империи Цин конокрадство наказывалось смертной казнью). Однако маньчжуры полностью перепоручали разбирательство подобных дел монгольским правителям, которые, как неоднократно докладывал И.В. Якоби, неоднократно ездивший в Пекин в качестве курьера в 1750-е гг., чаще всего не только не казнили преступников, но нередко и сами укрывали их. Влиятельнейший из монгольских правителей Тушету-хан вообще ограничивался лишь обещанием удерживать своих подданных от конокрадства в дальнейшем (Andrievich, 1887:178; 210; 212).

В связи с все большей интеграцией в цинское правовое пространство борьба с преступлениями в Монголии 1-й пол. XIX в. активизировалась, о чем свидетельствуют и российские путешественники. В частности, сурово преследовались должностные преступления (действия или бездействие) — в тех случаях, когда они приносили вред императору или самим монгольским правителям (Erdenchuluu, 2014:51–52). Так, Е.Ф. Тимковский описывает случай, когда цзангин (командир эскадрона), допустивший беспорядки и воровство в своих владениях, был оштрафован на 27 лан серебра и вынужден подать в отставку. Любопытно, что простые монголы склонны были оправдывать нарушителя, объясняя причину беспорядков тем, что он мог уследить лишь за своими непосредственными подчиненными, но не за остальным населением вверенного ему улуса: «а как усмотреть... — степь велика» (Timkovskiy, 1824:204–205).

Строгое наказание грозило за халатное отношение к стадам императора или монгольских дзасаков. Если за хороший приплод пастухи могли рассчитывать на вознаграждение, то в случае уменьшения поголовья следовали неотвратимые наказания. Если количество скота убывало в соотношении 1 к 10, пастушеские начальники лишались части жалования, а простых пастухов подвергали порке, если же урон скота составлял 2 к 10, то начальников лишали половины жалования, а также все пастухи обязаны были возместить потери за счет собственного скота — до 5 голов с человека (Kovalevskiy, 2006:16).

Среди наказаний также присутствовали высылка преступников и их обращение в рабство — в частности, тех, кто предпочитал остаться в родных улусах, пусть даже и несвободным, а не отправляться на чужбину. При этом лишение свободы за преступление могло распространяться и на все семейство преступника (Vichurin, 1828:161–162). Правда, путешественники не уточняют, за какие именно преступления предусматривалось столь суровое наказание.

Исследователи делают несколько кратких, но немаловажных замечаний относительно организации суда в Монголии, из которых можно сделать вывод, что в этой сфере правоотношений монголы продолжали сохранять значительную степень автономности. Формально каждый монгольский владетельный князь являлся судьей над своими подданными, более серьезные преступления разбирал аймачный сейм (являвшийся также апелляционной инстанцией в отношении решений князей), и только в исключительных случаях дела (о самых опасных преступлениях) передавались уже в Палату внешних сношений (Vichurin, 1828:167). П.И. Кафаров упоминает о присутствии в Монголии маньчжурских судей — при наиболее важных почтовых станциях (Kafarov, 1892:82), но ничего не говорит об их компетенции: скорее всего, она распространялась на вышеупомянутых китайских чиновников, сосланных в Монголию и служивших на тех же станциях.

Малозначительные же дела монголы предпочитали решать путем досудебного «мирового соглашения», совершенно обоснованно считая, что в таком случае понесут гораздо меньше убытков. О.М. Ковалевский описывает подобную ситуацию, свидетелем которой стал сам: один служитель битикчи обидел чиновника, который пригрозил, что пожалуется начальству; битикчи поспешно приказал своему служителю извиниться перед чиновником и поднести ему табаку, что и было сделано (Kovalevskiy, 2006:17).

ОСОБЕННОСТИ СЕМЕЙНЫХ ПРАВООТНОШЕНИЙ

Семейные правоотношения у монголов также интересовали российских путешественников 1-й пол. XIX в., учитывая, что большинство авторов анализируемых нами трудов являлись представителями духовенства — а ведь церковь в России, как известно, довольно долго сохраняла монополию на регулирование семейно-правовых отношений и надзор за нравственностью супругов. В связи с этим весьма показательным является замечание Н.Я. Бичурина, что монгольские женщины «мало уважают непорочность ложа» (Vichurin, 1828:170; Rabinovich, 2014:79; Kovalevskiy, 2006:22)⁴.

Тот же Н.Я. Бичурин (1828:182) отмечает и существовавший у монголов запрет жениться на представительницах своего рода по мужской линии, при этом двоюродные родственники — сын брата и дочь сестры (или наоборот) — вполне могли сочетаться браком. Также отмечается распространенность среди монголов обычая договариваться о браке даже новорожденных детей. А для официального заключения брака требовалось, во-первых, согласовать «астрологические знаки» (т.е. гороскоп) жениха и невесты, подходят ли они друг другу, во-вторых, внести выкуп (аналог калыма). Правда, гороскопы заказывали, как

⁴ Как известно, архимандрит Иоакимф и сам не слишком ревностно соблюдал обет безбрачия, за что в свое время даже подвергался наказанию.

правило, знатные и состоятельные люди, простые же монголы обходились без этой формальности. При этом очень часто жених впервые видел невесту уже на свадьбе (Bichurin, 1828:182–183; Kovalevskiy, 2006:22).

Н.Я. Бичурин также приводит интересное наблюдение: еще в XVII в. у монголов формально существовало многоженство, и лишь маньчжуры постепенно ввели единоженство, т.е. законной являлась лишь одна жена, остальные имели статус наложниц (Bichurin, 1828:185). Этот китайский обычай, надо полагать, был введен с целью уменьшить число возможных наследников улусов, титулов и воинских званий и, соответственно, более эффективного контроля над монгольской знатью.

В. Гаупт отмечает на основе общения с монголами, что женщины полностью вели все домашнее хозяйство, включая установку юрт, уборку, шитье одежды и пр., тогда как мужчины только пасли скот и несли службу (Гаупт, 1858:15–16).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенный анализ источников позволяет сделать вывод, что правовая ситуация в частях Монголии, с конца XVII в. находившихся под контролем маньчжуров, не может быть охарактеризована как «развитие». Маньчжуры не нуждались в сильной и развитой Монголии, власти которой могли бы самостоятельно определять свою дальнейшую судьбу — им была необходима лишь многочисленная монгольская конница, обеспечивавшая охрану границ — особенно во время противостояния империи Цин с Джунгарским ханством (Demidova, Myasnikov, 1990:397) и участвовавшая в цинских завоевательных кампаниях. Поэтому китайские власти взяли курс на «консервацию» монгольского общества, стараясь всячески удерживать его на прежнем уровне развития и не допуская никаких попыток модернизации. Это достигалось запретами контактов монгольских властей с иностранными государствами, ограничением торговой деятельности монголов. Монгольское законодательство оставалось весьма консервативным, и новые направления правоотношений как правило регулировались либо специальным маньчжурским правом для монголов («Уложение Китайской палаты внешних сношений»), либо непосредственными распоряжениями полномочных представителей Цин в Монголии — наместников, власть которых в течение XVIII — 1-й пол. XIX в. неуклонно возрастала. Своеобразной «компенсацией» за ограничения поначалу было сохранение за монгольскими феодалами полноты власти над своими подданными и освобождение от уплаты налогов в имперскую казну, но со временем и в этой сфере льготы все больше и больше сокращались. Как представляется, российским современникам в достаточной степени удалось отразить переходный статус Монголии в составе империи Цин — от достаточно привилегированного положения в рамках политики «сбережения сил монгольского народа» XVIII в. до постепенной интеграции Монголии в состав Китая в качестве его неотъемлемой части.

Сами российские путешественники, несмотря на постепенное подчинение монголов маньчжурам, по-прежнему с вниманием относились к особенностям их политико-правового положения, которые могли иметь важное значение при выстраивании отношений русских с монголами в дальнейшем. За редкими исключениями путешественники не критикуют монгольские правовые нормы и правоотношения, не оценивают их как неразвитые, ограничиваясь описанием их действия на практике, а также демонстрируют свою готовность адаптироваться к ним для выстраивания с монголами конструктивных отношений. В этом, как представляется, проявилось следование сторонникам сложившемуся и в европейской антропологической науке к XVIII в., которые которого признавали равенство различных культур и, соответственно, правовых систем, не деля их на «высшие» и «низшие», «развитые» и «примитивные» (Brummet, 2009:33)⁵. Безусловно, вряд ли российские путешественники (большинство из которых были все же не учеными, а дипломатами, военными и миссионерами) были в курсе антропологических тенденций и сознательно следовали этому принципу — просто иной подход в отношении к монгольским правовым традициям не позволил бы им достичь целей своих поездок. Вместе с тем многолетний (и даже многовековой) опыт взаимодействия русских с народами Сибири, чья правовая система во многом была сходна с монгольской, также способствовал восприятию монгольского права как объективной реальности, в результате чего русские путешественники не пытались их как-то критиковать или, тем более, адаптировать под собственные правовые взгляды и представления⁶.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК / REFERENCES

- Atwood, C.P. (2012) Banner, Otog, Thousand: Appanage Communities as the Basic Unit of Traditional Mongolian Society. *Mongolian Studies*, No 34, 1–76.
- Andrievich, V.K. (1887) *Kratkii ocherk istorii Zabaikal'ya ot drevneishikh vremen do 1762 goda* [A brief outline of the history of Transbaikalia from ancient times to 1762]. Saint-Petersburg: Military Printing House Publ. (in Russian).
Андреевич В.К. Краткий очерк истории Забайкалья от древнейших времен до 1762 года. СПб.: Военная типография, 1887. 249 с.
- Bereznitsky, S.V. (2017) *Karavannaya trgovlya Rossii s Kitaem i otechestvennaya nauka XVIII v.* [Caravan trade of Russia with China and Russian science of 18th c.]. Saint-Petersburg: MAE RAN Publ. (in Russian).
Березницкий С.В. Караванная торговля России с Китаем и отечественная наука XVIII в. СПб.: МАЭ РАН, 2017. 266 с.

⁵ В современной юридической антропологии этот принцип трансформировался в концепцию правового плюрализма (Bocharov, 2013:116–117; Kovler, 2002:9–10; Rouland, 2000:49).

⁶ Следует отметить, что и в дальнейшем в российской юридической антропологии именно такой подход продолжал оставаться основополагающим — даже в тот период, когда на Западе ее представители нередко становились на позиции теории «иерархии рас», «колонимальной антропологии», «ориентализма» и т.д. (Klein, 2014:84; Rouland, 2000:17–18).

- Bichurin, N.Ya. (1828) *Zapiski o Mongolii, sochinennye monakhom Iakinom* [Notes on Mongolia written by the monk Iakin]. Vol. I. Pt. I–II. Saint-Petersburg: Tipografiya K. Krayya Publ. (in Russian).
Бичурин Н.Я. Записки о Монголии, сочиненные монахом Иакинфом. Т. I. Ч. I–II. СПб.: Типография К. Крайя, 1828. 613 с.
- Boronin, O.V. (2003) *Iz neopublikovannogo naslediya S.I. Gulyaeva: «Zamechanie o kitayskoy granitse pri verшинakh reki Irtysha i ob udobnosti trgovli v sey chasti»* [From unpublished heritage of S.I. Gulyaev: “Notice on the Chinese border at upper river of Irtysh and convenience of trade here”]. *Central Asia and Siberia. The first scientific readings of the memory of E.M. Zalkinda*. May 14, 2003. Barnaul: Altai State University Publ. 130–141. (in Russian).
Боронин О.В. Из неопубликованного наследия С.И. Гуляева: «Замечание о китайской границе при вершинах реки Иртыша и об удобности торговли в сей части» // *Центральная Азия и Сибирь. Первые научные чтения памяти Е.М. Залкинда*. 14 мая 2003 г. Барнаул: Алтайский государственный ун-т, 2003. С. 130–141.
- Bocharov, V.V. (2013) *Nepisaniy zakon. Antropologiya prava* [Unwritten statute. Anthropology of law]. Saint-Petersburg: Academy of Cultural Studies Publ. (in Russian).
Бочаров В.В. Неписанный закон. Антропология права. СПб.: Академия исследований культуры, 2013. 328 с.
- Brummet, P. (ed.) (2009) *The Book of Travels: Genre, Ethnology and Pilgrimage, 1250–1700*. Leiden; Boston: Brill Publ.
- Butler, W.E. (1982) *The Mongolian Legal System: Contemporary Legislation and Documentation*. Hague: Martinus Nijhoff Publishers Publ.
- Chia, N. (2017) *Lifanyuan and Libu in the Qing Tribute System*. In: D. Schorkowitz and Ch. Ning, eds. *Managing Frontiers in Qing China: The Lifanyuan and Libu Revisited*. Leiden; Boston: Brill Publ. 144–184.
- Demidova, N.F., Myasnikov, V.S. (eds.) (1990) *Russko-kitayskie otnosheniya v XVIII veke* [Russian-Chinese relations in 18th century], vol. 2. 1725–1727. Moscow: Nauka Publ. (in Russian).
Русско-китайские отношения в XVIII веке. Т. II. 1725–1727 / Ред. Н.Ф. Демидова, В.С. Мясников. М.: Наука, 1990. 669 с.
- Elverskog, J. (2006) *Our Great Qing. The Mongols, Buddhism and the State in Late Imperial China*. Honolulu: University of Hawai’i Press Publ.
- Erdenchuluu, Kh. (2014) *The Study of Mongolian Legal History: new Approaches on the Basis of Local Documents. Cultural heritage of the Mongols: manuscript and archival collections in St. Petersburg and Ulaanbaatar. The international conference. April 19–20, 2013, Saint-Petersburg*. S. Chuluun, I.V. Kul’ganek (eds.). Ulaanbaatar; Saint-Petersburg, 40–53.
- Erdenchuluu, Kh. (2014) *The Study of Mongolian Legal History: new Approaches on the Basis of Local Documents. Cultural heritage of the Mongols: manuscript and archival collections in St. Petersburg and Ulaanbaatar. The international conference. April 19–20, 2013, Saint-Petersburg*. S. Chuluun, I.V. Kul’ganek (eds.). Ulaanbaatar; Saint-Petersburg, 40–53.
Культурное наследие монголов: рукописные и архивные собрания Санкт-Петербурга и Улан-Батора. Материалы международной конференции 19–20 апреля, 2013. Санкт-Петербург / Ответственный редактор С. Чулуун, Научный редактор, составитель И.В. Кульганек. СПб. Улан-Батор, 2014. С. 40–53.
- Fal’k, I.P. (1825) *Polnoe sobranie uchenykh puteshestviy po Rossii, izdavaемое Imperatorskoy Akademiyey nauk*. Т. VII. *Dopolnitel’nye stat’i po zapiskam puteshestviya akademika Fal’ka* [Complete collection of scientific journeys on Russia published by Imperial Academy of Sciences. Т. VII. Additional articles to notes of journey of academician Fal’k]. Saint-Petersburg: Imperial Academy of Sciences Publ. (in Russian).

- Фальк И.П.* Полное собрание ученых путешествий по России, издаваемое Императорской Академией наук. Т. VII. Дополнительные статьи по запискам путешествия академика Фалька. СПб.: Императорская Академия наук, 1825. 233 с.
- Georgi, I.G. (1799) *Opisanie vsekh v Rossiyskom gosudarstve obitayushchikh narodov, takzhe ikh zhiteyskikh obryadov, ver, obyknoveniy, zhilishch, odezhd i prochikh dostopamyatnostey. Chast' chetvertaya o narodakh mongol'skikh, ob armyanakh, gruzinakh, indiytsakh, nemtsakh, polyakakh i o vladychestvuuyushchikh rissiyanakh s opisaniem vsekh imenovaniy kozakov, takzhe Istoriya o Maloy Rossii i kupno i Kurlyandii i Litve* [Description of all peoples inhabited Russian state as well as their everyday rites, religions, customs, dwellings, clothes and other memorabilities. The forth part on Mongol, Armenian, Georgian, Indian, German, Polish peoples, title nation of Russians with description of Cossacks of all names as well as history of Russia Minor, Kurlandia and Lithuania]. Saint-Petersburg: Imperial Academy of Sciences Publ. (in Russian).
- Георги И.Г.* Описание всех в Российском государстве обитающих народов, также их житейских обрядов, вер, обыкновений, жилищ, одежд и прочих достопамятностей. Часть четвертая о народах монгольских, об армянах, грузинах, индийцах, немцах, поляках и о владычествующих риссиянах с описанием всех именованний козаков, также История о Малой России и купно и Курляндии и Литве. СПб.: Императорская Академия наук, 1799. 446 с.
- Haupt, V. (1858) *Zametki na puti iz Kyakhty v Urgu v 1850 godu* [Notes on the way from Kyakhta to Urga in 1850]. *Zapiski Sibirskogo otdela Imperatorskogo russkogo geograficheskogo obshchestva*. Кн. 5 [Notes of the Siberian Department of the Imperial Russian Geographical Society. Vol. 5]. 1–100. (in Russian).
- Гаупт В.* Заметки на пути из Кяхты в Ургу в 1850 году // Записки Сибирского отдела Императорского русского географического общества. Кн. 5. 1858. С. 1–100.
- Heuschert-Laage, D. (2014) From Personal Network to Institution Building: The Lifanyuan, Gift Exchange and the Formalization of Manchu–Mongol Relations. *History and Anthropology*. 25, (5), 648–669. DOI: 10.1080/02757206.2014.946022.
- Kafarov, P.I. (1892) *Dnevnik o. ierodiakona Palladiya, vedenniy vo vremena pereezda po Mongolii v 1847 g.* [Diary of travel on Mongolia in 1847 by hierodeacon Palladiy] *Zapiski Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshchestva po obshchey geografii* [Notes of the Imperial Russian Geographical Society on General Geography] vol. 22, No. 1, 37–99. (in Russian).
- Кафаров П.И.* Дневник о. иеродиакона Палладия, веденный во время переезда по Монголии в 1847 г. // Записки Императорского Русского географического общества по общей географии. Т. XXII. № 1. С. 37–99.
- Kleyn, L. (2014) *Istoriya antropologicheskikh ucheniy* [History of anthropological studies]. Saint-Petersburg.: Publishing House of St. Petersburg University Publ. (in Russian).
- Клейн Л.* История антропологических учений. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 2014. 744 с.
- Kovalevskiy, O.M. (2006) *Rossiya — Mongoliya — Kitay: Dnevniky mongoloveda O.M. Kovalevskogo 1830–1831 gg.* [Russia — Mongolia — China: diaries of Mongolist O.M. Kovalevskiy of 1830–1831], publ., intr., glossary, comments and index by R.M. Valeev, I.V. Kul'ganek. Kazan: "Taglimat" IEUP Publ. (in Russian).
- Ковалевский О.М.* Россия — Монголия — Китай: Дневники монголооведа О.М. Ковалевского 1830–1831 гг. / Подгот. к изд., пред., глоссарий, коммент. и указ. Р.М. Валева, И.В. Кульганек. Казань: «Таглимат» ИЭУП, 2006. 103 с.
- Kovler, A.I. (2002) *Antropologiya prava: Uchebnik dlya vuzov* [Anthropology of law; Textbook for institutes of higher education]. Moscow: Norma Publ. (in Russian).
- Ковлер А.И.* Антропология права: Учебник для вузов. М.: Норма, 2002. 480 с.

- Martin, V. (1997) Barymta: Nomadic Custom, Imperial Crime. In: D. Brower, E.J. Lazzerini (eds.). *Russia's Orient: Imperial Borderlands and Peoples, 1750–1917*. Bloomington: Indiana University Press Publ., 249–270.
- Myasnikov, V.S., Sarkisova, G.I. (eds.) (2011) *Russko-kitayskie otnosheniya v XVIII veke* [Russian-Chinese relations in 18th century], vol. 6. 1752–1765. Moscow: Pamyatniki istoricheskoy mysli. (in Russian).
Русско-китайские отношения в XVIII веке. Т. VI. 1752–1765 / Ред. В.С. Мясников, Г.И. Саркисова. М.: Памятники исторической мысли, 2011. 427 с.
- Neznaev, A. (1868) *Poezdka Arefiya Neznaeva v Khobdo v 1771 g. Soob. P.A. Gel'mersenom* [A trip of Arefiy Neznayev to Hobdo in 1771 / Coll. P.A. Gelmersen]. *Izvestiya Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshchestva*, T. IV., 293–300. (in Russian).
Незнаев А. Поездка Арефия Незнаева в Хобдо в 1771 г. / Сооб. П.А. Гельмерсеном // Известия Императорского Русского географического общества. Т. IV. 1868. С. 293–300.
- Pallas, P.S. (1788) *Puteshestvie po raznym provintsiyam Rossiyskogo gosudarstva*. Per. V. Zueva [Travel of different provinces of the Russian state, transl. by V. Zuyev]. Pt. 3, 1st half. Saint-Petersburg: Imperial Academy of Sciences Publ. (in Russian).
Паллас П.С. Путешествие по разным провинциям Российской государства / Пер. В. Зуева. Ч. 3. Пол. 1-я. СПб.: Императорская Академия наук, 1788. XVI. 624 с.
- Popov, A.V. (2015) Qing legislation of 18th — first half of 19th c. on “economy of forces of the Mongol people”. In: International conference “Z.K. Kazyanenko — teacher and mongolist” (devoted to her 90th birthday. St. Petersburg, September 30 — October 1, 2015. Programme. Abstracts. Saint-Petersburg: IVR RAN, 27–38. (in Russian).
Попов А.В. Цинское законодательство XVIII — первой половины XIX в. о «сбережении сил монгольского народа» // Международная конференция «З. К. Касьяненко — Учитель и монголовед (посвящается 90-летию). 30 сентября — 1 октября 2015 г., Санкт-Петербург. Программа. Тезисы. СПб.: ИВР РАН, 2015. С. 27–38.
- Rabinovich, E.I. (2014) «Prelestnye vsadnitsy bez robosti pod'ezhali k nam»: seksual'naya kul'tura mongol'skikh narodov v zapiskakh russkikh puteshestvennikov XIX veka [“Charming horsewomen ride to us without shyness”: sexual culture of Mongol peoples in notes of Russian travelers of 19th century]. In: *Russia and Orient: cultural connections in the past and present: material of International scientific conference (9th Kolosnitsyn readings)*. April 16–17, 2014. Ekaterinburg: University of Humanities Publishing House Publ., 78–84. (in Russian).
Рабинович Е.И. «Прелестные всадницы без робости подъезжали к нам»: сексуальная культура монгольских народов в записках русских путешественников XIX века // Россия и Восток: культурные связи в прошлом и настоящем: материалы Международной научной конференции (IX Колосницинские чтения), 16–17 апреля 2014 г. Екатеринбург: Изд-во Гуманитарного университета, 2014. С. 78–84.
- Rouland, N. (2000) *Yuridicheskaya antropologiya. Uchebnik dlya vuzov* [Legal anthropology. Textbook for institutes of higher education], transl. V.S. Nersesyants (ed.). Moscow: Norma Publ. 2000. (in Russian).
Рулан Н. Юридическая антропология. Учебник для вузов / Пер. с фр. под ред. В.С. Нерсесянца. М.: Норма, 2000. 310 с.
- Tikhvinskii, S.L. (ed.) (1978) *Russko-kitayskie otnosheniya v XVIII veke* [Russian-Chinese relations in 18th century], vol. 1. 1700–1725. Moscow: Nauka Publ. (in Russian).
Русско-китайские отношения в XVIII веке. Т. I. 1700–1725. Документы и материалы / Ред. Тихвинский, С.Л. М.: Наука, 1978. 704 с.
- Timofeev, A.I. (1885) *Pamyatniki sibirskoy istorii XVIII veka* [Monuments of Siberian history of 18th century], vol. II: 1713–1724. Saint Petersburg: Printing house of the Ministry of the Interior Publ. (in Russian).

- Тимофеев А.И.* Памятники сибирской истории XVIII века. Кн. II: 1713–1724. СПб.: Типография Министерства внутренних дел, 1885. 585 с.
- Timkovskiy, E. (1824) Puteshestvie v Kitai cherez Mongoliyu v 1820 i 1821 godakh [Journey to China through Mogolia in 1820 and 1821], pt. 1. Saint-Petersburg: Printing House of the Medical Department of the Ministry of the Interior Publ. (in Russian).
- Тимковский Е.* Путешествие в Китай через Монголию в 1820 и 1821 годах. Ч. 1. Переезд до Пекина. СПб.: Типография Медицинского департамента Министерства внутренних дел, 1824. 411 с.
- Zhang, Y. (2017) The Libu and Qing Perception, Classification and Administration of Non-Han People. In: D. Schorkowitz and Ch. Ning, eds. Managing Frontiers in Qing China: The Lifanyuan and Libu Revisited. Leiden; Boston: Brill Publ., 116–143.

Об авторе:

Почекаев Роман Юлианович — кандидат юридических наук, доцент, профессор, заведующий кафедрой теории и истории права и государства, юридический факультет, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» — Санкт-Петербург

ORCID ID: 0000-0002-4192-3528

e-mail: rpochekaev@hse.ru

Для цитирования:

Почекаев Р.Ю. Правовые реалии Монголии XVIII — 1-й пол. XIX в. глазами российских путешественников (опыт юрико-антропологического анализа) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. 2019. Т. 23 №. 4. С. 602–621. DOI: 10.22363/2313-2337-2019-23-4-602-621.

Дата поступления в редакцию: 24 июня 2019 г.

Дата принятия к печати: 15 октября 2019 г.

Research Article

**LEGAL REALITIES OF MONGOLIA IN 18th — FIRST HALF OF 19th c.
AS SEEN BY RUSSIAN TRAVELERS (ATTEMPT OF ANALYSIS
FORM LEGAL ANTHROPOLOGY POINT OF VIEW)**

Roman Yu. Pochekaev

National Research University Higher School of Economics
17, Industrial str., 198099, St. Petersburg, Russia

The article is devoted to analysis of notes of Russian travelers to Mongolia as a source on legal situation in this country during 18th — first half of 19th c. Until now these texts were used mainly as a source on political or economic history as well as on ethnology of Mongols but far less as one on legal history of this people. Indeed, the information on legal realities of Mongolia is rather fragmentary and lapidary as the travelers didn't have a goal to describe state and law of Mongolia. Nevertheless, this information is of great interest and value as it allows us to give a notion on real legal situation, legal relations realized in practice — in contrast to survived written legal monuments

(codes) of Mongols from this period: travelers could observe such legal practice and even participate in the legal relations among Mongols.

The source base of research are notes of travelers who visited Mongolia since the beginning of the 18th c. to 1850s. There were diplomats (ambassadors and their companions), couriers, intelligence officers, tradesmen and scientists. Depending on goals and objectives of their trips they interested in different aspects of Mongolian legal realities, so the comparative analysis of their information allows to present different aspects of legal life of Mongols

The study of travelers' notes from the legal anthropology point of view (basing on works of N. Rouland, A.I. Kovler, V.V. Bocharov) presumes analysis positions of their authors, reasons of their interest to specific field of law as well as Mongols' attitude to law and order, legal rules, will of Mongol and Manchu authorities, etc.

Analysis of Russian travelers' notes in combination with legal monuments allow to understand better specific features in legal development of Mongolia in the turning-point period of its history: just at this time there was activated the policy of the Qing Empire to transform Mongols from autonomous vassals to complete subjects with disfranchisement, performance of duties and obligations and further closing in status with other categories of subjects (as Chinese, etc.).

Also these notes are examples of basic stage of Russian practical-oriented legal anthropology which differed from the western one by attempting to study and understand the law of "traditional" societies without disregard of the Europocentrism.

Key words: traditional law of nomadic peoples, legal anthropology, travelers' notes, Mongolia of 18th–19th cc., Qing Empire

Funding information. The research is executed at the expense of a grant of the Russian Science Foundation (project No. 19-18-00162) in the Leo Tolstoy Institute of Languages and Cultures.

About author:

Roman Yu. Pochekaev — Candidate of Legal Sciences, Associate professor, Professor, Head of the Department of Theory and History of Law and State, Law Faculty, National Research University Higher School of Economics, St. Petersburg

ORCID ID: 0000-0002-4192-3528

e-mail: rpochekaev@hse.ru

For citation:

Pochekaev, R.Yu. (2019) Legal realities of Mongolia in 18th — first half of 19th c. as seen by russian travelers (attempt of analysis form legal anthropology point of view). *RUDN Journal of Law*. 23 (4), pp. 602–621. DOI: 10.22363/2313-2337-2019-23-4-602-621.

Article received June 24, 2019

Article accepted October 15, 2019

РЕЦЕНЗИИ. НАУЧНЫЕ ФОРУМЫ

REVIEWS. DISCUSSION FORUMS

DOI: 10.22363/2313-2337-2019-23-4-622-626

Рецензия

РЕЦЕНЗИЯ НА БИОБИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ «ДОКТОРА ЮРИДИЧЕСКИХ НАУК, ПРОФЕССОРА — ПРЕПОДАВАТЕЛИ И ВЫПУСКНИКИ ИРКУТСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА». ФГБОУ ВО «ИГУ», ЮРИД. ИН-Т / ПОД РЕД. В. Н. КАЗАРИНА. ИРКУТСК: ИЗД-ВО ИГУ, 2018. 252 с.

В.М. Сырых¹

Российский государственный университет правосудия
117418, Москва, Россия, ул. Новочеремушкинская, д. 69

Посвящена биобиблиографическому словарю «Доктора юридических наук, профессора — преподаватели и выпускники Иркутского государственного университета». Рецензент указывает, что в книге впервые в истории юридической науки России собраны материалы о профессорах, докторов права, доцентах, основателях юридического факультета Иркутского государственного университета (1918 г.). Составителями исследованы материалы архивных документов, журнальные и газетные статьи тех лет. Кроме того, авторы собрали данные о докторов наук, профессорах, выпускниках юридического факультета ИГУ, их вкладе в развитие отечественной правовой науки.

Ключевые слова: Иркутский государственный университет, доктора юридических наук России, история иркутского университета, юридический факультет ИГУ

В октябре 2018 г. свой столетний юбилей отметил Иркутский государственный университет, второй университет в Сибири и первый к востоку от Томска. К этому событию был издан Биобиблиографический словарь, посвя-

¹ © Сырых В.М., 2019.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0>

щенный докторам юридических наук, профессорам — выпускникам и преподавателям старейшего университета России.

В словаре впервые представлены 73 персоналии, чья научно-педагогическая судьба так или иначе была связана с ИГУ. Из них 4 — Заслуженных деятеля науки РСФСР и РФ (А.Т. Боннер, В. Н. Дурденевский, А.Ф. Клейнман, Н.П. Фарберов), Заслуженный деятель высшей школы РФ (Р.Л. Хачатуров), 5 государственных советников юстиции 1–3 класса и генералов, 21 — Заслуженный юрист РСФСР и РФ. Таким послужным списком может гордиться далеко не каждый региональный университет.

Иркутский государственный университет возник в годы гражданской войны в составе двух факультетов: юридического и историко-филологического на территории, контролируемой вначале Омским демократическим правительством, а затем правительством адмирала А.В. Колчака. Это обстоятельство и предопределило первые составы профессоров и преподавателей молодого университета, продолжившего традиции российского высшего гуманитарного образования. В книге собраны материалы о профессорах, докторов права, доцентах ведущих российских университетов, «отцов-основателей» учрежденного в 1918 г. Университета, в составе которого был юридический факультет (М.М. Агарков, В.П. Доманжо, Г.Ю. Маннс, С.П. Покровский) до наших современников. Такого соединения в одном издании персоналий, докторов юридических наук, профессоров, чья научно-педагогическая деятельность так или иначе связана с Иркутским университетом, ранее не было.

Книга в известном смысле продолжает традицию словарей биографий, в том числе Энциклопедического словаря «Видные ученые-юристы России (вторая половина XX в.)» и «Правовая наука и юридическая идеология России» под ред. В.М. Сырых, Краткого биографического словаря «Русские цивилисты: середина XVIII — начало XX в.» под ред. О.Ю. Шиловцова, биографических публикаций В.А. Томсинова, Библиографического справочника в восьми томах «Профессора и доктора наук Саратовской области. 1909–1999» под ред. Д.И. Трубецкова, других исследователей.

Словарю предшествует обстоятельная статья, в которой прослежен исторический путь формирования иркутской правовой школы, становления и развития научных исследований и роль профессоров в подготовке кадров, прежде всего для правоохранительной и судебной системы России и Монголии. Многие судьбы и работники правоохранительных систем Сибири и Монголии получили высшее юридическое образование в Иркутском университете и гордятся этим.

Составителями использованы материалы упомянутых выше биографических изданий, журнальных и газетных статей, архивных документов, многие из которых введены в научный оборот впервые. Неоценимую помощь в подготовке Словаря оказал выпускник юридического факультета ИГУ, ныне доктор юридических наук, профессор Н.А. Власенко. Заметим, поскольку Словарь охватывает достаточно продолжительный период, около ста лет, для облегчения

восприятия текстов автором в приложении приведены прежние и современные наименования высших учебных заведений.

Все биографические справки построены по единому принципу: изложены основные биографические данные (при отсутствии точных сведений поставлен знак вопроса), этапы научно-педагогической деятельности, награды, отражены научные интересы, указаны основные труды (до 10 и более), наиболее значимые публикации о персоналиях (до 5, если позволяла источниковая база). Подавляющее большинство биографий сопровождается фотографиями, в том числе редкими, имеющимися в фондах Государственного архива Иркутской области или ведомственного архива Иркутского университета. Некоторые фотографии были предоставлены родственниками профессоров, когда-то работавших в Иркутском университете.

В отношении первых профессоров, чья научно-педагогическая деятельность начиналась до радикальных перемен 1917 года, в книге указаны ученые звания того периода — «экстраординарный», «ординарный профессор». Кроме того, дана информация об обучении в магистратурах, научных зарубежных командировках, предусмотренных существовавшей тогда системой подготовки к профессорскому званию. Информация о служебной деятельности профессоров представлена в соответствии с имеющимися проверенными источниковыми данными.

При составлении Словаря коллектив столкнулся со многими трудностями. Прежде всего, это касается первых профессоров-юристов университета, о которых сохранились немногие архивные документы. Настоящей творческой удачей было отыскать в архивах личные дела некоторых, но далеко не всех, преподавателей. Однако и эти документы подчас немногословны: приказ о зачислении на должность, приказ об отчислении с должности. Учитывая условия Гражданской войны, а также зачистки некоторых документов периода «Белой Сибири» после установления здесь ревкомовской, а позднее большевистской власти, многие документы представлены весьма скупо. Поэтому восстанавливались основные биографические данные посредством привлечения других архивных документов (протоколы заседаний правления и Ученого совета университета, отчеты подразделений об основных видах работы, выполнение преподавателями учебных планов и др.). Достаточно сложно было проследить дальнейшую судьбу некоторых преподавателей. Одних из них ждала чужбина (А.М. Горовцев — Франция, В.А. Рязановский — Китай, затем США), другие продолжили свою деятельность в других высших учебных заведениях (Москва, Саратов, Свердловск). К сожалению, репрессии конца 1930-х гг. прекратили жизнь многих первых профессоров юридического факультета ИГУ: И.А. Антропова, Г.Ю. Манса, В.Н. Охоцимского, Ю.М. Позана и др.

Проводимые в 1930-е годы реформы в области высшего образования были направлены на выделение из состава сложившихся университетов отдельных профильных институтов. Так, в 1931 году был создан Иркутский институт советского права, переехавший в 1934 году в город Свердловск (подробнее см.:

«Свердловский юридический институт. 1931–1981». Под ред. Д.Д. Остапенко. М., 1981).

Изучены сохранившиеся личные дела (с различной степенью информативности) тех, кто воссоздавал высшее юридическое образование в Восточной Сибири с конца 1940-х: Н.П. Фарберова, В.А. Пертцика, З.Г. Крыловой, В.Д. Арсеньева. К сожалению, пожар 1989 г. в архиве Иркутского университета уничтожил некоторые архивные документы, а сохранившиеся дела этого периода стали нечитабельными. В этой ситуации восстановление биографических данных происходило через поиск других документов: отчетов о работе кафедр, приказов об избрании на должность, справок о представлении к ученому званию и других. Данные о выпускниках ИГУ, современниках, ставших докторами юридических наук, представлены на основании анкеты, составленной сподвижником издания Виктором Николаевичем Казариным. Эта информация подверглась самой минимальной редакторской обработке.

Библиография трудов профессоров составлена с учетом тех работ, которые вышли в период их работы на юридическом факультете университета. Это расширяет наши знания о научной деятельности в эти годы. При этом указаны и основные работы более позднего периода. Относительно библиографии научных трудов выпускников, то она составлена в большинстве случаев ими по собственному выбору. Необходимо отметить достойное полиграфическое оформление юбилейного издания.

Вместе с тем содержание Словаря было бы более информативным, если в нем нашли отражение не только научные интересы персоналий прошлого и настоящего, но и развернуто отмечен их вклад в развитие соответствующей отрасли юридической науки. Иначе говоря, в Словаре отсутствует очень важное — информация о достижениях того или иного исследователя в сфере конкретной юридической науки.

В целом Биобиблиографический словарь существенно расширил и конкретизировал знания научного сообщества о юристах-профессорах России XX — начала XXI вв. Можно пожелать продолжить эту работу с учетом возможных дополнений и уточнений в будущем.

Об авторе:

Сырых Владимир Михайлович — доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник Центра исследования проблем правосудия, Российский государственный университет правосудия. Заслуженный деятель науки РФ

SPIN: 2073-4106

e-mail: 2707xyz@mail.ru

Для цитирования:

Сырых В.М. Рецензия на биобиблиографический словарь «Доктора юридических наук, профессора — преподаватели и выпускники Иркутского государственного университета». ФГБОУ ВО «ИГУ», Юрид. ин-т / Под ред. В. Н. Казарина. Иркутск: Изд-во ИГУ,

2018. — 252 с. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. 2019. Т. 23 № 4. С. 622–626. DOI: 10.22363/2313-2337-2019-23-4-622-626.

Дата поступления в редакцию: 10 сентября 2019 г.

Дата принятия к печати: 15 октября 2019 г.

Review

**REVIEW OF THE BIO-BIBLIOGRAPHIC DICTIONARY
“DOCTORS OF LAW, PROFESSORS — TEACHERS AND
GRADUATES OF IRKUTSK STATE UNIVERSITY”.
“ISU”, LAW. IN-T / ED. V.N. KAZARINA. IRKUTSK:
ISU PUBLISHING HOUSE, 2018. 252 p.**

Vladimir M. Syrykh

Russian State University of Justice
69, Novocheremushkinskaya str., 117418, Moscow, Russia

Dedicated to the bio-bibliographic dictionary “Doctors of Law, Professors — Teachers and Graduates of Irkutsk State University”. The reviewer indicates that the book for the first time in the history of Russian legal science contains materials about professors, doctors of law, associate professors, founders of the law faculty of Irkutsk State University (1918). The compilers studied materials of archival documents, magazine and newspaper articles of those years. In addition, the authors collected data on doctors of sciences, professors, graduates of the Faculty of Law of ISU, their contribution to the development of domestic legal science.

Key words: Irkutsk State University, doctors of legal sciences in Russia, history of the Irkutsk University, faculty of law, ISU

About author:

Vladimir M. Syrykh — Doctor of Legal Sciences, Professor, Chief Researcher of the Center for the Study of Justice Problems of the Russian State University of Justice, Honored Scientist of the Russian Federation

SPIN: 2073-4106

e-mail: 2707xyz@mail.ru

For citation:

Syrykh, V.M. Review of the bio-bibliographic dictionary “Doctors of Law, Professors — Teachers and Graduates of Irkutsk State University”. “ISU”, Law. in-t / Ed. V.N. Kazarina. Irkutsk: ISU Publishing House, 2018. 252 p. *RUDN Journal of Law*. 23 (4), pp. 622–626. DOI: 10.22363/2313-2337-2019-23-4-622-626.

Article received September 10, 2019

Article accepted October 15, 2019

DOI: 10.22363/2313-2337-2019-23-4-627-633

Рецензия

**РЕЦЕНЗИЯ НА МОНОГРАФИЮ
«НАЧАЛА ТЕОРИИ ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫХ ДЕФЕКТОВ:
МОНОГРАФИЯ / А. Ю. ВИКУЛИН».
М.: НОРМА, 2019. 344 с.**

И.П. Кожокар¹

Институт государства и права Российской академии наук
119019, Москва, Россия, ул. Знаменка, д. 10

В статье-рецензии на монографию Викулина А.Ю. «Начала теории законодательных дефектов» дается оценка содержания монографического исследования, посвященного законодательным дефектам, отмечаются и аргументируются его достоинства и недостатки, анализируется актуальность исследования, структура и содержание работы, сделанные автором выводы и предложения.

Ключевые слова: законодательные дефекты, законодательство, недостатки, правовое регулирование, преодоление и устранение дефектов

Актуальность, научная и практическая значимость тематики рецензируемой работы сомнений не вызывает. Оценка влияния законодательных дефектов на состояние правового регулирования в целом позволяет определить тактику их преодоления и устранения.

Для эффективного правового регулирования большое значение имеет ясность, полнота, определенность и непротиворечивость правовых норм, а также их согласованное взаимодействие как на внутриотраслевом, так и на межотраслевом уровнях. При этом в российском законодательстве существует множество нормативных дефектов, оказывающих самое негативное воздействие на правоприменительные процессы, а также на охрану и защиту прав граждан во всех областях. Количество таких дефектов постоянно увеличивается. Это вызвано не только большими нормативными объемами и содержательными сложностями отечественного законодательства, но также и грубыми нарушениями правотворцами требований и правил юридической техники.

Представленный критический отзыв передает впечатление автора о прочитанной монографии.

¹ © Кожокар И.П., 2019.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0>

В последнее время в юридической науке активно развиваются исследования посвященные проблематике дефектов в праве. Спектр научных работ достаточно широкий — от общетеоретических исследований природы данного явления до разработок отраслевого характера, выявляющих особенности их проявлений в правовом регулировании различных сфер жизнедеятельности общества.

Определения степени воздействия дефектов на состояние правового регулирования позволяет не только выработать способы их преодоления, но и определить факторы, способствующие предотвращению таких правовых отклонений, к которым, в частности, можно отнести: наличие пробелов правового регулирования, сбой внутрисистемных связей между правовыми предписаниями, возникновение правовых коллизий и неопределенностей и др., что в итоге приводит к замедлению или полной блокировке действия механизма правового регулирования.

В рецензируемой работе автор, как он указывает, закладывает начала теории законодательных дефектов, что не может не вызвать определенный интерес не только у теоретиков права, но и специалистов иных областей юридической науки, занимающихся изучением проблематики юридической дефектологии, так как комплексных исследований данного феномена в российской юридической науке практически нет.

А.Ю. Викулин подчеркивает, что его исследование посвящено, прежде всего, выявлению и описанию дефектов законодательства, а также определению возможных путей их исправления в соответствии с ценностно-мировоззренческими установками, декларируемыми руководством страны и содержащимися в Конституции Российской Федерации.

Творческий замысел позволила реализовать избранная структура работы.

В первой и второй главе монографии определяется методологическая основа дальнейшего исследования, путем определения целей и задач законодательных дефектов, определения их сущности, типологизации и классификации (С. 36–79).

Последующие главы исследования анализируются отдельные виды законодательных дефектов. В частности, глава третья, посвящена дефектам законодательной аксиологии и методологии правового регулирования (С. 80–103); логические и лексические (лингвистические) законодательные дефекты изложены в четвертой (С. 104–138) и пятой главе соответственно (С. 139–153). В рамках шестой главы автор рассматривает дефекты «произвольное ограничение (расширение) прав» (С. 154–214); в седьмой раскрывает дефекты общих положений законов (С. 215–251).

Выделение в качестве самостоятельного вида аксиологических дефектов безусловно следует поддержать. Они связаны с противоречием правового регулирования правовой политике государства либо с несовершенством последней. Ожидания общества от правовой политики государства очевидны — нормативное регулирование должно быть справедливым и своевременным, следовательно, несправедливость или несвоевременность правовой регламентации и будет свидетельствовать о наличии таких дефектов.

Исследователь справедливо отмечает, что «опасность дефектов законодательной аксиологии состоит в том, что при достижении определенного критического уровня они могут привести к аномии, т.е. такому состоянию общества, в котором происходят разложения, дезинтеграция и распад определенной системы устоявшихся ценностей и норм, ранее поддерживавший определенный общественный порядок, по причине ее несоответствия новым, сформулированным и принятым государством идеалам» (С. 80–81).

Безусловным достоинством работы является ее практикоориентированный характер, автор делает свои выводы, основываясь на анализе отраслевого законодательства, прежде всего Федерального закона РФ № 123-ФЗ от 4 июня 2018 года «Об уполномоченном по правам потребителей финансовых услуг» и Федерального закона РФ № 218-ФЗ от 30 декабря 2004 года «О кредитных историях», показывая актуальность и необходимость дальнейшего теоретического и отраслевого исследования заявленной темы.

Викулин А.Ю. справедливо указывает, что «теория законодательных дефектов выступает как реальное знание о праве, поскольку она получает эмпирическую интерпретацию. Последняя способствует осуществлению проверки предполагаемой теории, а также выявлению ее объяснительно-предсказательных возможностей по отношению к действующему законодательству» (С. 37).

Автором изучены и критически переосмыслены как общетеоретическая юридическая литература, так и работы, выполненные в рамках отраслевых наук. Исследование носит преимущественно теоретическо-прикладной характер, поскольку помимо теоретических выводов в ней нашла свое отражение практика применения отраслевого законодательства.

Монография представляет научный и практический интерес для широкого круга читателей, в числе которых не только научные и педагогические работники, но и все интересующиеся состоянием правового регулирования прежде всего банковских отношений.

Вместе с тем рецензируемое монографическое исследование не свободно от ряда недостатков.

Из содержания монографии не ясно, что автор понимает под «дефектом», какими признаками обладает данное явление, в чем его особенности, а также отличие от смежных правовых категорий. Любое новое правовое понятие должно быть гармонично вписано в уже существующую понятийную систему и найти в ней свое «законное» место. Успех «нахождения» этого места в понятийно-категориальных рядах правоведения в первую очередь зависит от обнаружения связей и взаимоотношений нового явления с иными правовыми категориями, которые не только способствуют дефинированию нового понятия, но и показывают его отличительные признаки. В этой связи для определения места законодательных дефектов в системе правовых недостатков (несовершенств) они должны быть отграничены от юридических препятствий, законодательного дисбаланса, административных барьеров и нейтрализации действия права.

При этом автор указывает, что под законодательным дефектом понимается «законодательные положения, которые имеют логические, лингвистические и (или) методологические изъяны, расходятся с Конституцией и обусловлены неверной законодательной аксиологией, нарушением правил законодательной техники и (или) законодательного процесса» (С. 58). Из определения не ясно, законодательный дефект — изъян только федеральных законов? Почему Конституция выходит за рамки этой системы? Автор указывает на логические, лингвистические и (или) методологические изъяны, выделяя при этом расхождения с Конституцией. Что представляют собой расхождения с Конституцией и какой они носят характер, в чем их отличие, например, от правовых коллизий, которые давно известны науке?

Из названия монографии можно сделать вывод о возможности рассматривать данную работу как теоретико-правовое исследование. На это указывает и сам автор: «теория законодательных дефектов — это система обобщенного достоверного знания, которая выявляет, описывает и объясняет дефекты законодательства, показывает причины их появления, предсказывает их последствия, а также предлагает пути и способы их устранения» (С. 17). Далее указывается, что «теория законодательных дефектов как форма организации научного знания предполагает исследование частных фактов, для того чтобы прийти к общим выводам или гипотезам. Частными фактами для этой теории являются соответствующие положения законов, что предопределяет ее в первую очередь теоретико-правовой характер. Примечательно, что анализ Федерального закона «Об уполномоченном по правам потребителей финансовых услуг» позволил выдвинуть целостную, внутренне непротиворечивую, последовательную научно обоснованную теорию законодательных дефектов» (С. 41–42). Думается, что говорить о построении теории законодательных дефектов, подчеркиваем, основываясь на анализе одного законодательного акта, некорректно. Теоретический характер исследования предполагает универсальность выводов, т.е. их применимость к другим отраслям права, а это, в свою очередь, предполагает анализ особенностей их правового регулирования, чего в работе нет.

Безусловным достоинством исследования А.Ю. Викулина является выделение типов и видов законодательных дефектов. В научном познании и в логике классификация и типология — это два очень близких понятия, и границы между ними условны, однако определенные различия между ними есть. Как правило, классифицирование как исследовательский прием проводится по какому-то одному показателю (видообразующему признаку), а типология может учитывать несколько признаков. Метод типологии группирует объекты при помощи обобщенной, идеализированной модели (типа). Объекты сортируются по критерию их соответствия заданной модели, которая является типом, эталоном, или идеальным образом. При типологизации важным является большая или меньшая степень приближения к одному из эталонов. Типология более универсальна, чем простая классификация, и может охватывать явления, которые не подходят под строгие и узкие критерии ни одной классификации. Как правило,

типология включает в себя большие группы объектов, имеющих общие признаки и черты близости, схожести.

В монографии выделяются три типа законодательных дефектов: «дефекты законодательной аксиологии; дефекты законодательной техники; дефекты законодательного процесса. Основанием для выделения указанных типов является область мыслительной и (или) предметной деятельности законодателя, в которой следует искать истоки соответствующих законодательных дефектов» (С. 65). Из указанного автором тезиса можно сделать вывод, что данная типологизация базируется на причинах появления дефектов, особенностях их происхождения, при этом она не затрагивает характеристики самого дефекта, его признаков, форм проявления, влияния на механизм правового регулирования в целом и нормативно-правовое регулирование в частности. Так, дефекты законодательного процесса, к которым автор относит: дефекты законодательной инициативы, нарушения порядка рассмотрения и принятия законопроектов субъектами законотворческого процесса (С. 73) и дефекты самого законодательства (его системы) соотносятся как причина и следствие. Методологически неверно указывать в одном ряду лексические (лингвистические) дефекты законодательства, включающие в себя, по мнению А.Ю. Викулина, законодательную полисемию, омонимию, синонимию, дефекты определений и др. (С.72), неверную законодательную аксиологию (при этом непонятно, что он под ней понимает?) и дефекты законотворческого процесса! Указанные типы дефектов не соответствуют основанию типологизации, предложенной автором.

Полагаю, что, анализируя законодательные дефекты, необходимо, прежде всего, обратиться к системе законодательства, его структурным элементам, их особенностям и связям. В работе об этом ничего нет.

Седьмая глава монографии посвящена анализу дефектов общих положений законов, которые, по мнению исследователя, включают в себя четыре вида: дефекты определения законов; дефекты предмета правового регулирования; дефекты целеполагания; дефекты принципов, предусмотренных законом (С. 215). В данном случае обращает на себя внимание выделение в качестве самостоятельного вида в рамках данной классификации дефектов целеполагания. «Законодательные дефекты целеполагания основаны на неполном усвоении достижений современной телеологии. Телеологический подход имеет весьма богатые научные традиции в физиологии, психологии, социологии, общей теории систем, кибернетики, социальной антропологии, науковедении и философской методологии, аксиологии» (С. 220–221). Думается, что указанную разновидность более уместно рассматривать в рамках аксиологических дефектов. В то же время, говоря о видах дефектов законодательной аксиологии, автор выделяет: дефекты законодательной парадигмы, дефекты законодательных презумпций; дефекты законодательной аксиоматики; дефекты законодательных фикций (С. 81). При этом презумпции и фикции являются приемами законодательной техники, находят свое закрепление в соответствующих нормах, законодатель-

ных институтах и отраслях, в связи с чем необоснованно выделение их в качестве самостоятельных видов в рамках аксиологических дефектов.

В монографии в отдельной главе выделены дефекты «произвольного» ограничения (расширения) правомочий. А.Ю. Викулин указывает, как «законодательные дефекты «произвольное ограничение (расширение) прав» не могут быть выявлены исключительно с позиции логики. С точки зрения логики невозможно объяснить, почему, например, до определенного момента бюро кредитных историй были обязаны предоставлять кредитные отчеты субъектам кредитных историй бесплатно один раз в год, а затем ни с того ни с сего — два раза» (С. 154–155). Кроме того, по мнению исследователя, к данному виду относятся следующие дефекты: «произвольное установление обязательных платежей (взносов) и иных предписаний, предполагающих расходы на их выполнение (С. 155); дефекты ограничения прав субъектов РФ (С. 169); произвольное возложение на финансовые и иные организации обязанностей по оказанию профильных услуг на безвозмездной основе (С. 176); произвольное возложение на финансовые и иные организации обязанностей по выполнению несвойственных им функций (С. 184); произвольная сегрегация (установление неравенства) финансовых и иных организаций и лиц (С.188); произвольное отнесение юридических лиц одного вида к числу юридических лиц другого вида (С. 202); произвольное перенесение правового регулирования с законодательного на подзаконный уровень (С. 207). Читая данную главу, возникает вопрос, в чем автор видит *собственно дефект*? Тот факт, что законодатель возложил на субъекта дополнительную обязанность, или ограничил его полномочия, само по себе законодательным дефектом не является! Кроме того, учитывая, что автор определяет свое исследование как теоретико-правовое — не ясно, имеют отношение выводы к другим отраслям права.

Также необходимо отметить, что в общей теории права проблема правовых дефектов в той или иной степени разрабатывались и в общем известна достаточно давно. Безусловным достоинством работы является использование автором большого объема научной литературы по данной теме, включая исследования Н.А. Власенко, Ю.А. Тихомирова, А.Ф. Черданцева, Н.И. Хлуденевой, А.Б. Лисюткина и др. Между тем ученый не анализирует особенности их научных подходов к теме правовых дефектов, не показан их вклад в исследование данной проблемы, особенности научных взглядов и сделанных выводов, что, в свою очередь, позволило бы выйти автору на новый уровень теоретического обобщения. Кроме того, в монографии не нашли своего отражения ряд исследований, также имеющих отношение к заявленной Викулиным теме, а именно: С.А. Белоусова, В.М. Баранова, С.В. Полениной, М.Л. Давыдовой, Ю.Г. Арзамасова и др.

В этой связи, полагаю, что пока не представляется возможным констатировать о наличии в работе целостной, внутренне непротиворечивой, последовательной научно обоснованной теории правовых дефектов.

Вместе с тем высказанные замечания не влияют на общую положительную оценку монографического исследования.

Об авторе:

Кожокарь Игорь Петрович — кандидат юридических наук, доцент, старший научный сотрудник, Институт государства и права РАН

ORCID ID: 0000-0002-5186-5413, ResearcherID: S-4500-2018

e-mail: 89272234877@mail.ru

Для цитирования:

Кожокарь И.П. Рецензия на монографию «Начала теории законодательных дефектов: монография / А. Ю. Викулин». М.: Норма, 2019. 344 с. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. 2019. Т. 23 № 4. С. 627–633. DOI: 10.22363/2313-2337-2019-23-4-627-633.

Дата поступления в редакцию: 07 сентября 2019 г.

Дата принятия к печати: 15 октября 2019 г.

Review

REVIEW OF THE MONOGRAPH “BEGINNINGS OF THE THEORY OF LEGISLATIVE DEFECTS: MONOGRAPH / A. YU. VIKULIN”. MOSCOW: NORMA, 2019. 344 p.

Igor P. Kozhokar

The Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences
10, Znamenka str., 119019, Moscow, Russia

The article reviews the monograph of A. Y. Vikulin “The Beginning of the theory of legislative defects” assesses the content of the monographic study on legislative defects, notes and argues its advantages and disadvantages, analyzes the relevance of the study, the structure and content of the work, the author's conclusions and suggestions.

Key words: legislative defects, legislation, shortcomings, legal regulation, overcoming and elimination of defects

About author:

Igor P. Kozhokar — Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Senior Researcher, Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences

ORCID ID: 0000-0002-5186-5413, ResearcherID: S-4500-2018

e-mail: 89272234877@mail.ru

For citation:

Kozhokar, I.P. (2019) Review of the monograph “Beginnings of the theory of legislative defects: monograph / A. Yu. Vikulin”. Moscow: Norma, 2019. 344 p. *RUDN Journal of Law*. 23 (4), pp. 627–633. DOI: 10.22363/2313-2337-2019-23-4-627-633.

Article received September 07, 2019

Article accepted October 15, 2019

DOI: 10.22363/2313-2337-2019-23-4-634-639

Обзор

Участие Юридического института РУДН в XXI Международном научно-практическом форуме «ЮРТЕХНЕТИКА»

А.М. Монгуш¹

Российский университет дружбы народов
117198, Москва, Россия, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

Освещается участие Юридического института РУДН в XXI международном научно-практическом форуме «ЮРТЕХНИКА». Дается критика содержания научных докладов на пленарном заседании и круглых столах. Воспроизводятся основные идеи и проблемы, прозвучавшие на форуме. Указывается, что материалы конференции, доклады участников будут опубликованы в ежегоднике «Юридическая техника» № 14 2020.

Ключевые слова: принципы, принципы познания, принципы права, принципы системы права, принципы правоприменения, конкуренция норм права

С 25 по 28 сентября 2019 года в Нижнем Новгороде прошла очередная конференция на тему «Система принципов российского законодательства: техника закрепления, интерпретации, реализации». В числе учредителей мероприятия выступили Нижегородская академия МВД России, юридический факультет Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского и др.

С приветственным словом выступили Комаров И.И., полномочный представитель Президента Российской Федерации по Приволжскому федеральному округу, Архипов Д.Н., начальник Нижегородской академии МВД России, генерал-майор полиции. Было зачитано приветственное слово Министра юстиции Российской Федерации Коновалова А.В.

На пленарном заседании с докладом выступил Баранов В.М., д.ю.н., профессор, заслуженный деятель науки, помощник начальника Нижегородской академии МВД России по инновационному развитию, на тему «Принципы законодательства в фокусе междисциплинарных исследований». Докладчик обратил внимание на важность и сложность института принципов права и необходимость его комплексного исследования как собственно теорией права, так и отраслевыми

¹ © Монгуш А.М., 2019.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0>

юридическими науками. Обращено внимание и на разноликость понимания принципов права в юридической науке, их места и роли в правовой системе. Выступающий подчеркнул, что принципы системы права должны быть адаптированы в юридических нормах, если этого нет, то вряд ли можно говорить, что это начала системы права. Докладчик изложил свою версию методологических подходов в исследовании принципов системы.

С.В. Кодан, д.ю.н., заслуженный юрист Российской Федерации, профессор Уральского государственного университета права, выступил с докладом «Методологические принципы юридического источниковедения: понятие, система, значение». Докладчик обратил внимание на эффективность научных исследований в юридической науке, в первую очередь кандидатских и докторских диссертаций. В основе научной деятельности, по мнению выступающего, должны лежать соответствующие принципы, отступление от которых приводит к сбоям качества полученных результатов исследования. Наибольший ущерб, считает докладчик, приносит попираание такого начала научной деятельности, как добросовестность. Выражается это в плагиате идей, концепций и откровенном переписывании чужих текстов. Нередко недобросовестность встречается в цитировании: авторы диссертаций либо вообще «забывают» делать ссылку, либо в одном месте это делается, а в другом «забывается». Кроме того, выступающий обосновал важность принципа «завершенности сюжета» в научных текстах. Авторы нередко, исследуя ту или иную проблему, не завершают исследовательскую мысль, не делают выводов, т.е. бросают сюжет и переходят к новым идеям. Это не может не сказаться на качестве диссертационной работы. Докладчик выступил с критикой традиции указывать в авторефератах списки («подвалы») всех авторов и ученых, так или иначе касавшихся проблемы исследования в своих научных изысканиях.

В числе иностранных гостей на пленарном заседании форума выступил Гамбарян А.С., д.ю.н., профессор кафедры теории права, конституционного права Института права и политики Российско-Армянского (Славянского) университета с докладом «Внесистемные коллизии и внутрисистемные конфликты принципов права: доктрина, практика, техника». Идея автора свелась к тому, что принципы права — явление «живое» и развивающееся, способное конфликтовать с идеями и ценностями социальной практики. Кроме того, принципы способны вступать и во внутрисистемные конфликты, т.е. конкурировать между собой. И в том, и в другом случае это объясняется движением и развитием самих принципов права.

С докладом «Конкуренция принципов права» выступил д.ю.н., профессор РУДН, заслуженный юрист Российской Федерации Власенко Н.А. Докладчик обосновал следующие тезисы:

1) почему так много принципов права, или в юридической науке столько принципов права — сколько звезд на небе. Анализ дореволюционной литературы (учебники Трубецкого, Коркунова, Петражицкого, Ильина и др.), подчеркнул выступающий, говорит в пользу того, что в тот период эта проблема иссле-

довалась мало либо не исследовалась вообще. Анализ иностранной правовой литературы также говорит в пользу того, что тема принципов права, по крайней мере, не является доминирующей (среди немногих исключений — Общая теория права. Жан-Луи Бержелль. М., 2000). В основе множества принципов права, правосознания, юридической техники той или иной юридической деятельности (законопроектной и иной) в России — *политическая* причина. Дело в том, что в советский период такие темы, как сущность права, принципы, цели и др., стали средством демонстрации студентам преимуществ социализма. Анализ учебной литературы, начиная с 1959 года, с момента, когда учебники по теории государства и права стали выпускать более или менее достаточно, показал, что тема «принципы права» стала устойчивой и демонстрировала преимущества советского строя (учебники под ред. Д.А. Керимова, А.И. Денисова, Н.Г. Александрова и т.д.). Здесь в качестве принципов предлагались закономерности развития социалистического общества, его цели, задачи; даже предмет и метод праворегулирования. Набирала темпы и монографическая литература по данной тематике, где принципы права толковались исключительно с политических позиций, например, под «соусом» ленинских.

2) множество принципов в теории права — это результат и неоправданной синонимии данного термина. Докладчик подчеркнул, что в юридической литературе принцип права отождествляют с закономерностями, целями, задачами, свойством, признаком, презумпциями, определенностью, целями юридической техники, ценностями и др., и даже с научными идеями, идеалами. В этой связи докладчик задается вопросом — что понимать под принципом права? Анализ философской литературы приводит к выводу, что принцип — это предельно концентрированное знание, целеположение, нормативность (регулятивность — согласно идее философа Шептулина). Итак, принцип — это нормативное веление, определенное аккумулятивным знанием и целеполаганием. Все положения, которые не отвечают указанным критериям, принципами системы права считать нельзя, заключает докладчик.

3) что не может конкурировать? Или о конфликтах принципов права. Выступающий считает, что такие категории, как государственно-правовая надстройка, правовая система и др. принципов не имеют и иметь не могут, ибо это собирательные категории. Здесь можно говорить только о принципах отдельных элементов такого рода понятий, например, принципах правосознания, если речь идет о правовой системе. Докладчик считает, что конкуренцию принципов права можно подразделить на субординационную (иерархическую) и горизонтальную.

Субординационные противоречия между началами системы права имеют содержательный характер. Все дело в объеме понятий («охвате»). Есть принципы, предельно широкие по объему (справедливость, гуманизм, добросовестность и др.). Однако, например, справедливость имеет уравнивающий и распределяющий аспекты (по Аристотелю). В этой связи некорректно ставить в один ряд общие (основные) принципы и начала, их конкретизирующие,

например, принцип справедливости и принцип равенства между мужчинами и женщинами. Относительно горизонтальной конкуренции. Здесь необходимо исследовать конфликты между принципами *равной юридической силы*, например, конкуренцию между такими принципами, как диспозитивность и процессуальная активность суда; устность и письменность процесса; гласность и доступность правосудия и др.

В завершении докладчик отметил, что содержание указанных принципов серьезно изменяется благодаря таким факторам, как цифровизация, Интернет и др. К сожалению, эта проблема в правовой науке пока остается практически без внимания.

На пленарном заседании представили свои доклады Зражевкая Т.Д., д.ю.н., профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, Уполномоченный по правам человека в Воронежской области («Конституционные принципы как основа методологии разработки показателей в сфере прав человека»), Кругликов Л.Л., д.ю.н., профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, профессор Ярославского госуниверситета («О принципах назначения уголовного наказания»).

На «круглом столе» дискуссия продолжилась, и были заслушаны доклады Лазарева В.В., д.ю.н., профессора, заслуженного деятеля науки, главного научного сотрудника ИЖиСП при Правительстве, на тему «Функциональная характеристика принципов права». Докладчик обратил внимание на изменения содержания принципов права с такими объективными обстоятельствами как глобализация в мире, «наступление цифры или цифрового общества» и др. Шафиров В.М., д.ю.н., профессор, главный научный сотрудник Российского государственного университета правосудия, выступил с сообщением на тему «Принципы права и типы правопонимания». Докладчик, по существу, продолжил высказанное им ранее на страницах юридической литературы мнение о необходимости развития интегративного подхода в правопонимании. Суменков С.Ю., д.ю.н., доцент, профессор Пензенского государственного университета, в выступлении на тему «Принципы законодательства как нормативно объективированные правила (возможны ли исключения?)» обосновал идею возможности исключения из принципов права.

Андреева П.Н., аспирант, ассистент кафедры теории права и государства РУДН, представила доклад на тему «Инсоляционные гарантии как принцип развития градостроительного, экологического и жилищного законодательства». Автор обратил внимание на то, что инсоляция — важная составляющая здоровья человека. В этой связи инсоляционные гарантии должны рассматриваться как принцип развития градостроительного, экологического и жилищного законодательства. Кроме того, гарантии инсоляции должны выступать важной составляющей соседского права.

На «круглом столе» конференции было заслушано более 50 докладов докторов и кандидатов наук, докторантов, аспирантов и магистров. Все они сошлись в одном: институт принципов права — постоянно развивающийся фено-

мен, важнейшая составляющая отечественной правовой системы. Все это говорит в пользу постоянного научного мониторинга данного феномена. Материалы конференции, доклады участников форума будут опубликованы в ежегоднике «Юридическая техника», № 14, 2020.

Об авторе:

Монгуш Аэлита Михайловна — ассистент кафедры теории права и государства, юридический институт, Российский университет дружбы народов

ORCID ID: 0000-0003-4394-6296

e-mail: mongush.aelita@yandex.ru

Для цитирования:

Монгуш А.М. Участие Юридического института РУДН в XXI Международном научно-практическом форуме «ЮРТЕХНЕТИКА» // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки*. 2019. Т. 23 № 4. С. 636–641. DOI: 10.22363/2313-2337-2019-23-4-634-639.

Дата поступления в редакцию: 30 сентября 2019 г.

Дата принятия к печати: 15 октября 2019 г.

Review

**THE PARTICIPATION OF RUDN UNIVERSITY LAW INSTITUTE
IN THE XXI INTERNATIONAL SCIENTIFIC AND PRACTICAL FORUM
“LEGAL TECHNICS”**

Aelita M. Mongush

Peoples' Friendship University of Russia
6, Miklukho-Maklaya str., 117198, Moscow, Russia

The study offers some important insights about the participation of RUDN University Law Institute in the XXI International Scientific and Practical Forum “Legal Technics”. This work aims to contribute to this growing area of research by criticizing the content of the plenary and round-table reports. The study also provides the information on the publication of the proceedings papers in the annual edition “Legal Technics” in 2020.

Key words: principles, gnoseology principles, principles of law, principles of a system of law, principles of law enforcement practice, competition of legal norms

About author:

Aelita M. Mongush — assistant of the Department of Theory of Law and State, RUDN University Law Institute

ORCID ID: 0000-0003-4394-6296

e-mail: mongush.aelita@yandex.ru

For citation:

Mongush, A.M. (2019) The participation of RUDN University Law Institute in the XXI International scientific and practical forum “Legal Technics”. *RUDN Journal of Law*. 23 (4), pp. 636–641. DOI: 10.22363/2313-2337-2019-23-4-634-639.

Article received September 30, 2019

Article accepted October 15, 2019

**К 60-ЛЕТИЮ ЮРИДИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА РУДН
НАУЧНЫЕ ШКОЛЫ И НАПРАВЛЕНИЯ ИССЛЕДОВАНИЙ
ON THE 60th ANNIVERSARY
OF THE RUDN UNIVERSITY LAW INSTITUTE
SCIENTIFIC SCHOOLS AND RESEARCH AREAS**

DOI: 10.22363/2313-2337-2019-23-4-640-652

Информационная статья

**ШКОЛА СРАВНИТЕЛЬНОГО КОНСТИТУЦИОННОГО
И МУНИЦИПАЛЬНОГО ПРАВА (ЧАСТЬ I)**

В.В. Еремян¹

Российский университет дружбы народов
117198, Москва, Россия, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

В начале будущего календарного года исполнится шестьдесят лет с момента образования Университета дружбы народов им. П. Лумумбы (позднее РУДН), в рамках которого в разное время действовали факультет экономики и права, юридический факультет, на смену которым, сохраняя преемственность, пришел Юридический институт. Являясь одним из выпускников университета и учеником выдающихся советских ученых, стоявших у истоков нескольких школ сравнительного правоведения, существующих в настоящее время, автор предпринял попытку проследить за диалектическим процессом становления, развития и систематизации научной школы сравнительного конституционного и муниципального права, с которой традиционно были связаны характер, специфика и особенности не только обучения иностранных и отечественных студентов, но и значительные достижения в сфере подготовки кандидатов и докторов наук по этой специальности.

В отличие от других учебных заведений сравнительно-правовой анализ изначально лежал в основе подготовки национальных юридических кадров для государств, освободившихся от

¹ © Еремян В.В., 2019.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0>

колониальной зависимости, чем во многом и обуславливалась регионально-страноведческая модель исследования формы правления, территориального устройства и политических режимов ведущих стран «социалистической» и «капиталистической» ориентации Азии, Африки и Латинской Америки, вставших на путь самостоятельного цивилизационного развития, переживавших период суверенизации и «деколонизации» широкого круга политических, экономических и социальных отношений. Формирование «основ» африканской, латиноамериканской, арабско-мусульманской, индийской компаративистики связаны с кафедрой теории и истории государства и права, в рамках которой был заложен научный фундамент школы сравнительного конституционного и муниципального права, «эстафету» у которой с течением времени приняли сначала кафедра конституционного, административного и финансового права, а затем кафедры конституционного и муниципального права, конституционного права и конституционного судопроизводства и муниципального права, сохранившие и актуализировавшие лучшие традиции, связанные с обучением российских и иностранных студентов, аспирантов и докторантов. На современном этапе сравнительное правоведение переживает новый этап, вызванный интересом к процессам, протекающим в Соединенных Штатах и Европейском Союзе.

Ключевые слова: конституционное право, муниципальное право, сравнительное правоведение, сравнительно-правовой анализ, компаративистика

ВВЕДЕНИЕ

В канун приближающейся знаменательной даты — шестидесятилетнего юбилея университета (в официальном названии которого в течение всего этого периода неизменно, несмотря ни на что, присутствует такой отличительный составной элемент, как «дружба народов»), созданного решением советского правительства с целью подготовки квалифицированных национальных кадров для развивающихся государств и стран, освободившихся от колониальной зависимости, одним из подразделений которого стал факультет экономики и права, следует обратить внимание на одно важное обстоятельство: с момента образования факультета, который теперь является юридическим институтом, во главу угла системы преподавания и научных исследований была положена методология *сравнительно-правового анализа*, во многом уникальная для всей высшей школы того времени, так как практически ни в одном более или менее значимом учебном заведении страны юриспруденции не уделялось внимание именно в таком контексте. На столь примечательный и, вне всякого сомнения, объективный факт, в котором традиционно и последовательно на протяжении десятков лет *прослеживаются специфика и особенности процесса обучения* иностранных и отечественных студентов, аспирантов и докторантов, с одной стороны, становление и развитие нескольких оригинальных научных школ, с другой, необходимо, в частности, обратить внимание, говоря о том, во многом уникальном, вкладе, который внес университет в развитие одного из наиболее перспективных направлений изучения правовых систем и их разновидностей, оказавших прямое или косвенное влияние на весь ход исторического процесса и тенденции государственного строительства бывших колоний, доминионов и подмандатных территорий. Иными словами, сравнительное правоведение, без всякого преувеличения, рефреном проходящее сквозь программу подготовки

юристов и отражаясь в читаемых курсах и защищаемых диссертациях, не было чем-то экстраординарным, так как вполне естественным образом пронизывало всю ткань подготовки специалистов во многих отраслях, в том числе в области конституционного (государственного) и муниципального права.

Не меньшее значение для современных представлений о государстве и праве имеет и то существенное (по целому ряду критериев принципиальное) обстоятельство, что в основе сложившихся к настоящему времени научных и преподавательских школ лежит не что иное, как фактор *преемственности*, без которого достаточно проблематично оценивать те черты и традиции, которые в той либо иной степени унаследовало нынешнее поколение профессоров и доцентов от своих предшественников, стоявших у истоков создания этих школ и внесших во многих случаях неоценимый вклад в развитие и популяризацию последних. К сожалению, не все помнят, знают и цитируют их работы, однако каждый, о ком бы, с нашей стороны, конкретно ни говорилось, *оказал влияние на развитие науки сравнительного конституционного (государственного) и муниципального права*, передав «эстафету» своим ученикам и последователям, продолжающим достойно нести знамя компаративизма. Изменились средства и формы, но неизменной осталась суть — сравнительно-правовой анализ всего того, что связано со спецификой публичных отношений, политико-правовым стержнем которых является конституция или иные учредительные акты.

СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ УНИВЕРСИТЕТА ДРУЖБЫ НАРОДОВ

Несмотря на то, что сравнительным правоведением в стране занимались многие крупные и весьма авторитетные отечественные исследователи, причем как дореволюционного, так и советского периода, ученые, стоявшие у истоков создания школы сравнительного конституционного и муниципального права, обладали одной особенностью, на которую нельзя не обратить внимание: речь идет о том, что *акцент делался преимущественно на национальные правовые системы* не столько развитых государств англосаксонской и континентальной (романо-германской) традиции, сколько на страны Азии, Африки и Латинской Америки, в то или иное время освободившиеся от колониальной зависимости, и находившиеся на соответствующей стадии длительного процесса правовой, экономической и политической деколонизации, во многом обусловленной или вызванной характером, особенностями и имевшейся, что вполне естественно, закономерно и относительно предсказуемо, у большинства из них спецификой строительства суверенной государственности, но также степенью и уровнем взаимодействия с бывшей метрополией.

Исходя из того, что первоначально, во многом исходя из сложившейся и функционирующей на тот момент структуры факультета, монографии, статьи и учебные пособия сравнительно-правовой направленности, посвященные тем или иным аспектами публичных отношений, были подготовлены на научной

базе кафедры теории и истории государства и права, из недр которой позднее выйдет в том числе и кафедра конституционного права и конституционного судопроизводства, необходимо сказать несколько слов о том фундаменте, без которого трудно, если вообще возможно, представить процесс становления и развития школы сравнительного конституционного и муниципального права. Именно благодаря тому неоспоримому факту, что кафедра теории и истории государства и права, во главе которой стояли выдающиеся советские ученые — ее основатель профессор А.Ф. Шебанов и со временем сменивший его на этом посту профессор О.А. Жидков², аккумулировала научный потенциал, знания и эрудицию специалистов, занимавшихся широким кругом проблем, связанных не только с историей и теорией государства и права³, но и с публичной сферой отношений, свет увидели многочисленные работы самого разного «статуса», непосредственно посвященные конституционному (согласно терминологии тех лет, «государственному») праву и организации местного самоуправления⁴ стран, вставших на путь самостоятельного развития.

В ряду тех, с кем ассоциируется становление и развитие *сравнительного конституционного* (государственного) права, видное место занимает доцент Н.А. Заварнов⁵, с чьим именем в той или иной степени связано формирование *регионально-страноведческого подхода к анализу проблем* общественного и государственного устройства стран социалистической и капиталистической ориентации, формы государства, партийного строительства, избирательного процесса и ряда других вопросов, характерных для Африки. Он продолжил во многом традицию, согласно которой внимание акцентировалось не на каких-то общих тенденциях и закономерностях, присущих *африканскому региону* в целом, хотя и об этом в работах, безусловно, шла речь, а на тех эксклюзивных

² См.: *Шебанов А.Ф.* Советское социалистическое общенародное право: Монография. М., 1963; *Он же.* Возникновение и сущность государства и права стран, освободившихся от колониальной зависимости: Учебник. М.: Изд-во УДН, 1968; *Жидков О.А.* История государства и права Древнего Востока: Учебное пособие для студентов-юристов. М.: Изд-во УДН, 1963; *Он же.* История государства и права стран Латинской Америки: Учебное пособие для студентов факультета экономики и права. М.: Изд-во УДН, 1967; *Он же.* История буржуазного права (до периода общего кризиса капитализма): Учебное пособие для студентов-юристов. М.: Изд-во УДН, 1971.

³ См.: *Крашенинникова Н.К.* История государства и права Кубы: Учебное пособие. М.: Изд-во УДН, 1966; *Она же.* Некоторые вопросы национально-освободительной борьбы и конституционного развития Индии после 1917 года // Труды Университета дружбы народов им. П. Лумумбы: Экономика и право. Т. 36. Вып. 3. М.: Изд-во УДН, 1966.

⁴ См., например: *Куфакова Н.А.* Местное управление в буржуазных странах и странах, освободившихся от колониальной зависимости: Учебное пособие. М.: Изд-во УДН, 1969; *Иванова В.И.* Местные органы власти социалистических государств: Учебное пособие. М.: Изд-во УДН, 1969.

⁵ См.: *Заварнов Н.А.* Высшие органы власти и управления в государствах Восточной Африки (Танзания, Замбия, Кения, Уганда): Учебное пособие. М.: Изд-во УДН, 1973; *Он же.* Президенты в странах Африки: Учебное пособие. М.: Изд-во УДН, 1976; *Он же.* Конституции стран Африки: Учебное пособие. М.: Изд-во УДН, 1978; *Он же.* Государственное право развивающихся стран: Учебное пособие. М.: Изд-во УДН, 1981.

чертах, с которыми, как правило, были связаны особенности деколонизации и государственного строительства народов, освободившихся от колониальной зависимости. В этом проявилась *специфика сравнительно-правового анализа, присущего школе, сложившейся на факультете*, основанного на исследовании не зарубежных стран как таковых (хотя предметом и объектом изучения были и крупнейшие западные демократии, некоторые из которых относились когда-то к колониальным империям, под юрисдикцией которых находились будущие суверенные государства, такие как, например, Индия, Алжир, Нигерия, Мали и другие), а *преимущественно государств* так называемого «*третьего мира*», их формы правления, государственного устройства и политического режима⁶.

В том же направлении, вместе с тем акцентируя внимание на несколько иных вопросах, в своих работах осуществлял сравнительно-правовой анализ и профессор⁷ Г.И. Муромцев, возглавивший кафедру после ухода с должности заведующего О.А. Жидкова, много внимания уделивший источникам права, в том числе конституциям африканских и арабских государств⁸, особенно в их взаимодействии с нормами шариата, тенденциям их развития, систематизации и кодификации. Не менее знаковыми, до сих пор практически не утратившими актуальности, были исследования, связанные с анализом системы источников индусского права, в том числе в контексте влияния, оказываемого традициями, среди которых ведущая роль принадлежит конституции и аналогичным актам учредительного характера⁹.

Следует сказать, что с момента образования кафедры теории и истории государства и права (судя по всему, это надо воспринимать в качестве одной из черт и важнейших особенностей, отличавшей ее от аналогичных структур, функционировавших в большинстве других высших учебных заведений того времени, за исключением Московского института международных отношений и Института стран Азии и Африки, являвшегося автономным подразделением Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова), в рамках которой в целом концентрировались несколько будущих кафедр, большинство индивидуальных и коллективных исследований регионально-страноведческой

⁶ В целом аналогичным проблемам была посвящена и диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук. См: *Заварнов Н.А.* Высшие органы власти и политические партии Республики Кении (1945–1970 гг.). М.: УДН им. П. Лумумбы, 1970.

⁷ Научные звания и должности здравствующих ученых указаны на настоящий момент.

⁸ См.: *Муромцев Г.И.* Конституции арабских государств: Учебное пособие. М.: Изд-во УДН, 1982; *Он же.* Некоторые вопросы национальной государственности в странах Африки, вступивших на некапиталистический путь развития // Проблемы экономики и права развивающихся стран / Отв. ред. Ф.М. Решетников и Э.А. Уткин. М.: Изд-во УДН, 1968; *Он же.* Влияние ислама на политическое и правовое развитие африканских стран социалистической ориентации // Труды Университета дружбы народов им. П. Лумумбы. Т. 54. Вып. 2: Проблемы государства и права Азии, Африки и Латинской Америки / Отв. А.Ф. Шебанов. М.: Изд-во УДН, 1971; *Он же.* Источники права в развивающихся странах Азии и Африки: Система и влияние традиций: Монография / Отв. ред. О.А. Жидков. М.: Изд-во УДН, 1987.

⁹ См.: *Муромцев Г.И.* Источники индусского права // Вестник Российского университета дружбы народов. Юридические науки / Отв. ред. В.М. Филиппов. Вып. 1. М.: Изд-во РУДН, 1997.

и сравнительно-правовой направленности, осуществленных преподавателями, систематически или периодически работавшими¹⁰ на ней, как правило, носили комплексный характер, отражавший «приоритетные» тенденции, присущие на тот момент идеологическим представлениям, превалирующим в том числе в науке конституционного (государственного) права¹¹.

Африканской проблематике были посвящены и работы доцента Шарце М.Г., в которых с критической точки зрения рассматривались вопросы, в той или иной степени связанные с механизмом формирования и действия права в государствах Тропической Африки, со спецификой правового регулирования социально-экономического развития, в зависимости от социалистической или капиталистической ориентации, и роли права в осуществлении экономической функции в странах региона. Как и в исследованиях ученых, отмеченных выше, в основе каждой из них лежала методология сравнительно-правового анализа, используемого для характеристики соответствующей сферы общественных отношений¹².

¹⁰ В контексте сказанного нельзя не отметить тот огромный вклад, который внес в развитие сравнительного конституционного права в рамках кафедры один из крупнейших современных российских государствоведов профессор В.Е. Чиркин, работы которого были посвящены и общим проблемам конституционного права зарубежных государств, и специфике, присущей развивающимся странам, освободившимся от колониальной зависимости. См., например: *Чиркин В.Е.* Политическая и государственная власть в развивающихся странах // Социально-экономические проблемы развивающихся стран: Материалы Всесоюзной научной конференции. М.: Изд-во УДН, 1987. Аналогичным образом обстояло дело и с работами профессора Ю.А. Юдина, М.А. Фаузи и В.А. Потоцкого, внесшими заметный вклад в развитие науки конституционного права. См.: *Юдин Ю.А.* Тенденция конституционного развития стран социалистической ориентации // Социально-экономические проблемы развивающихся стран: Материалы всесоюзной научной конференции. М.: Изд-во УДН, 1987; *Он же.* Роль государства в развивающихся странах // Новое политическое мышление и социально-экономические проблемы развивающихся стран: Материалы Всесоюзной научной конференции, посвященной 30-летию УДН им. П. Лумумбы. Ч. 1 / Отв. ред. В.Ф. Станис, А.А. Иванов. М.: Изд-во УДН, 1991; *Фаузи М.А.* Президентская власть в Демократической Республике Судан // Проблемы экономики и права развивающихся стран: Сборник статей. М.: Изд-во УДН, 1976; *Потоцкий В.А.* Проблемы конституционной реформы Аргентины // Социально-экономические проблемы развивающихся стран: Материалы Всесоюзной научной конференции. М.: Изд-во УДН, 1987; *Он же.* Армия в политической системе Аргентины // Государственно-правовые проблемы стран Латинской Америки: Сборник научных трудов. М.: Изд-во УДН, 1988.

¹¹ В качестве примера можно привести диссертацию Г.И. Муромцева на соискание ученой степени кандидата юридических наук. См.: *Муромцев Г.И.* Некоторые особенности становления национального права в странах Африки, развивающихся по некапиталистическому пути. М.: УДН им. П. Лумумбы, 1968.

¹² См.: *Шарце М.Г.* Некоторые вопросы правового регулирования социально-экономического развития в независимых странах Африки // Проблемы развития стран Азии, Африки и Латинской Америки: Материалы 4-й научно-теоретической конференции аспирантов факультета экономики и права / Отв. ред. Е.А. Шеин. М.: Изд-во УДН, 1974; *Он же.* Фактор ориентации и социальное содержание права в странах Тропической Африки // Социально-экономические проблемы развивающихся стран: Материалы Всесоюзной научной конференции. М.: Изд-во УДН, 1987. Непосредственно указанных вопросов касалась диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук. См.: *Шарце М.Г.* Механизм формирования и действия права в государствах Тропической Африки (на примере стран Восточной Африки - Кении, Танзании, Уганды). М.: УДН им. П. Лумумбы, 1983.

Учитывая то обстоятельство, что компаративизм изначально имел самые разные предметы и объекты изучения, диапазон которых преимущественно не ограничивался каким-либо одним регионом континента, нельзя не обратить внимание на тот факт, что отдельные ученые параллельно занимались, причем достаточно эффективно, широким кругом вопросов, имевших отношение как к зарубежной, так и отечественной проблематике конституционно-правовых отношений¹³. Справедливости ради надо сказать, что подобная методология в некоторой степени являлась своего рода «визитной карточкой» профессоров и доцентов, работавших на кафедре, позволявшей с большим успехом не только преподавать дисциплины, входившие в обязательный, по существу ничем не отличавшийся от других учебных заведений, перечень «советского права», но и осуществлять научное руководство аспирантами¹⁴ из стран Азии, Африки и Латинской Америки.

Характеризуя основные направления и области исследований, реально и последовательно способствовавших процессу становления и развития науки сравнительного конституционного права, нельзя забывать о том, что одной из важнейших тенденций, наметившейся и актуализированной уже с первых лет функционирования университета и факультета экономики и права, становится подготовка и защита диссертаций аспирантами кафедры из развивающихся¹⁵ стран, осуществленные под руководством ведущих профессоров, заложивших теоретический фундамент не только конституционно-правовой отрасли, в ее, так сказать, «зарубежном варианте», но и сделав акцент на специфике, в той или иной степени обусловленной «статусом» государств, освободившихся от

¹³ Наглядной иллюстрацией могут служить работы доцента В.И. Ивановой, читавшей лекции по советскому государственному праву и одновременно занимавшуюся проблемами конституционно-правовых отношений стран народной демократии и развивающихся государств. См.: *Иванова В.И.* Система государственных органов в социалистических странах: Учебное пособие по курсу «Государственное право». М.: Изд-во УДН, 1982; *Она же.* Правовое положение личности в социалистическом государстве: Учебное пособие. М.: Изд-во УДН, 1986; *Она же.* Конституционные права и обязанности граждан Алжирской Народной Демократической Республики // Политические и правовые системы стран Азии, Африки и Латинской Америки: Сборник научных трудов / Отв. ред. О.А. Жидков. М.: Изд-во УДН, 1983.

¹⁴ К числу отечественных аспирантов, целенаправленно занимавшихся проблемами африканских государств, можно, в частности, отнести П.А. Бородину. См.: *Бородин П.А.* Политическая власть и право в развивающихся странах (к методологии вопроса) // Право и социальный прогресс в развивающихся странах: Сборник научных трудов / Отв. ред. и авт. предисл. О.А. Жидков. М.: Изд-во УДН, 1986; *Он же.* К вопросу о методологии исследования правовой политики государств Тропической Африки // Социально-экономические проблемы развивающихся стран: Материалы Всесоюзной научной конференции. М.: Изд-во УДН, 1987; *Он же.* Некоторые теоретические проблемы соотношения государственной политики и права в развивающихся странах Тропической Африки // Право и политика в развивающихся странах: Сборник научных трудов / Отв. ред. О.А. Жидков. М.: Изд-во УДН, 1990.

¹⁵ В качестве примера можно привести диссертации: *Мардашти Хашаяр.* Место и роль парламентов в политической системе стран Ближнего и Среднего Востока: Турции, Ирана и Афганистана. М.: УДН, 1972; *Сафоклис Янни Сафокли.* Государственно-правовые аспекты становления и развития Республики Кипр. М.: УДН, 1976; *Фавзи Мохамед Маджид.* Развитие государственного устройства Судана. М.: УДН, 1976.

колониальной зависимости. Тот факт, что работы посвящены особенностям и проблемам конституционно-правовых отношений в странах «третьего мира» на стадии деколонизации, формирования национальной государственности и правовых систем, делает их до сих пор актуальными и востребованными.

ЛАТИНСКАЯ АМЕРИКА В ФОКУСЕ СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Одновременно с африканскими государствами и странами Ближнего Востока, освободившимися от колониальной зависимости, ученые кафедры не оставили без внимания *латиноамериканский регион*, несмотря на тот факт, что большинство государств вышли из-под юрисдикции Испании и Португалии в первой трети — второй половине XIX века, пройдя к этому времени несколько этапов развития — от периода национально-освободительных движений и войн до буржуазно-либеральных революций — национальной государственности. За исключением нескольких государств Карибского бассейна, ранее входивших в состав Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии в статусе так называемых «заморских территорий», и, как следствие последнего, *унаследовавших англосаксонскую традицию* (в том числе и октроированный характер конституций), все остальные, начиная с Мексики и заканчивая Чили, в той либо иной степени *рецептировали романо-германские основы* правовых систем своих бывших метрополий. Во многом именно этим обстоятельством объясняются характер и особенности исследований, посвященных проблемам конституционно-правовых отношений, сложившихся на континенте.

Мы уже говорили о том, что *фундамент сравнительного правоведения*, применительно к странам Латинской Америки, был заложен в пособии О.А. Жидкова «История государства и права стран Латинской Америки»¹⁶, ученики и последователи которого продолжили, начатое им изучение вопросов, в той или иной степени связанных с проблемами государства и права региона. В их числе одно из первых мест принадлежит профессору Н.Н. Разумовичу и его монографии «Кто и как правит в Латинской Америке»¹⁷, ставшую событием в свое время, так как в науке конституционного права до ее публикации еще не было¹⁸

¹⁶ Помимо прочих статей и учебных пособий, посвященных критическому анализу проблем государства и права указанного региона, внесших весьма существенный вклад в изучение характера и специфики процесса государственного и правового развития, нельзя не отметить следующую: Жидков О.А. Становление правовых систем в странах Латинской Америки // Государственно-правовые проблемы стран Латинской Америки: Сборник научных трудов. М.: Изд-во УДН, 1988.

¹⁷ См.: Разумович Н.Н. Кто и как правит в Латинской Америке. Политическая система американских стран. М.: Международные отношения, 1967.

¹⁸ Причин было несколько, начиная с того, что к этому периоду Латинская Америка начинает играть все большую роль в мировом революционном процессе, в связи с чем политические и правовые системы региона (хотя нередко и в преломленном виде) отражали самые глубинные и существенные противоречия всего процесса общественного развития, и заканчивая богатым политическим и правовым опытом, накопленным в странах региона за период колониальной зависимости и национальной государственности.

исследований такого уровня и степени охвата проблем. Она как бы дала новый мощный толчок началу критического переосмысления многих штампов и стереотипов¹⁹, которые сложились и популяризировались в зарубежной (в первую очередь англоязычной) литературе, прямо или косвенно посвященной важнейшим аспектам государственного строительства. Более того, нельзя не признать, что в этот период на кафедре теории и истории государства и права по существу начинается важнейший этап развития направления, чуть позднее ставшего *сравнительно-правовой латиноамериканистикой*, уровень которой позволил не только сформировать научную школу, но и начать подготовку к публикации целого ряда фундаментальных работ и защите диссертаций.

Вне всякого сомнения, «пальма первенства» в указанной проблематике последовательно переходит к ученикам О.А. Жидкова и Н.Н. Разумовича, так сказать, «первого» и «второго» поколения, исследования которых не только в целом подтвердят идеи, высказанные в работах их учителей, но концептуально по-новому обоснуют особенности и закономерности процессов, протекавших в странах региона при переходе к государственности «национального» типа и формирования самобытных правовых систем. По существу, решающую роль во всем этом сыграла «комбинаторность» кафедры, благодаря которой ученые в одних случаях критически анализировали вопросы конституционализма, в других — партийного строительства, в-третьих — муниципализма, в-четвертых, организации и деятельности органов государственной власти. Речь идет о том, что общепринятая дифференциация предмета и объекта исследования была *во многом переосмыслена и актуализирована* с учетом того обстоятельства, что преподаватели и аспиранты кафедры, целенаправленно изучавшие проблемы, с которыми столкнулись страны региона, вставшие на путь самостоятельного развития, носили комплексный характер, обусловленный сложившейся здесь высокой юридической техникой и своеобразной правовой культурой, дающих ценнейший материал сравнительно-правового и контрастирующего характера как для отдельных отраслевых юридических дисциплин, с одной стороны, так и более глубокого, всестороннего осмысления общетеоретических явлений и категорий, с другой, поскольку достаточно своеобразно, в целом ряде аспектов уникально, они проявлялись на латиноамериканской почве²⁰.

¹⁹ См.: Черняев В.А. Развитие законодательных источников права в странах Латинской Америки: Диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук. М.: УДН им. П. Лумумбы, 1973.

²⁰ В общем контексте сравнительно-правовых исследований нельзя не отметить того факта, что предметом и объектом анализа становились самые разные сферы общественных отношений, объединенные в масштабах кафедры теории и истории государства и права. См.: Черняев В.А. Источники права в странах Латинской Америки // Проблемы экономики и права развивающихся стран: Научная конференция аспирантов факультета экономики и права. М.: Изд-во УДН, 1971; Демин А.А. Административная юстиция и административный процесс в странах Латинской Америки // Государственно-правовые проблемы стран Латинской Америки: Сборник научных трудов. М.: Изд-во УДН, 1988; Штатина М.А. Государственный аппарат в развивающихся странах: Учебное пособие. М.: Изд-во УДН, 1987.

С учетом сказанного обращают на себя внимание работы доцента М.В. Федорова, непосредственно посвященные специфике становления и развития *латиноамериканского конституционализма*, в рамках которых наиболее ярко, отчетливо и последовательно прослеживается не только историко-правовой²¹, но и сравнительный конституционно-правовой алгоритм анализа, отражавший тенденции, наблюдавшиеся на кафедре, и присущие, в частности, работам тех, кто специализировался на этом регионально-страноведческом направлении²², чаще всего удачно дополняя одни методы исследования другими. Без всякого преувеличения и ложной скромности нельзя не признать, что они во многом внесли неоценимый вклад в процесс *адекватного понимания особенностей и специфики*, имевших место в период деколонизации и создания национальной государственности в странах Латинской Америки.

Подвергнув конструктивной критике концепции крупнейших испанских и латиноамериканских авторов, стремившихся рассматривать «иберийскую» схоластику в качестве главного теоретического источника передовой на тот момент латиноамериканской правовой и политической мысли, приписывая ей решающую роль в духовном стимулировании войны за независимость, ученый приходит к выводу, по-прежнему актуальному, что политико-правовая мысль Латинской Америки периода становления национальной государственности и права отражала чрезвычайно сложный процесс борьбы и конвергенции новых прогрессивных идей, опиравшихся на гуманистические теории европейских и американских просветителей, с «официальной» схоластической философией, представляла своеобразную переходную форму от схоластики к качественно другой идеологии, совместно с новыми взглядами на институт государства и права послужившей основой построения суверенной государственности²³.

Не менее важен и следующий вывод, сформированный ученым: «отцы-основатели» независимых латиноамериканских государств²⁴, вдохновители и

²¹ Исключительно наглядным примером может служить диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук. См.: Федоров М.В. Становление латиноамериканского конституционализма (1810–1830 гг.). М.: УДН им. П. Лумумбы, 1980.

²² Справедливости ради надо сказать, что на других факультетах университета проблемы Латинской Америки не оставались без внимания, чему во многом способствовало знание испанского и португальского языков и целым рядом преподавателей, и аспирантами, целенаправленно изучавшими регион.

²³ Подробнее см.: Федоров М.В. Первые конституции стран Латинской Америки: Учебное пособие. М.: Изд-во УДН, 1983; *Он же*. Политическая мысль в Латинской Америке в период войны за независимость (1810–1826 гг.) // Правоведение, 1979. № 4; *Он же*. Некоторые проблемы конституционного развития в странах Латинской Америки в период становления национальных государств // Методология историко-правовых исследований: Сборник статей. М., 1980; *Он же*. Основные черты латиноамериканского конституционализма. 1810–1830 гг. М., 1980.

²⁴ См.: Федоров М.В. *Он же*. Латиноамериканский конституционализм и критика буржуазных концепций // Политические и правовые системы стран Азии, Африки и Латинской Америки: Сборник научных трудов / Отв. ред. О.А. Жидков. М.: Изд-во УДН, 1983; *Он же*. Конституционные и политические идеи С. Боливара // Вестник Российского университета дружбы народов. Юридические науки / Отв. ред. В.М. Филиппов. Вып. 1. М.: Изд-во РУДН, 1997.

инициаторы подготовки и принятия конституций преимущественно разделяли идеологические концепции господствовавшего на этот момент буржуазного юридического мировоззрения, придавая учредительным актам подобного рода решающую роль в установлении нового государственного строя. В контексте указанной парадигмы *конституции начального периода деколонизации* (что позднее найдет подтверждение и в других регионах) явились не чем иным, как формально-юридическим отражением широкого круга условий и предпосылок экономического, социального, политического, культурного или исторического характера, в которых складывалась и формировалась государственность стран Латинской Америки, воспринявшая передовые для того времени буржуазные политико-правовые идеи и институты. Все перечисленное представляло — в той или иной степени — своеобразие становления и развития латиноамериканского конституционализма, формирование которого протекало, главным образом, на основе идейных заимствований из западноевропейских и североамериканских источников. Обобщения доцента М.В. Федорова современны и востребованы в том числе и потому, что аналогичным путем со временем пройдут многие страны, освободившиеся от колониальной зависимости²⁵.

Вопросам *партийного строительства* в странах Латинской Америки и роли политических партий в процессе становления и развития национальной государственности посвящены статьи и диссертация доцента И.Н. Шумского, в которых был осуществлен критический сравнительно-правовой анализ их места и роли в политической системе латиноамериканских государств сквозь призму конституционного регулирования юридического статуса, организации и практической деятельности, традиций парламентаризма отдельных стран, специфики, особенностей избирательных процедур. В итоге ученый приходит к обобщению, что во многих государствах региона постепенно складывается своего рода «*партийное право*», основой которого является конституционное законодательство²⁶, что символизирует собой не только расширение сферы регламентации партийной деятельности, но и отражает тенденции к усилению контроля государства за функционированием данного института как одного из важнейших элементов политического режима. Исследование основных черт

²⁵ См., например: *Федоров М.В.* Конституционная реформа 1986 года в Эквадоре // Государственно-правовые проблемы стран Латинской Америки: Сборник научных трудов. М.: Изд-во УДН, 1988; *Он же.* Особенности конституционного развития латиноамериканских государств на современном этапе // Социально-экономические проблемы развивающихся стран: Материалы Всесоюзной научной конференции. М.: Изд-во УДН, 1987; *Муромцев Г.И.* О некоторых особенностях конституций в развивающихся странах Азии и Африки // Право и политика в развивающихся странах: Сборник научных трудов /Отв. ред. О.А. Жидков. М., 1990.

²⁶ Подробнее см.: *Шумский И.Н.* Правовое регулирование деятельности политических партий в странах Латинской Америки // Социально-экономические проблемы развивающихся стран: Материалы Всесоюзной научной конференции. М.: Изд-во УДН, 1987; *Он же.* Правовое регулирование деятельности политических партий в Мексике // Государственно-правовые проблемы стран Латинской Америки: Сборник научных трудов. М.: Изд-во УДН, 1988.

процесса институционализации политических партий позволило ученому в итоге выявить его социальную направленность, которая заключается в том, чтобы при помощи правовых средств *законсервировать* существующие партийные системы и попытаться сохранить выгодное для господствующих классов и их ближайшего окружения соотношение сил на внутреннеполитической арене²⁷.

Об авторе:

Еремян Виталий Владимирович — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой конституционного права и конституционного судопроизводства, юридический институт, Российский университет дружбы народов

ORCID ID: 0000-0001-6271-4568

e-mail: eremyan_vv@pfur.ru

Для цитирования:

Еремян В.В. Школа сравнительного конституционного и муниципального права (часть I) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. 2019. Т. 23 № 4. С. 640–652. DOI: 10.22363/2313-2337-2019-23-4-640-652.

Дата поступления в редакцию: 17 июля 2019 г.

Дата принятия к печати: 15 октября 2019 г.

Informational article

Comparative constitutional and municipal law school (Part I)

Vitaliy V. Eremyan

Peoples' Friendship University of Russia
6, Miklukho-Maklaya str., 117198, Moscow, Russia

The beginning of the next calendar year marks sixty years since the Patrice Lumumba University of Peoples' Friendship (later was renamed to Peoples' Friendship University of Russia, RUDN) was founded. Within these sixty years the Faculty of Economics and Law, the Faculty of Law have been operated until the Law Institute, maintaining continuity, took the place. As one of the university graduates and a student of prominent Soviet scholars who stood at the origins of several schools of comparative law that currently exist, the author attempted to follow the dialectical process of formation, development and systematization of the scientific school of comparative constitutional and municipal law that is connected not only with the special nature and features of teaching foreign

²⁷ См.: *Шумский И.Н.* Конституционное законодательство о партиях в странах Латинской Америки // Право и политика в развивающихся странах: Сборник научных трудов / Отв. ред. О.А. Жидков. М.: Изд-во УДН, 1990.

and domestic students, but also with significant achievements in the field of preparation of candidates in and doctors in this specialty.

Contrary to other universities, comparative legal analysis was using as a basis for preparation of domestic law specialists for the states set free from colonial dependence and that explains the choice of regional and country-specific research model for forms of government, administrative organizational structures, political regimes of leading Asian, African and Latin American states with “socialistic” or “capitalistic” orientation. These mentioned states took the path of independent civilizational development, came through the periods of sovereignization and “decolonization” of wide range of political, economic and social relations. The formation of the “grounds” for African, Latin American, Arab-Muslim, Indian comparative studies is connected with the Department of Theory and History of State and Law, within which the scientific foundation of the school of comparative constitutional and municipal law was laid, the “baton was picked up”, at first, by the Department of Constitutional, Administrative and Financial law, and then by the Department of Constitutional and Municipal law, Constitutional law and Constitutional justice and Municipal law that maintained and updated the best traditions related to the training of Russian and foreign students, postgraduate students and doctoral students. At the present stage, comparative law is experiencing a new stage, caused by interest in the processes taking place in the United States and the European Union.

Key words: constitutional law, municipal law, comparative law, comparative legal analysis, comparativism

About author:

Vitaliy V. Eremyan — Doctor of Legal Sciences, Professor, Head of the Department of Constitutional law and Constitutional Proceedings of the Russian Peoples’ Friendship University

ORCID ID: 0000-0001-6271-4568

e-mail: eremyan_vv@pfur.ru

For citation:

Eremyan, V.V. (2019) Comparative constitutional and municipal law school (Part I). *RUDN Journal of Law*. 23 (4), pp. 640–652. DOI: 10.22363/2313-2337-2019-23-4-640-652.

Article received July 17, 2019

Article accepted October 15, 2019

ЮРИДИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ В ЛИЦАХ FACULTY OF LAW (INSTITUTE) IN PERSONS

В связи с 60-летием юридического института РУДН редакционная редколлегия начинает серию публикаций воспоминаний — персоналий. Предваряет их монолог бывшей студентки факультета, ныне доцента, известного ученого и педагога — Натальи Георгиевны Павловой, у которой в трудовой книжке лишь одна запись — о принятии на работу в РУДН. Вся ее жизнь связана с деятельностью Института, что достойно глубокого уважения и почета

DOI: 10.22363/2313-2337-2019-23-4-653-658

Информационная статья

СТРАНИЦА ИСТОРИИ ИНСТИТУТА (60 СТУПЕНЕЙ К БУДУЩЕМУ)

Н.Г. Павлова¹

Российский университет дружбы народов
117198, Москва, Россия, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

Я являюсь выпускницей Университета дружбы народов 1987 года. Вся моя взрослая жизнь связана с Университетом — 39 лет. Это мой дом, мое единственное место учебы и работы, моя вторая родина.

Родилась в небольшом провинциальном городке Гомельской области Белоруссии. Моей мечтой и целью было поступление в БГУ на юридический факультет в Минске — столице нашей республики. Штурмовала его два года, но не добирала баллов, возвращалась домой, работала, и опять пробовала. И так два года. Активно занималась комсомольской работой, была не освобожденным

¹ © Павлова Н.Г., 2019.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0>

членом райкома комсомола, вступила в КПСС в 19 лет по убеждениям, сформированным моим отцом, искренне верующим в идеалы коммунизма. На одном из заседаний райкома мне предложили поступать в УДН им. Патриса Лумумбы в Москву по направлению. А эти направления, как потом выяснилось, рассылались по всем республикам, городам, и даже военным частям СССР. Честно сказать, я сомневалась. Для меня, провинциальной девочки, Москва — это был другой, неизвестный мир, как сегодня Париж или Нью-Йорк. Дело в том, что тогда Университет дружбы народов не числился ни в одном Справочнике вузов для поступления. Это была первая особенность и уникальность нашего вуза. Таким образом достигалась цель, оправдывающая название университета, как минимум в масштабах страны.

Второй особенностью нашего университета было предоставление общежития совершенно бесплатно, всем иногородним, а главное — расселяли по принципу: один советский студент и один или два иностранных в комнате. При этом выдерживался принцип подселения иностранных студентов из тех стран, язык которых советские студенты изучали на подготовительном отделении. Это было настоящим подарком судьбы — такие условия, чтобы хорошо выучить иностранный язык. Так я, изучая испанский язык, проживала в разные годы и с перуанками, и с девушками из Сальвадора, Никарагуа. Это была замечательная идея. Уже к концу первого семестра первого года обучения я понимала испанскую речь, а к концу учебного года овладела разговорной речью и свободно общалась с соседками по общежитию. Также и они довольно сносно уже говорили на русском языке. Жизнь в общежитии бок обок с иностранцами шесть лет — это неоценимый опыт, расширяющий горизонты познания о культуре разных народов мира, их традициях, которые проявлялись в повседневности совместного проживания. В то время в нашем университете учились студенты из 107 стран Азии, Африки и Латинской Америки. Дело в том, что до приезда в Москву я никогда не видела иностранцев, только по телевизору, как в прочем, большинство из нас. А тут в такой концентрации в студенческом городке! Для меня это был культурный шок, но и невероятное любопытство. Мне интересно было все. И как иностранные студенты одеваются, особенно в свои национальные костюмы, как танцуют и веселятся, как устраивают свой быт, но самое интересное — это была национальная еда. Готовили мы на одной кухне. Продукты мы покупали в одних и тех же советских магазинах, но блюда у всех получались разные. Опыт проживания в интернациональном общежитии дал мне прививку на всю жизнь на толерантность и дружбу народов в буквальном значении.

В нашем университете, как и в других вузах страны, существовали студенческие строительные отряды. Но нигде не было такого явления, как интернациональный студенческий отряд — ИССО. Мне посчастливилось дважды выезжать в Казахстан в составе стройотряда. Отряд, как правило, формировался так, что половиной состава бойцов были иностранные студенты. Они наравне с советскими студентами работали на стройке домов, коровников и других объектов. Мне даже кажется, что порой и лучше, чем советские, потому что климат

стран, из которых они приехали, напоминал казахстанский. Хорошо работали, хорошо и зарабатывали. Эти заработки были хорошим подспорьем к стипендии, которая у нас и так была выше, чем в других вузах страны. Так, мои друзья из других вузов получали стипендию в 40 руб., и то, если учишься без троек, а у нас — 55 руб., и даже с тройками.

Уникальным был стройотряд, созданный в 1984 году на юридическом факультете им. Аугусто Сесара Сандино, который состоял из 36 человек, 20 из которых — студенты из Никарагуа. Ребята работали абсолютно бесплатно, и все заработанные деньги — 22,5 тыс. рублей — были перечислены в Фонд никарагуанской революции.

Еще одна особенность нашего университета связана с учебным процессом. В то время все советские гражданские вузы предполагали 5-летнее обучение. В нашем же университете мы учились шесть лет. После поступления мы в обязательном порядке шли на подготовительный факультет, где в интенсивной форме (36 часов в неделю) изучали иностранный язык. Иностранные языки были только те, на которых говорили наши иностранные студенты: английский, французский, испанский, суахили. В этот первый год в университете мы, советские студенты, обучались отдельно от иностранцев. Иностранные студенты с той же интенсивностью изучали русский язык. Такая форма обучения языкам нам всем дала возможность получить диплом переводчика. И это было уникально. По окончании университета мы получали два диплома: диплом по специальности и диплом переводчика. Это обстоятельство многим из моего поколения помогло в не простое постперестроечное время иметь работу.

После подготовительного факультета мы переходили на основной факультет, на который мы и поступали изначально. Здесь уже учебные группы формировались по смешанному принципу: 4–5 советских студентов и десять иностранцев. То есть иностранцев было в два, а то и в три раза больше. Всего нас на курсе было 90 человек, из них — 30 советских студентов. С этого момента я стала постепенно понимать, что наш университет создавался для иностранных студентов, а мы, советские студенты, призваны помогать, заодно получая хорошее образование. В самом деле, УДН был образован в 1960 году, в 1961 году получил имя Патриса Лулумбы — героя войны за независимость в Конго. Советский Союз всегда горячо поддерживал национально-освободительную борьбу в странах Азии, Африки и Латинской Америки. Молодые независимые государства этих регионов остро нуждались в национальных специалистах. Наш университет стал настоящей кузницей кадров для развивающихся стран. Проявлялось это во всем. Так, например, мы изучали не только советское, зарубежное право, но и в не меньшем объеме право развивающихся стран. Это было уникально, и только у нас. Наши преподаватели своими научными исследованиями создали целую школу права развивающихся стран, обеспечив учебный процесс своими учебниками и пособиями. Они, в большинстве своем, были выпускниками нашего университета, в совершенстве знали иностранные языки. Часто наши преподаватели отправлялись в командировки, стажировки в развивающие

страны Азии, Африки и Латинской Америки, откуда привозили бесценный материал для своих научных исследований.

Иностранные студенты в обязательном порядке писали свои курсовые и дипломные работы по праву своих стран, а порой и законопроекты для своих государств под руководством своих научных руководителей. В аспирантуре советские студенты также писали и защищали диссертации по праву развивающихся стран. Так, я в свое время защитила диссертацию по теме «Правовая система Мексики» под руководством моего научного руководителя профессора О.А. Жидкова, в то время декана нашего факультета и заведующего кафедрой теории и истории государства и права. В моей жизни было два человека, которые определили мои жизненные ориентиры в целом, и творческую жизнь в частности. Это мой отец, который сформировал мой интерес к юриспруденции еще в старших классах средней школы, и Жидков Олег Андреевич, который предопределил мою научную, творческую и преподавательскую жизнь.

Выбор темы диссертационного исследования был простой: каким иностранным языком владеешь, по тому региону и пишешь. Олег Андреевич предложил мне писать по Мексике, хотя мои предпочтения были Никарагуа или Сальвадор, где в 80-е годы установились режимы, ориентированные на строительство социализма. В те годы мое политическое кредо соответствовало господствующей марксистской идеологии. Так учил меня отец и партия, членом которой я была 10 лет. Но мудрость Олега Андреевича, который понимал и видел, что происходит со страной и, так называемым развивающимся миром во второй половине 80-х годов определила мой выбор исследования правовой системы Мексики, страны стабильно развивающейся без социальных взрывов и революций с 1917 года. Тогда я узнала, что Олег Андреевич Жидков был первым отечественным исследователем проблем государственности и права развивающихся стран Азии, Африки и Латинской Америки. Его учебное пособие «История государства и права стран Латинской Америки» 1967 года и великолепная вступительная статья в книге «Мексиканские Соединенные Штаты: Конституция и законодательные акты» 1986 года стали моими первыми источниками погружения в научное исследование.

Учась в аспирантуре и работая над диссертацией под руководством Олега Андреевича Жидкова, я постепенно пришла к выводу, что самый убедительный метод научного исследования, на мой взгляд, — это сравнительно-правовой. К тому же О.А. Жидков был первым отечественным автором, проводившим историко-сравнительные исследования основных систем буржуазного права. В личных беседах он мне признавался, что мечтает написать учебник по всеобщей истории государства и права в диахронном сравнении. То есть состояние развития государства и права стран на всех континентах в один и тот же исторический промежуток времени, что позволит обнаружить общие закономерности развития права и государства и идентичные, несравнимые их черты. А это уже задача компаративистики, которой в Европе тогда было около 200 лет, а в нашей стране сравнительное правоведение появляется с момента выхода в

свет русского перевода работы Рене Давида «Основные правовые системы современности» в 1967 году. Учебное пособие О.А. Жидкова «История буржуазного права (до периода общего кризиса капитализма) 1971 года обусловило неизбежность соединения исторического и сравнительно-правового метода в вопросе становления основных систем буржуазного права — романо-германского и англосаксонского права.

Идеи сравнительно-правовых исследований меня настолько увлекли, что, когда О.А. Жидков предложил мне взять учебный курс «Сравнительное правоведение», я не раздумывая согласилась. Ведь действительно, где, как ни в нашем, таком уникальном университете, где все пропитано духом космополитизма, толерантности и дружбы народов со всех концов света, носителей своих правовых культур, иметь и развивать такой курс, как «Сравнительное правоведение».

Не могу не вспомнить нашего ректора Станислава Владимира Францевича. Ветеран войны, он был удивительно народным ректором. Необычайно любил студентов. Мог запросто в коридоре подойти к студентам, заговорить с ними об учебе, о жизни. Демократичность общения преподавателей и студентов удивляла поначалу и преподавателей, приходящих на работу в наш университет из других вузов. Потом сами становились такими, открытыми и доступными для студентов. Было ощущение партнерства, особенно на старших курсах.

Дорогой мой Университет, поздравляю тебя с наступающим юбилеем! Ты подарил мне потрясающую студенческую жизнь, интересную работу. Хороших тебе студентов!

Об авторе:

Павлова Наталья Георгиевна — кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры теории права и государства, юридический институт, Российский университет дружбы народов

ORCID ID: 0000-0001-7126-743X

e-mail: pavlova-ng@rudn.ru

Для цитирования:

Павлова Н.Г. Страница истории Института (60 ступеней к будущему) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. 2019. Т. 23 № 4. С. 653–658. DOI: 10.22363/2313-2337-2019-23-4-653-658.

Дата поступления в редакцию: 26 августа 2019 г.

Дата принятия к печати: 15 октября 2019 г.

Informational article

THE PAGE OF THE INSTITUTE'S HISTORY (60 STEPS TO THE FUTURE)

Natalya G. Pavlova

Peoples' Friendship University of Russia
6, Miklukho-Maklaya str., 117198, Moscow, Russia

About author:

Natalya G. Pavlova — Candidate of Legal Sciences, Associate professor, Associate professor of the Department of Theory of Law and State, Law Institute of the Peoples' Friendship University of Russia

ORCID ID: 0000-0001-7126-743X

e-mail: pavlova-ng@rudn.ru

For citation:

Pavlova, N.G. (2019) The page of the Institute's history (60 steps to the future). *RUDN Journal of Law*. 23 (4), pp. 653–658. DOI: 10.22363/2313-2337-2019-23-4-653-658.

Article received August 26, 2019

Article accepted October 15, 2019

DOI: 10.22363/2313-2337-2019-23-4-659-664

Информационная статья

ВОСПОМИНАНИЯ ОБ АЛЕКСАНДРЕ ФИЛИППОВИЧЕ ШЕБАНОВЕ**Г.И. Муромцев¹**

Российский университет дружбы народов
117198, Москва, Россия, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

Отмечая 60-летие Университета, мы вспоминаем тех, кто стоял у его истоков, и в этой плеяде достойное место занимает Александр Филиппович Шебанов — первый декан нашего факультета и первый заведующий кафедрой теории и истории государства и права. Он пришел в Университет, еще не будучи профессором и доктором наук, однако к тому времени он уже обладал солидным опытом научно-преподавательской деятельности в вузе, а также работы в сфере управления высшим образованием вообще и юридическим образованием в частности. Его научная и преподавательская деятельность началась в Московском юридическом институте, куда он поступил после демобилизации из действующей армии. Здесь в 1951 г. он успешно защищает кандидатскую диссертацию на тему «Нормы советского права и их роль в создании и развитии социалистической экономики», подготовленную под руководством профессора Н.Г. Александрова. Его научно-преподавательская деятельность в Московском юридическом институте получила продолжение на юридическом факультете МГУ, в состав которого вошел указанный институт. Через несколько лет, не оставляя работы в вузе, Александр Филиппович занимает важные посты в Министерстве высшего образования СССР, преобразованном позднее в Министерство высшего и среднего специального образования СССР. Он был начальником Главного управления юридических вузов, затем заместителем начальника Главного управления университетов, экономических и юридических вузов. Таким образом, работу по формированию факультета ему поручили не только как опытному преподавателю вуза, но и как не менее опытному управленцу.

Однако как ни ценен был этот опыт, но в нашем Университете Александр Филиппович столкнулся с проблемами, которых до этого никому в Советском Союзе решать не приходилось. В самом деле, Университет дружбы

¹ © Муромцев Г.И., 2019.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0>

народов имени Патриса Лумумбы (так тогда назывался наш Университет), замышлялся как уникальное учебное заведение. Студенты из десятков развивающихся стран Азии, Африки и Латинской Америки, представлявшие разные языки и культуры, в том числе правовые культуры, должны были обучаться по программе, которая позволяла бы им по возвращении домой стать полноценными специалистами в своей области знаний. Если для будущих математиков, физиков или медиков это многообразие культур было не столь проблематичным, то для будущих юристов оно имело важнейшее значение: ведь по возвращении домой выпускники нашего факультета имели дело не с советским правом, которое они изучали по советским же учебникам, а с правовыми традициями, обычаями, законодательством стран, которые они представляли. Увязать это многообразие правовых культур с единством подхода к изучению и пониманию права было в то время сложнейшей задачей.

Советская правовая наука рассматривала в качестве единственно верной марксистско-ленинскую теорию государства и права. Работа французского компаративиста Рене Давида «Основные правовые системы современности» в переводе профессора В. А. Туманова, давшая толчок развитию сравнительного правоведения в нашей стране, вышла в свет лишь в конце 60-х годов. Однако необходимость знания специфики государства и права развивающихся стран возникла в Университете буквально с первых дней его существования.

В этих условиях важнейшей проблемой для факультета становилась проблема научных и преподавательских кадров. В стране не было специалистов по праву развивающихся стран, их не готовили наши вузы. Изучение этого права требовало знания соответствующих иностранных языков, которого советские преподаватели в большинстве своем не имели. Профессорско-преподавательский персонал факультета комплектовался поначалу за счет приглашения преподавателей из других вузов и научно-исследовательских институтов (МГУ, Института государства и права АН СССР, Института советского законодательства и т.д.). Ряд преподавателей был приглашен из периферийных вузов (из Томского госуниверситета, из Ростовского госуниверситета и т.д.). Кто-то работал на факультете по совместительству (Август Алексеевич Мишин — профессор МГУ, Альберт Семенович Пиголкин — научный сотрудник Института советского законодательства и т. д.). На кафедре работали также Олег Андреевич Жидков — будущий заведующий кафедрой и декан факультета, Николай Владимирович Черноголовкин, Нина Александровна Крашенинникова, Нина Антоновна Куфакова, Валентина Ивановна Иванова, Павел Сергеевич Грацианский. Все преподаватели были еще достаточно молодыми людьми, кандидатами наук. Они могли дать хорошее знание научных дисциплин, которые они преподавали, но делали лишь первые шаги в познании права развивающихся стран.

Острый дефицит научно-педагогических кадров в первые годы существования факультета нашел отражение в его организационной структуре. Так, в течение нескольких десятилетий он назывался факультетом экономики и права УДН и лишь в 1996 г. разделился на два самостоятельных факультета — эко-

номический и юридический. Последний из них совсем недавно стал Юридическим институтом РУДН.

По этой же причине кафедры факультета носили в известном смысле комплексный характер. Так, кафедра, которую возглавлял профессор Шебанов, называлась кафедрой теории и истории государства и права, однако в действительности в число читаемых на ней дисциплин входили также конституционное, административное и финансовое право. Такая же ситуация была и на других кафедрах факультета. Конечно же, в такой структуре присутствовала и финансовая составляющая, позволявшая экономить деньги, но, думается, первичной здесь была все-таки кадровая проблема.

Она могла решаться двояким образом. Во-первых, через развитие в Университете научных исследований в этой области. Они начались сразу же, но на их развитие требовались годы.

В конце 60-х годов создается сектор государства и права развивающихся стран в Институте государства и права АН СССР. Между ним и кафедрами факультета, прежде всего, кафедрой теории и истории государства и права развивается плодотворное научное сотрудничество. Пика своего оно достигло уже после ухода Александра Филипповича из Университета.

Второй путь состоял в подготовке аспирантов по данной проблематике из числа выпускников факультета. При движении в таком направлении снималась проблема незнания иностранных языков. Дело в том, что обучение студентов УДН начиналось с подготовительного факультета, где они получали основательную языковую подготовку — иностранцы — в области русского языка, советские студенты — по одному из иностранных языков. Потом, по окончании Университета, освоившие эту программу выпускники получали наряду с дипломом по специальности также диплом переводчика с соответствующего иностранного языка. Однако такая программа требовала для своей реализации достаточно большого времени.

Стремясь сократить его, Александр Филиппович приглашал в УДН соискателей, поступающих в аспирантуру других вузов. По такой «технологии» стал аспирантом УДН и автор этих строк. Я сдавал вступительные экзамены в заочную аспирантуру МГУ, на кафедру теории государства и права, когда работники деканата юридического факультета сказали мне, что профессор Шебанов ищет кандидата на поступление в аспирантуру УДН. Потом состоялась встреча с самим профессором Шебановым, который сказал, что возьмет к себе в аспирантуру того из абитуриентов, поступающих на кафедру теории государства и права МГУ, кто сдаст вступительные экзамены лучше других. В итоге я стал первым аспирантом кафедры теории и истории государства и права УДН.

Необычность ситуации, в которой я оказался, проявилась буквально с первых дней аспирантуры. Мне сразу сказали, что писать я буду об африканском праве. Для этого необходимо изучить английский язык, чтобы читать англоязычную литературу по теме диссертации. Ее название мы с Александром Филипповичем сформулировали относительно легко: «О некоторых особенно-

стях национального права в странах Африки, развивающихся по некапиталистическому пути». И если проблема некапиталистического пути развития, или социалистической ориентации развивающихся стран, разработанная советскими учеными, была в то время предметом дискуссий, то о том, что такое африканское право, ни я как аспирант, ни мой научный руководитель — профессор Шебанов не имели тогда никакого представления. Достаточно сказать, что прежде чем составить план диссертации, мы забраковали семь (!) его вариантов, потратив на его подготовку более трех месяцев.

Об Александре Филипповиче как научном руководителе у меня остались самые добрые воспоминания. Четкость, организованность, требовательность и при этом повседневная доброжелательность — вот что отличало его отношение ко мне как аспиранту. Он сразу сказал мне, что по окончании аспирантуры я буду читать лекции студентам факультета. Поэтому коллоквиумы я сдавал ему в виде конспектов лекций по соответствующим темам курса. Их подготовке предшествовал поиск необходимой литературы в московских библиотеках. Я представлял ему все, что удавалось найти, а он нередко дополнял эту информацию тем, что имелось у него. Он просматривал представленный конспект, занимавший несколько страниц, иногда делал замечания на полях. Этим коллоквиум и завершался. По окончании аспирантуры я стал вести занятия на кафедре теории и истории государства и права, на которой при Александре Филипповиче сложилась хорошая деловая высоконравственная атмосфера. Ее мы в течение десятилетий считали самым большим достижением кафедры.

В 1965 г. Александр Филиппович защищает докторскую диссертацию на тему «Теория нормативных актов в советском праве», а в 1970 г. становится заместителем директора Института государства и права Академии наук СССР и уходит из Университета. С 1972 г. и до конца своих дней — а скончался Шебанов в октябре 1977 г. — он был главным редактором журнала «Советское государство и право».

Доктор юридических наук, профессор Шебанов был крупным ученым — теоретиком государства и права. Им было опубликовано около 200 научных работ по общей теории государства и права, по вопросам развития советского государства и демократии, правотворчества, развития юридической науки и образования, по проблемам совершенствования советского законодательства и т.д. Это, в частности, монографии «Форма советского права», «Советское социалистическое общенародное право», «Юридические высшие учебные заведения», «Возникновение и сущность государства и права стран, освободившихся от колониальной зависимости». Он участвовал в написании ряда учебников по теории государства и права, а также коллективных монографий — таких как «Государство и право Парижской коммуны», «Проблемы сравнительного исследования законодательства союзных республик», «Правовая информация», четырехтомный курс «Марксистско-ленинская общая теория государства и права», «Законодательство и законодательная деятельность в СССР» и других. Им

написан также ряд брошюр и статей, около 30-ти из которых издано на иностранных языках.

Как член рабочих групп при юридическом отделе Президиума Верховного Совета СССР профессор Шебанов активно участвовал в работе по подготовке проектов законодательных актов.

Научная, преподавательская и общественно-политическая деятельность Александра Филипповича Шебанова была отмечена правительственными наградами — орденами Трудового Красного Знамени и Знак Почета, почетными грамотами Президиума Верховного Совета РСФСР, Президиума Академии наук СССР, ВЦСПС, ЦК ВЛКСМ, а также медалями.

Он внес большой вклад в становление и развитие факультета. Традиции, зародившиеся в то время, живут и развиваются и в наши дни.

Об авторе:

Муromцев Геннадий Илларионович — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры теории права и государства, юридический институт, Российский университет дружбы народов

ORCID ID: 0000-0002-9755-2252

e-mail: muromtsev_gi@rudn.university

Для цитирования:

Муromцев Г.И. Воспоминания об Александре Филипповиче Шебанове // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. 2019. Т. 23 № 4. С. 659–664. DOI: 10.22363/2313-2337-2019-23-4-659-664.

Дата поступления в редакцию: 23 августа 2019 г.

Дата принятия к печати: 15 октября 2019 г.

Informational article

MEMORIES OF ALEXANDER FILIPPOVICH SHEBANOV

Gennady I. Muromtsev

Peoples' Friendship University of Russia
6, Miklukho-Maklaya str., 117198, Moscow, Russia

About author:

Gennady I. Muromtsev — Doctor of Legal Sciences, Professor, Professor, Theory of Law and State Department, Law Institute, RUDN University

ORCID ID: 0000-0002-9755-2252

e-mail: muromtsev_gi@rudn.university

For citation:

Muromtsev, G.I. (2019) Memories of Alexander Filippovich Shebanov. *RUDN Journal of Law*. 23 (4), pp. 659–664. DOI: 10.22363/2313-2337-2019-23-4-659-664.

Article received August 23, 2019

Article accepted October 15, 2019

DOI: 10.22363/2313-2337-2019-23-4-665-678

Информационная статья

ЖИДКОВ ОЛЕГ АНДРЕЕВИЧ — ЧЕЛОВЕК, УЧЕНЫЙ, ПЕДАГОГ**М.В. Федоров¹**Российский университет дружбы народов
117198, Россия, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

5 февраля 2020 года Российскому Университету дружбы народов исполняется 60 лет. Этот славный юбилей будет широко отмечаться не только в Российской Федерации, но и во все мире. И не только потому, что РУДН (RUDN University) является одним из ведущих Вузов нашей страны, а потому также, что в Университете обучаются студенты из более 150 государств, а его выпускники достойно трудятся на благо своих стран, используя знания, полученные в нашем родном Университете. Все они любят Университет дружбы народов и гордятся тем, что являются его выпускниками.

Университет — это прежде всего люди, которые его создавали, развивали, укрепляли, поддерживали и поддерживают его традиции, отдавали и отдают ему все свои силы и профессионализм.

Об одном из таких патриотов Университета дружбы народов я и хочу рассказать.

В сентябре 1970 года судьба подарила мне встречу с замечательным *Человеком*, виднейшим *Ученым* нашей страны и уникальным *Педагогом*, определившим всю мою дальнейшую жизнь.

Найти верные, без наносного пафоса, слова об Олеге Андреевиче Жидкове совсем непросто. Хочется написать искренне, правдиво, но слова подворачиваются только в превосходной степени. Говорить о выдающихся личностях, а Олег Андреевич был именно *Личностью* выдающейся, не ординарной, нужно, на мой взгляд, ответственно. Особенно когда большая часть твоей сознательной жизни прошла рядом с таким человеком.

Будущий доктор юридических наук, профессор, академик Академии наук высшей школы, Заслуженный деятель науки Российской Федерации, Лау-

¹ © Фёдоров М.В., 2019.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0>

реат премии Гособразования СССР, Почетный профессор РУДН, Кавалер Ордена дружбы народов Олег Андреевич Жидков родился 7 января 1931 года в маленьком подмосковном селе Голицино. Родители Олега Андреевича по образованию были химиками-технологами и работали в научно-исследовательских институтах Москвы, а затем в Киеве, куда в 1956 году был переведен его отец вместе с Институтом сахара.

Закончив в 1948 году с золотой медалью среднюю школу, талантливый юноша поступил в 1949 году в Московский юридический институт, который закончил с отличием и поступил в аспирантуру юридического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова. Под руководством известного ученого профессора С.Ф. Кечекьяна в 1957 году Олег Андреевич Жидков защитил кандидатскую диссертацию на тему «Верховный Суд США в период империализма». В 1973 году Олег Андреевич защитил докторскую диссертацию по проблемам антитрестовского законодательства США.

Вспоминая прошедшие годы, своих университетских учителей, своих коллег-преподавателей, я невольно задаюсь вопросом, почему у нас, как говорится, на слуху имена многих великих ученых, деятелей искусства, но так мало мы знаем имен выдающихся педагогов. В этом заключается, на мой взгляд, определенного рода парадокс, связанный именно с особенностью и уникальностью педагогической деятельности.

Удачно, по-моему, ответил на этот вопрос академик П.С. Александров: «Много видов человеческой деятельности имеет непосредственное отношение к человеку, но среди них профессии врача, юриста и педагога бывают связаны с судьбой *самого* человека...

Вот почему каждая из этих профессий должна быть не только профессией, но и призванием человека... Эти профессии связаны с высшими человеческими ценностями, образующими классическую триаду истины, добра и красоты...

Эта педагогическая, учительская деятельность ученого не ограничивается научной дисциплиной, которую он преподает в университете или во втузе, она неизбежно превращается в воспитательную деятельность»².

Эти слова можно с полным основанием отнести к педагогической деятельности моего Учителя, известного российского ученого и общественного деятеля — Олега Андреевича Жидкова.

Работать в контакте с Олегом Андреевичем было легко и интересно. Он пришел в Университет дружбы народов в 1961 году уже сложившимся ученым, кандидатом юридических наук, проработавшим пять лет на экономико-правовом факультете Томского государственного университета. Как вспоминала профессор Нина Антоновна Куфакова, которая также преподавала в Томском университете, Олег Андреевич пользовался большим авторитетом среди коллег, которые между собой называли его «Философ». Такой же авторитет и уважение

² Александров П.С. Мир ученого // Наука и жизнь. 1974. № 8. С. 2-3, 5.

Олег Андреевич завоевал и в Университете дружбы народов. С гордостью могу напомнить, что наша кафедра была первой и единственной юридической кафедрой факультета экономики и права, которая приступила к проведению занятий 1 сентября 1961 года, через год с небольшим после учреждения Университета дружбы народов 5 февраля 1960 года. Именно с нее и началась история юридического факультета. Первым заведующим кафедры был доцент А.Ф. Шибанов, который одновременно был и первым деканом факультета экономики и права. В памяти коллег он остался как великолепный организатор, прекрасно знающий отечественную систему образования, блестящий лектор и педагог.

В 1971 году Олег Андреевич, уже будучи профессором, возглавил кафедру теории и истории государства и права, а затем и факультет. Именно в эти годы проявились его яркие качества лидера, которые позволили ему сформировать современный облик юридического факультета и внести неоценимый личный вклад в содержание учебного процесса. Олег Андреевич вдохновил весь коллектив факультета направить все свои усилия на решение нескольких важных и очень сложных задач, стоявших перед нашим факультетом и Университетом в целом. Во-первых, необходимо было значительно активизировать процесс подготовки национальных кадров юристов для развивающихся стран Азии, Африки и Латинской Америки; во-вторых, пополнить штат кафедры квалифицированными преподавателями для подготовки многочисленных новых учебных курсов по различным дисциплинам; в-третьих, была поставлена задача готовить собственные кадры преподавателей из числа аспирантов кафедры.

Олег Андреевич стал приглашать на кафедру талантливых молодых преподавателей, которые уже зарекомендовали себя как высококвалифицированные специалисты. Курс истории государства и права стала вести доцент Валентина Ивановна Иванова, которая затем освоила курс советского государственного права, преобразованный впоследствии в курс конституционного (государственного) права России. Доцент Нина Антоновна Куфакова преподавала административное право, а затем и курс отечественного и зарубежного финансового права, доцент Павел Сергеевич Грацианский вел занятия по истории политических и правовых учений, наряду со старейшим преподавателем кафедры, ветераном университета доцентом Сергеем Александровичем Алексеевым, доцент Нина Александровна Крашенинникова сосредоточилась на истории государства и права зарубежных стран, а доцент Геннадий Илларионович Муромцев стал одним из корифеев в теории государства и права. Со временем они заслужено стали профессорами и, как писали о них в прессе, «составили золотой фонд отечественного правоведения».

Нужно иметь в виду, что в течение 60-х годов шло формирование и совершенствование структуры факультета. В 1963 году из кафедры теории и истории государства и права выделились две кафедры: кафедра уголовного и гражданского права (переименованная позднее в кафедру гражданского и уголовного права) и кафедра государственного и международного права, также переименованная в кафедру международного права.

Став деканом, Олег Андреевич продолжил практику привлечения на факультет новых преподавательских кадров, среди которых было немало уже известных ученых, таких как профессор В.И. Смолярчук, профессор В.П. Мозолин, профессор В.М. Шуршалов, профессор Н.Н. Разумович, профессор И.П. Блищенко, профессор В.К. Пучинский, профессор М.В. Баглай, профессор В.А. Туманов, профессор А.Н. Пиголкин, профессор Е.В. Чиркин, профессор А.Н. Талалаев, профессор В.А. Карташкин, доцент Н.А. Боровиков, доцент Е.А. Шеин и другие. Они были выдающимися педагогами, талантливыми учеными и незаурядными личностями. Все они были моими преподавателями, и я их хорошо помню, часто вспоминаю и рассказываю о них моим нынешним студентам, как о первопроходцах нашего Университета и факультета, и хочу выразить им и всем моим учителям глубокую признательность и благодарность.

В тоже время под руководством О.А. Жидкова кафедра подготовила собственные кадры из числа аспирантов, которые успешно защитили кандидатские диссертации и приступили к ведению занятий по различным курсам, читаемым на кафедре. Доценты Шарце М.Г., Федоров М.В., Еремян В.В, в настоящее время профессор, заведующий кафедрой конституционного права, доценты Глебов В.А., Павлова Н.Г., Хачим Ф.И. внесли заметный вклад в развитие кафедры на новом историческом этапе.

Олег Андреевич просто заряжал всех сотрудников кафедры своей энергией и желанием сделать больше, лучше и качественней. Он создал для этого удивительную атмосферу. Не избежать избитых выражений, но мы шли на работу, как на праздник. И не только преподаватели, но и сотрудники кафедры не из числа педагогического состава, такие как секретари и заведующие кабинетом кафедры Зудилина Зоя Ивановна, Горбатова Нина Павловна, Козлова Татьяна, с удовольствием принимали участие в заседаниях кафедры, во внеучебных мероприятиях совместно со студентами, в проведении празднований дней рождения, не говоря уже о юбилеях членов кафедры, придавая таким встречам какой-то домашний уют и комфорт. И работали наши «технические» сотрудники по многу лет. Ярким примером такой любви к кафедре является наша заведующая кабинетом Татьяна Александрова Смольникова. Поступив на работу секретарем кафедры в середине далеких 70-х, еще будучи студенткой, она и сейчас продолжает оставаться незаменимым профессионалом своего дела, хранительницей кафедральных традиций и особой душевной атмосферы в нашем небольшом коллективе.

Я хорошо помню, что заседания кафедры больше походили на встречу единомышленников, которые собрались, чтобы провести «мозговой штурм» и решить проблему, стоящую перед нашим коллективом. И первое слово предоставлялось всегда молодежи, поскольку Олег Андреевич считал, что молодые могут предложить неожиданные варианты решения проблемы и неординарные, хотя иногда и сомнительные, пути выхода из трудных положений. А если они вначале услышат мнения авторитетов и опытных преподавателей, то могут попасть под их влияние и уже не смогут преодолеть давление «старших товари-

щей» и с оглядкой на них будут участвовать в дискуссии. Он очень любил беседовать с аспирантами и молодыми преподавателями. Темы были самые разные, касались и актуальных политических проблем и сложных научных вопросов. Но больше всего он любил говорить с молодежью о жизни, о наших планах на будущее, о наших семейных делах, о нашем детстве, о родителях. Сам Олег Андреевич был изумительным рассказчиком. Он много и охотно рассказывал о своем детстве и школьных годах.

Олег Андреевич всегда с теплотой вспоминал свою «малую» Родину — небольшое село Голицино, что в 44 км от Москвы и подмосковный поселок Перловская, в котором он закончил среднюю школу с золотой медалью. Что всегда поражало в его рассказах о своем детстве и юности, так это глубокое знание истории своего родного края. Он так наглядно описывал древний храм Спаса Преображения, построенной в селе Большие Вязёмы еще в 1598 году при царствовании Федора Иоановича, ссылаясь при этом на точные сведения о времени его строительства, содержащиеся в «Пискаревском летописце» (это русская летопись начала XVII века), так подробно перечислял знаменитых людей, бывавших в Больших Вязёмах, что приходило ясное понимание того, почему одно из приоритетных направлений его научной и преподавательской деятельности стала история. Не только история государства и права как учебная дисциплина, а *история как отражение*, как *слепок прошлого* страны и мира в целом.

Для меня бесспорно, что в годы моей студенческой юности в 1970 году на первом курсе факультета экономики и права (так ранее назывался наш факультет, позднее разделившийся на юридический и экономический факультеты) самой интересной учебной дисциплиной для студентов была «История государства и права». Вплоть до конца 80-х гг. прошлого века этот курс в Университете дружбы народов имени Патриса Лумумбы назывался «Всеобщая история государства и права», что было вполне оправдано в силу специфики студенческого состава.

Университет дружбы народов имени П. Лумумбы в 70-е годы XX века был единственным в своем роде и уникальным среди классических университетов в том смысле, что студенческая жизнь в нем протекала совсем не так, как в других вузах нашей страны. На курс принималось всего 20 советских ребят, прошедших армию либо имеющих производственный стаж, а остальные студенты приезжали более чем из 120 стран мира. Поэтому на советских студентов ложилась огромная общественная нагрузка, которая, по мнению Ректора и деканата, ни в коем случае не должна была мешать успешной учебе. Обращаясь к советским студентам, наш тогдашний Ректор РУДН профессор Владимир Францевич Станис постоянно призывал: «Будьте красивыми людьми!»³. А за-

³ Эта заповедь Владимира Францевича Станиса, несмотря на кардинальным образом изменившиеся обстоятельства развития страны и Университета, живет и по сей день. См.: Статью к 60-летию РУДН: «РУДН. Версия 2.2. Будьте красивыми людьми!». Дружба, № 5 (1549) 30.05.2019.

тем перечислял наши многочисленные обязанности: помогать иностранным студентам, участвовать во всех мероприятиях университета и факультета интернационального характера, в художественной самодеятельности, КВН, спорте и строительных отрядах. Олег Андреевич Жидков на встречах со студентами-юристами подтверждал слова Ректора, а на вопрос: «Когда же нам учиться?» с улыбкой отвечал: «А учиться вы все должны только на «отлично!»». И добавлял, что у студента всегда есть два дополнительных часа в сутках — нужно только лечь спать на один час позже и встать утром на один час раньше.

А помогало студентам хорошо учиться прежде всего то, что лекции и семинарские занятия вели молодые талантливые преподаватели и известнейшие, маститые профессора.

Одним из таких уже сложившихся ученых и педагогов был профессор Олег Андреевич Жидков.

Лекции Олега Андреевича отличала какая-то особая, я бы сказал, изысканная академическая интеллектуальность и артистичность в сочетании с глубочайшим проникновением в фактологический материал данной исторической эпохи и ярчайшей образности в подаче исторических событий или документально-нормативном анализе.

В связи с этим хочу отметить еще одну грань его таланта как лектора. Читая курс «Всеобщей истории государства и права» на первом курсе факультета экономики и права, он всегда сопровождал лекционный материал по русской истории государства и права и истории государства и права зарубежных стран яркими событиями, связанными с представляемой эпохой. Так, говоря о правлении Бориса Годунова, он подробно рассказал о последующем вторжении Самозванца Лжедмитрия I, который на пути в Москву устроил во владениях князя Голицина, и именно в Больших Вязёмах, свою резиденцию. Читая лекцию о конституционных проектах декабристов, Олег Андреевич всегда напоминал об отношении к ним А.С. Пушкина и, как бы к слову, рассказывал, что Пушкин с 1806 по 1811 год проводил лето в имении своей бабушки в деревне Захарово и к обедне всей семьей ездили в Вяземы в Спасо-Преображенский храм. Практически в каждой из своих лекций, касались ли они того или иного периода истории государства и права России или зарубежных стран, Олег Андреевич очень доступно, образно и, можно сказать, зримо мог объяснить ту или иную историческую ситуацию наглядным примером.

Я уже приводил в качестве примера одну из его лекций по истории государства и права Франции в период подлинного апогея французского абсолютизма, представленного правлением короля Людовика XIV⁴. Но не могу не повторить мое впечатление об этом памятном событии. Говоря о политике Людовика XIV, ввергшей Францию в многочисленные войны (в том числе в войну за Испанское наследство 1701–1714 гг.), установившей огромные расходы коро-

⁴ Олег Андреевич Жидков. Избранные труды. М.: Норма, 2006. С. 20.

левского двора, высокие налоги, религиозную нетерпимость, что стремительно вело к народным восстаниям, Олег Андреевич не мог не коснуться его легендарного изречения «Государство — это я!», т. е. фразы, которая, собственно, и является вербальным выражением абсолютизма, королевского абсолютизма. Кроме того, Олег Андреевич эффектно продемонстрировал, как и в какой ситуации это было сказано. Людовик XIV, доведенный, по мнению Олега Андреевича, до белого каления несогласием французского парламента ни с одним его предложением, оскорбленный и возмущенный, уже уходя из парламента, в запальчивости воскликнул: «Вы что же думаете, это вы государство? Нет, государство — это я!». То, как Олег Андреевич представил этот эпизод французской истории, произвело на меня большое впечатление и помнится до сих пор. Так мастерски это мог сделать лишь человек, до мельчайших деталей изучивший предмет своих исследований. И я захотел выяснить, так ли это было на самом деле. Однако, порывшись в книгах по истории Франции, я нигде не нашел документального подтверждения тому, чтобы в какой-либо публичной речи Людовика фигурировала эта фраза. Вместе с тем все исследователи этого периода французской истории так или иначе приводят эти, ставшие уже хрестоматийными, слова. Я считаю, что версия Олега Андреевича наиболее достоверна. И я сам привожу ее в таком варианте, когда мне приходится вести занятия по курсу истории государства и права зарубежных стран. Это всего лишь один эпизод из долгой и плодотворной лекционной деятельности профессора Жидкова Олега Андреевича.

Олег Андреевич был прекрасным воспитателем студенчества, аспирантов и молодых преподавателей. И прежде всего он воспитывал своим образом жизни, своим колоссальным интеллектом, неподдельной заботой о коллегах, участливым отношением к студентам, интеллигентностью, мягкостью и самим словом.

Удивительно, но я не помню случая, чтобы с лекции Олега Андреевича студенты бежали, как это часто бывает, едва услышав звонок на перерыв. Как правило, и в перерыве студенты толпились вокруг него, задавали вопросы, и не только по теме лекции.

Нужно было видеть Олега Андреевича в эти минуты. Он просто светился от внутренней радости, от счастья, что удалось увлечь, растормошить, пробудить интерес студентов к данной теме. А ведь большинство из них были иностранцы! Но даже трудности перевода не ставили непреодолимых барьеров между учителем и учениками. Олег Андреевич говорил, что в истории государства и права, как и в истории вообще, нет неинтересных, скучных тем, а есть недостаток информации и отсутствие научного интереса.

Я думаю, что Олег Андреевич, будучи очень проницательным педагогом и воспитателем, начинал отбор своих будущих аспирантов еще на первом курсе. Причем нельзя сказать, что у него были свои любимчики среди студентов, которых он выделял или создавал для них какие-либо особые условия. Нет, он доброжелательно относился ко всем студентам. Расспрашивал о трудностях в учебе, закреплял за слабыми иностранными студентами русских ребят, хоро-

шо и отлично успевающих и способных оказать помощь иностранцам в подготовке к занятиям. Всем студентам, которые хотели писать курсовые на кафедре теории и истории государства и права, которую он в то время возглавлял, назначал руководителей. Как правило, сам Олег Андреевич руководил написанием курсовых работ иностранными студентами. Те студенты, которые хотели попасть именно к Олегу Андреевичу, должны были избрать сложную, не избитую, оригинальную тему и лично обосновать свой выбор. Значительное время уходило для точного названия темы курсовой работы и ее структуры. А затем начиналось самое интересное. Олег Андреевич давал студентам список дополнительной литературы по теме, иногда приносил источники и монографии из своей личной библиотеки и по многу раз обсуждал план работы и подсказывал, как он всегда подчеркивал, методику написания «первой научной работы студента». Постепенно Олег Андреевич ставил перед студентами более сложные задачи, чем в начале работы над курсовыми проектами. Приучал нас четко формулировать свои выводы, аргументировать свою позицию, готовить на базе своих курсовых доклады и выступления на студенческих научных конференциях и студенческих научных кружках. Он особенно горячо поддерживал участие наших студентов в научных конференциях, проходивших в других Вузах Москвы и страны. Также внимательно он интересовался успехами студентов в изучении иностранных языков. Всегда подчеркивал, что, поскольку наша специализация «Международное право», знание языка — это «открытая дверь в еще один мир». Многим выпускникам знание иностранного языка давало дополнительный шанс при устройстве на работу, как в Москве, так и за рубежом. А студенты, хорошо знавшие иностранный язык, имели возможность выезжать на учебу в иностранные вузы по обмену, который довольно широко практиковался в 70-е годы в нашем Университете. Так, например, я и мой одногруппник Шумский Иван Николаевич, по рекомендации Олега Андреевича, поехали в 1974 году в Гаванский университет (Куба), а после возвращения весной 1975 года, по решению деканата, который возглавлял Олег Андреевич, нам разрешили сдать экстерном экзамены за учебный год и защитить дипломные работы вместе со своим курсом. А затем и окончательно мы связали свою судьбу с Университетом. По рекомендации Олега Андреевича И.Н. Шумский был принят на работу ассистентом преподавателя, а я поступил в аспирантуру на кафедру теории и истории государства и права. Моим руководителем стал профессор Жидков Олег Андреевич!

А как он работал с аспирантами!

Мы регулярно встречались с ним на кафедре для сдачи коллоквиумов по специальности и теме диссертационного исследования (не реже одного раза в неделю). И это при всей его загруженности как заведующего кафедрой теории и истории государства и права и декана факультета экономики и права, колоссальном объеме научной работы и различных общественных обязанностей. Он часто зазывал своих аспирантов к себе в гости. Мы приходили вечно голодные и с преувеличенным самомнением о своем будущем месте в науке заводили по-

рой ненужные дискуссии. Олег Андреевич мягко улыбался и по-доброму смотрел на нас через толстые линзы очков. А его милая и радушная жена Галина Федоровна успевала всех чем-нибудь вкусным угостить и напоить чаем. Такое не забывается!

Поражал не только энциклопедизм Олега Андреевича, но особенно впечатляющим и наглядным примером для аспирантов было прекрасное знание им новинок научной и учебной литературы, включая работы иностранных авторов. Пытаясь произвести впечатление на Олега Андреевича, показать свой «возросший научный уровень», мы стремились всеми правдами и неправдами достать последние монографии ведущих ученых, в том числе изданные за рубежом, которые иногда привозили аспиранты-иностранцы. Мы готовили тезисы и цитировали этих авторов. И Олег Андреевич тут же продолжал твою цитату, или поправлял сказанное тобой, но уже со своим комментарием, отмечая по ходу, в чем данный автор не прав или где он допустил неточность или дал не совсем верное определение. Это было потрясающе! Конечно, в начале нашей аспирантской жизни мы не знали, что Олег Андреевич является членом редколлегии журнала «Правоведение», а с 1979 года — заместителем главного редактора реферативного журнала «Общественные науки за рубежом» (серия «Государство и право»), и быть в курсе всех научных новинок входило в его прямые профессиональные интересы. Поэтому знание источников и последних публикаций по исследуемой проблеме как отечественных ученых, так и иностранных авторов стало для учеников Олега Андреевича, наряду с теорией государства и права, главным базовым элементом в работе над своими диссертационными работами.

Олег Андреевич любил своих учеников. Часто, как бы поощряя, он называл их талантами, способными к поиску научной истины и новым открытиям, но при этом подчеркивал, что талант, по мнению Эдисона, — это один процент вдохновения и девяносто девять процентов пота.

Что нас всегда впечатляло и заставляло работать над собой, так это легендарные замечания Олега Андреевича на полях наших статей и параграфов будущих диссертаций. Один, два или три восклицательных знака или вместе восклицательный и вопросительный знаки рядом с отчеркнутой строкой работы имели четкое и весьма определенное значение. Это были своего рода шифровки — «игры разума», скрытые послания твоему ищущему «серому веществу». Но если ты доходил самостоятельно до сути этих «научных кодов», то мог смело предстать «перед светлые очи» Олега Андреевича. И он сразу чувствовал, что ты нашел, исправил и добился лучшего результата и был за тебя рад, больше, чем ты сам. Вопрос на полях можно было снять, уточнив, например, дату или само научное положение или исключив неудачный оборот. А вот восклицательный знак мог означать очень многое: и поощрение — мол, давай-давай, дерзай дальше, но тогда требовалось привести четкие и точные доказательства своего мнения, и иронию — мол, неужели это действительно так хорошо, и тогда приходилось перелопачивать огромное количество книг, чтобы вновь, но, может быть, в другой манере сформулировать свой тезис или вывод. Олег Андреевич заставлял думать,

я бы сказал, осмысливать свою концепцию, прежде чем заявлять о ней публично, иначе одно лишь его слово или замечание могло разбить в пух и прах, казалось бы, непоколебимую позицию автора, и тогда становилось стыдно за то, что выскочил с непроверенными фактами или недодуманным тезисом. Та принципиальность ученого, с которой Олег Андреевич подходил даже к первым статьям своих аспирантов, как сейчас я понимаю, очень хорошо воспитывала глубокий и строгий научный подход к исследованию. Он был настоящим Учителем, наставником не только в науке, но и в жизни.

Особую роль в научной работе Олег Андреевич отводил первоисточникам, особенно текстам иностранных авторов, а также переводам с иностранных языков. Олег Андреевич подчеркивал, что научный перевод законов — важнейшая часть историко-правового исследования. Перевод закона должен быть предельно точен и предельно краток. Причем необходимо сохранять своеобразие и колорит языка оригинала, даже если кажется, что в русском переводе он звучит, может быть, не так благозвучно. При правильном и точном переводе язык оригинала должен ощущаться и в русском звучании так же тонко и ярко, как, например, в песне. В совместной с Олегом Андреевичем работе переводы с другого языка сами по себе превращались в увлекательные поиск смысла и буквы закона, формулирование точнейших дефиниций и обобщающих положений к каждой статье нормативного акта, как это было, например, при создании сборника «Мексиканские Соединенные Штаты: Конституция и законодательные акты»⁵. Причем он не боялся привлекать к этой работе молодых преподавателей факультета и кафедры, считая навыки научного перевода юридических текстов важнейшей методической составляющей научного труда. Мне повезло пройти эту школу научного перевода, когда он доверил мне перевод Конституции Мексики и ряда других конституционных актов в упомянутом сборнике.

Особо ответственно Олег Андреевич подходил к написанию учебников. Мне посчастливилось участвовать в работе авторского коллектива под руководством О.А. Жидкова при написании учебника «История государства и права зарубежных стран»⁶, который на долгие годы стал одним из самых популярных учебников для студентов. И не только потому, что ряд его авторов являлись крупными отечественными историками государства и права, но и в силу очень точно примененной методики подачи исторического материала, широкого временного охвата изучаемых государств и их права и удивительной простоты изложения сложнейших проблем эволюции государственно-правовых институтов и источников. Все это было очень важно, особенно для все возрастающего количества иностранных студентов, для которых русский язык на первом курсе обучения был весьма сложным.

⁵ Мексиканские Соединенные Штаты: Конституция и законодательные акты. Пер. с исп. / Сост. И авт. вступ. ст. О.А. Жидков. М. : Прогресс, 1986. 480 с.

⁶ История государства и права зарубежных стран. Ч. 1 / Под редакцией Н.А. Крашенинниковой, О.А. Жидкова. М. : Изд-во МГУ, 1988.

Научный интерес Олега Андреевича был весьма обширен. Он охватывал все направления юридических знаний, которые преподавались на факультете экономики и права, а затем на юридическом факультете РУДН. Огромен и его личный вклад в создание научной школы кафедры теории и истории государства и права. Уже с 70-х годов прошлого века Олег Андреевич стал одним из ведущих отечественных ученых в области историко-правовой науки, признанным специалистом по проблемам государства и права развивающихся стран Азии, Африки и Латинской Америки.

Первый блок научных исследований профессора О.А. Жидкова связан с государством и правом США. Его работы «Верховный суд США в период империализма» (1957 г.), «Антитрестовское законодательство в США» (М., 1963), «Законодательство о капиталистических монополиях» (М., 1968), «США: «Политический механизм диктатуры монополий» (М., 1974, в соавт.), Антитрестовское законодательство на службе монополий» (М., 1976), «Конституция США. Политико-правовой комментарий» (М., 1983), Коллективный труд: «США: Конституция и законодательные акты» (М., 1992, редактор и автор вступительной статьи).

Второй блок его научно-педагогической деятельности посвящен написанию учебников и учебных пособий. Прежде всего, это учебник «История государства и права Древнего Востока» (М., 1963), «История буржуазного права (до периода общего кризиса капитализма)» (М., 1971), двухтомный учебник с грифом Минобразования, выдержавший несколько изданий, «История государства и права зарубежных стран» (Под ред. проф. О.А. Жидкова и проф. Крашенинниковой Н.А.), в который Олег Андреевич написал около десяти глав. Как отмечают авторы вступительной статьи в книге «Олег Андреевич Жидков. Избранные труды»: «Последнее, третье его издание, вышло уже после смерти Олега Андреевича. Этот учебник является сегодня лучшим среди учебников по истории государства и права зарубежных стран, рекомендованных российским студентам»⁷.

Среди учебных пособий, написанных О.А. Жидковым, следует отметить «Историю государства и права стран Латинской Америки» (М., 1967)⁸, которым был закрыт серьезный пробел в историко-правовой науке и осуществлен, по сути, настоящий прорыв в отечественной государственно-правовой латиноамериканистике. Значение этого труда Олега Андреевича актуально и по сей день. Вот уже более 50 лет эта книга является наиболее часто цитируемой работой по истории государства и права стран Латинской Америки.

Новаторскими и актуальными были работы О.А. Жидкова, посвященные исследованию проблем права развивающихся стран Азии и Африки⁹.

⁷ Олег Андреевич Жидков. Избранные труды / Отв. ред. Г.И. Муромцев, Е.Н. Трикоз. — М.Ж. Норма, 2006. С. 8.

⁸ Жидков О.А. История государства и права стран Латинской Америки. М., 1967.

⁹ Жидков О.А. Судебный прецедент в правовых системах развивающихся стран // Государство и право в развивающихся странах. Источники права. М., 1985.

Важно подчеркнуть, что основные научные труды Олега Андреевича были переведены на ряд иностранных языков: английский, французский, немецкий, что свидетельствует об их значимости и о масштабе личности профессора О.А. Жидкова, о важности его творческого наследия.

В 1996 году Олега Андреевича Жидкова сменил на посту заведующего кафедрой теории и истории государства и права юридического факультета РУДН его ближайший соратник доктор юридических наук, профессор Геннадий Илларионович Муромцев. Геннадий Илларионович продолжил многие начинания Олега Андреевича, проверенные временем, но, вместе с тем, ему пришлось и многое перестраивать в трудные годы развала СССР и перехода нашего университета, теперь уже переименованного в Российский университет дружбы народов (РУДН), под управление Министерства образования Российской Федерации. Кафедре пришлось в рабочем порядке, быстро, но качественно, пересматривать учебные планы, лекционные курсы, во многом менять формы и методы проведения семинарских занятий. Профессору Г.И. Муромцеву пришлось прилагать неимоверные усилия, весь свой научный авторитет и опыт руководителя, чтобы отстоять и профиль, и специфику базовой кафедры юридического факультета и ее высокий научный потенциал, а главное — сберечь кадры. И наших ветеранов — видных опытных ученых, и молодых преподавателей. Все мы старались в этот период работать так, чтобы позиции кафедры неуклонно укреплялись, чтобы методика преподавания в новых условиях совершенствовалась постоянно и кафедра сохраняла звание ведущей кафедры юридического факультета. Во всех этих делах Геннадию Илларионовичу всячески помогал Олег Андреевич, который до последних своих дней, несмотря на тяжелую болезнь, был главным советчиком, с энтузиазмом принимал новые идеи, оставаясь старейшиной и душой нашего дружного коллектива. Конечно ему было больно видеть происходящие в стране перемены, но он постоянно подчеркивал, что мы должны сохранять особые отношения со странами Азии, Африки и Латинской Америки, не забывать, а продолжать развивать научные исследования в области государства и права стран этих регионов, оставаться верными главному принципу нашего университета — Дружбы народов.

В 2005 году кафедра понесла огромную утрату. Ушел из жизни наш дорогой Олег Андреевич Жидков. Это была тяжелая, невосполнимая потеря не только для нашей кафедры, факультета и Университета, но и для всей отечественной юридической общественности. Все мы понимали, что на нас ложится большая ответственность. Нужно было мобилизовать все ресурсы, все душевные силы нашего коллектива, чтобы достойно продолжить дело всей жизни Олега Андреевича.

Новый этап в развитии кафедры связан с приходом в начале 2009 года в наш коллектив доктора юридических наук, профессора Немытиной Марины Викторовны. Она возглавила кафедру в непростое время. Являясь признанным ученым в области истории судебной системы России, социокультурного развития права России и зарубежных стран, она не только сохранила все положительное,

что было наработано кафедрой, но и подняла на новый уровень преподавание и исследования проблем методологии и юридической науки и образования.

Новый импульс получила проводимая кафедрой ежегодная общероссийская научно-практическая конференция, посвященная профессору О.А. Жидкову, — «Жидковские чтения». Благодаря организаторскому таланту М.В. Немытиной эта конференция приобрела статус Международной, под общим названием «Право — явление цивилизации и культуры», и стала одной из самых значимых и популярных научных площадок на постсоветском пространстве не только для историков и теоретиков права и государства, но также для всех ученых отраслевиков и специалистов-практиков, исследующих наиболее актуальные проблемы права и государства. Отрадно и то, что в этой важной работе очень хорошо проявили себя молодые преподаватели кафедры — доцент Михеева Цибик Цырендоржиевна и старший преподаватель Графшонкина Анастасия Андреевна. Все более популярной среди магистров, аспирантов и преподавателей становится «Юридическая зимняя Академия» под руководством М.В. Немытиной, которая проводится силами нашей кафедры и преподавателями Филиала РУДН в городе Сочи.

Все это свидетельствует о том, что научная школа теории и истории права и государства Юридического института РУДН, у истоков которой стоял профессор Олег Андреевич Жидков, продолжает развиваться и совершенствоваться.

Научно-педагогическая и общественная деятельность профессора О.А. Жидкова еще долго будет служить примером беззаветной верности своему делу, научной добросовестности и бескорыстной преданности долгу Ученого, Учителя и Человека.

И нам — его ученикам, преподавателям, выпускникам Университета дружбы народов — необходимо сохранять, продолжать и преумножать славные традиции, заложенные основателями и ветеранами УДН и факультетов и прилагать все усилия для выполнения высокой благородной миссии Российского университета дружбы народов, как международно-ориентированного университета — подготовку мировой элиты.

В свое время Олег Андреевич Жидков вывел и повторял своим ученикам короткую формулу успеха в науке, согласно которой для успеха необходимы десять процентов таланта и девяносто процентов труда. Этой формулой стремились руководствоваться мы, его ученики. Я хотел бы передать ее новому поколению молодых ученых-юристов. Не бойтесь труда, воспитывайте в себе железную волю, дисциплину, научную добросовестность и главное — любовь к научному поиску.

А родному Российскому университету дружбы народов в год его 60-летия я желаю великого будущего на века!

Об авторе:

Федоров Михаил Васильевич – кандидат юридических наук, доцент кафедры истории государства и права, юридический институт, Российский университет дружбы народов

SPIN: 1231-6010

e-mail: fedorov-mv@rudn.ru

Для цитирования:

Федоров М.В. Жидков Олег Андреевич – человек, ученый, педагог // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки*. 2019. Т. 23 № 4. С. 665–678. DOI: 10.22363/2313-2337-2019-23-4-665-678.

Дата поступления в редакцию: 28 августа 2019 г.

Дата принятия к печати: 15 октября 2019 г.

Informational article

ZHIDKOV OLEG ANDREEVICH – MAN, SCIENTIST, TEACHER

Michael V. Fedorov

Peoples' Friendship University of Russia
6, Miklukho-Maklaya str., 117198, Moscow, Russia

About author:

Michael V. Fedorov – candidate of legal sciences, associate professor, Department of History of Law and State of RUDN University

SPIN: 1231-6010

e-mail: fedorov-mv@rudn.ru

For citation:

Fedorov, M.V. (2019) Zhidkov Oleg Andreevich – man, scientist, teacher. *RUDN Journal of Law*. 23 (4), pp. 665–678. DOI: 10.22363/2313-2337-2019-23-4-665-678.

Article received August 28, 2019

Article accepted October 15, 2019